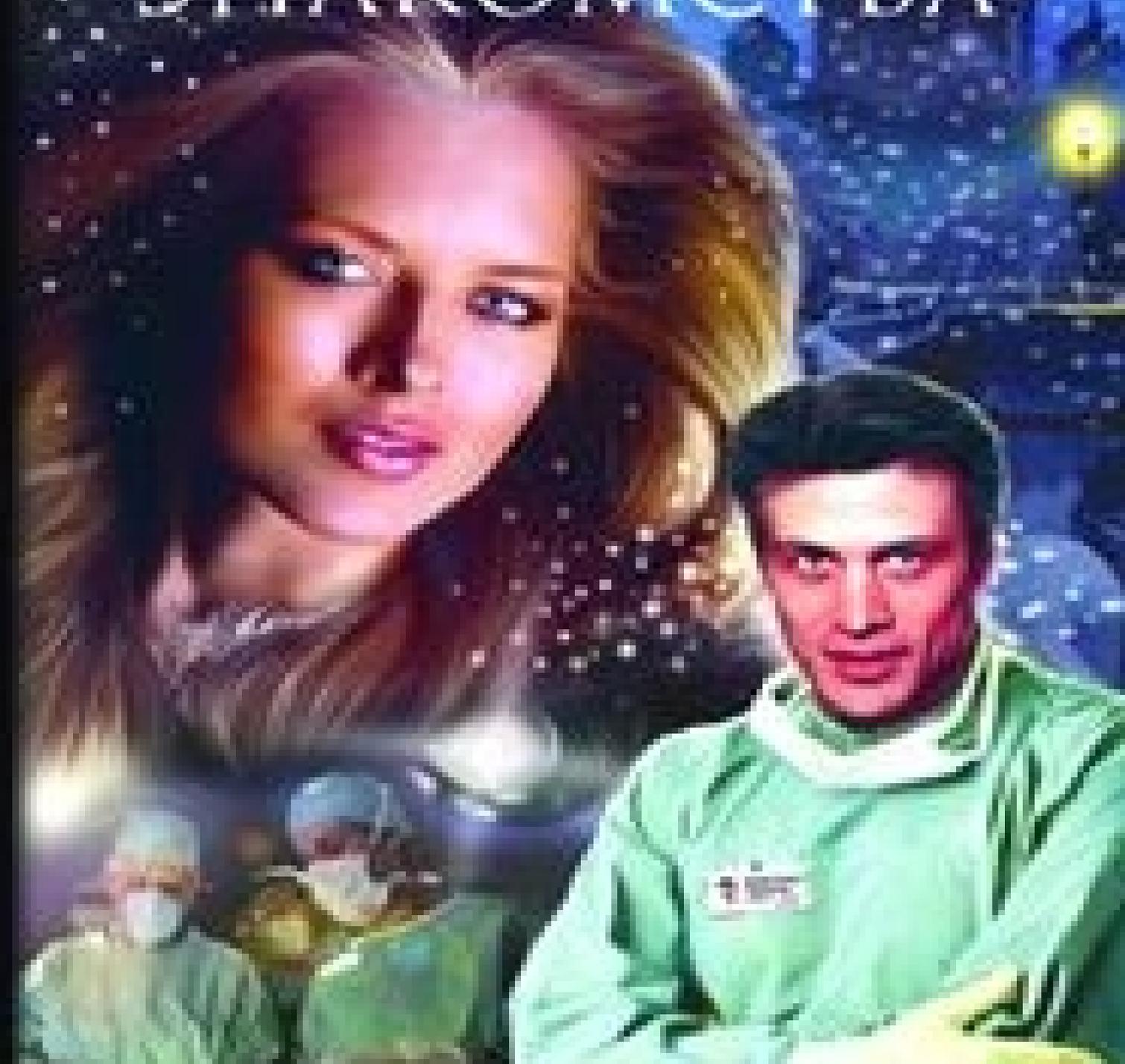

КЛАССИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

МАРИЯ ВОРОНОВА

ПОВОД
ДЛЯ
ЗНАКОМСТВА

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Annotation

Эти мужчина и женщина из разных миров. Он – талантливый хирург, отвергнутый медицинской «элитой» из-за нежелания участвовать в аферах с оборудованием. Она – утонченная преподавательница музыки. Но однажды их пути пересекутся. Профессору Колдунову предстоит оперировать больную, а Кате – ухаживать за ней. Сможет ли Катя, прежде далекая от реальности, справиться с испытаниями, которые ждут ее в настоящей жизни? Станет ли она счастливой, услышав от мужчины слова, о которых так долго мечтала?..

- [Мария Воронова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
-

Мария Воронова

Повод для знакомства

Глава 1

Катя допивала утренний кофе с молоком. Она любила эти пятнадцать минут, когда между глотками любимого напитка можно было поразмыслить о наступающем дне. Катя протянула руку к тостеру, но тут же отдернула. Не дай Бог поправиться! Несколько лишних килограммов всегда вгоняли ее в панику, она начинала корить себя за безволие и распущенность.

В кухню вошла мама. Кутаясь в пуховый платок, села напротив дочери и строго посмотрела на нее.

«Интересно, что я натворила на этот раз?» – подумала Катя. Вряд ли мама встала бы с постели в такую рань, чтобы просто пожелать ей доброго утра.

– Ты сегодня опять едешь с Юрой? – как бы невзначай спросила мама.

Катя помедлила с ответом. Сосед по лестничной клетке купил машину. Оказалось, что по дороге на работу он проезжает мимо Катиного музыкального училища, вот и завел привычку подвозить ее по утрам. Мама была этим недовольна. Даже зная ее строгие жизненные принципы, Катя не могла сообразить: что же такого плохого она делает, пользуясь Юриной добротой?

– Так ты едешь с ним?

– Наверное.

– Лучше бы тебе этого не делать. Юра – не нашего круга. Не нужно у него одалживаться. Катя, разве ты не знаешь этих людей? Если он тебя пару раз подвезет, то будет считать, что ты ему должна по гроб жизни.

Катя демонстративно посмотрела на часы.

– Извини, но я должна идти...

– В первую очередь ты должна прислушаться к моему совету. Катя, он же милиционер! А эти люди ничего не делают просто так. Наверняка ему что-то нужно от тебя.

– Да что может быть нужно милиционеру от учительницы музыки?

– Посмотришь.

Катя побежала одеваться. У нее была хорошая фигура, немного сухощавая, с длинными и красивыми, даже на ее собственный взгляд, ногами. Короткие рыжие волосы лежали аккуратными волнами, черты лица были правильными, но, к сожалению, терялись в обилии веснушек. Глядя на себя в зеркало, Катя часто повторяла фразу, сказанную бабушкой ее школьной подруги: «Лицо как кукушкино яйцо». В юности Катя пыталась бороться с веснушками, изводила их то огуречным соком, то масками из простокваши, то другими народными средствами (ни о каких «эйвонах» никто тогда слыхом не слыхивал).

Поступив в консерваторию, Катя смирилась со своей «пятнистостью». Купила помаду и тушь коричневатых тонов и успокоилась. Ей часто говорили, что она похожа на Николь Кидман, но Кате никогда не нравилась эта актриса.

Мама перехватила ее в дверях:

– Ты меня поняла? Я не хочу, чтобы ты ездила с Юрой.

– А что я ему скажу? Что мне мама не разрешает?

– Скажи, что тебя укачивает.

– Ладно, – быстро согласилась Катя. Из окна мама все равно не увидит, как она садится в машину.

Юра уже ждал ее, скребком борясь с наледью на стеклах. Катя невольно засмотрелась, такой он был ладненький, энергичный. В голову полезли разные мысли. «Интересно, как это он... с женщинами?..» Катя тут же покраснела.

– Помочь?

– Что ты, Катюша! Тебе же руки беречь надо. Да все уже, садись.

Юра распахнул перед ней дверцу своих новых «Жигулей». Катя полезла внутрь, смущаясь оттого, что юбка задирается и Юра видит ее коленки. Она вообще чувствовала себя неловко наедине с соседом. Иногда ей казалось, что он не прочь завести с ней роман.

Вот и сейчас, искоса поглядывая на Юрино сосредоточенное лицо, Катя гадала, как он целуется... Она представляла, как это все у них будет, и ей становилось страшно и сладко.

Из автомобильной магнитолы лились оскорбительные для Катиного музыкального уха звуки. Юра, похоже, ими наслаждался, даже подпевал. Весьма, надо сказать, фальшиво. Интересно, что будет,

если они поженятся? В доме гремит попса, Юра с бутылкой пива на диване...

– О чем задумалась, Катюша? Боишься опоздать? Сейчас пробочку одолеем, а дальше – одним махом!

– Ничего страшного, время еще есть.

– Вот и ладненько. Куда ты, козел, лезешь? – вскричал внезапно Юра, резко виляя в сторону. – Ну и люди – в поле ветер, в попе дым!

Катя не нашла нужных слов для достойного продолжения такой беседы.

– Слушай, а ты не могла бы ребенка посмотреть? – продолжал Юра, отругавшись. – У моей подруги дочка вроде бы способная к музыке.

На Катю навалилась черная тоска. Мама в очередной раз оказалась права. Она всегда оказывалась права. Конечно, Юре проще было несколько раз подвезти соседку до работы, чем искать неизвестно где толкового педагога, платить ему деньги...

А она, дуручка, напридумывала себе неизвестно что! От осознания собственной глупости Катя рассердилась.

– Я посмотрю расписание, выберу время и вечером скажу тебе, – ровным голосом пообещала она.

– Вот спасибо!

– Не за что пока. Юра, как ты можешь слушать это? – Катя дала все-таки выход эмоциям. – Это же кошмар!

– Да? А мне нравится. Да и тебе, Кать, понравится, если ты врубишься. А то заколодило тебя на твоих симфониях.

Катя не ответила. Да, мама, к сожалению, совершенно права. Как ей хотелось считать Юру равным себе, интересным и порядочным человеком! Как она пыталась пропускать мимо ушей все мамины аргументы, как убеждала себя в том, что ее мама – вздорная! Увы, мама просто объективно смотрит на мир.

Суховато простившись с Юрой, Катя поспешила в училище. Предстоял напряженный день: две ее ученицы готовились к всероссийскому конкурсу молодых пианистов, и Катя рассчитывала на призовые места, поэтому девочкам спуска не давала. Нельзя было забывать и про других, менее одаренных учеников: они ни в коем случае не должны чувствовать себя людьми второго сорта, которыми педагог пренебрегает. Катя понимала, что амбиции музыканта плюс

подростковые комплексы – гремучая смесь, способная разьесть юную душу, и очень старалась вдохнуть в учеников веру в свои силы.

До первого ученика оставалось еще несколько минут. Катя воровато огляделась, заперлась в классе и открыла окно. Пахнуло влажной питерской зимой, солнце закинуло несколько лучей в комнату, сверкнуло крышкой рояля, а Катя почти по пояс высунулась из окна и закурила сигарету. На темя ей капнуло с крыши, вода с волос поползла за шиворот, и, затаиваясь, Катя радостно подумала, что скоро весна.

В здании училища курить запрещалось под страхом увольнения, но она пренебрегала этим запретом. Больше того, если бы преподавателям разрешали дымить где попало, она скорее всего бросила бы это занятие. Ее будоражила не сигарета, а факт, что она совершает что-то недозволенное, поступает не как почтенная учительница музыки, а как трудный подросток.

– Екатерина Николаевна, вы у себя? – раздался за дверью голос Георгия Марковича, виолончелиста, и Катя от испуга чуть не вывалилась из окна.

Георгий Маркович вряд ли был старше ее, но выглядел совершеннейшим старикашкой. Характер он имел бабский, читай – вредный и подлый. Может быть, потому, что был одинок и жил с мамой, а может быть, уродился таким. У Кати ведь такая же ситуация, но она-то не обабилась!

Сначала она думала, что под неказистой оболочкой и некрасивыми поступками скрывается тонкая и ранимая душа, но после нескольких лет совместной работы пришла к выводу, что ничего там не скрывается. В том, что Жора донесет на нее директору, если застукает за курением в классе, можно было даже не сомневаться.

– Екатерина Николаевна, откройте, – не отступал Георгий Маркович.

– Я не могу открыть. – Катя выкинула недокуренную сигарету в окно и стала лихорадочно размахивать руками, разгоняя дым.

– Что случилось?

– Я промочила ноги! Переодеваю колготки! – рявкнула она, даже сквозь дверь чувствуя, как краснеет целомудренный виолончелист. Подобные интимности были ему глубоко чужды, как, впрочем, и другим преподавателям мужского пола. Недаром мама, побывав в ее

училище, презрительно сказала: «Область стерильного выселения вида».

– Зайдите к директору, – пискнул Георгий Маркович и удалился.

Катя еще немного помахала руками, закрыла окно и отправилась на ковер.

Ян Александрович Колдунов, полковник медицинской службы в отставке, доктор наук, начальник третьего хирургического отделения, боролся со стихией. Раковина в перевязочной страшно рычала и извергала потоки мутной воды. Неискушенный в сантехнических работах, Ян Александрович скакал вокруг новоявленного фонтана на пару с перевязочной сестрой Клавдией Ивановной, собирая воду тряпками и отжимая ее в таз.

– Долго мы с тобой без подкрепления не продержимся, – резюмировала Клавдия Ивановна, дама восьмидесяти пяти лет от роду, – диагноз-то хоть поставлен?

– Засор по стояку, мать его ети!

– А! – сказала Клавдия Ивановна, будто Колдунов снял камень с ее души, и нагнулась подтирать очередную лужу.

Ян Александрович мрачно думал, что конца этому веселому занятию не предвидится. Клавдия Ивановна еще не знала всей правды: заместитель главного врача по АХЧ отказался бесплатно направить в отделение сантехников.

– Ну как? Клавдия Ивановна, давайте тряпку, – вошла старшая медсестра Вера. Она весила чуть ли не сто килограммов, носила короткую кудрявую стрижку и всем своим обликом напоминала гигантского младенца. За вечно торчащие дыбом волосы Веру называли Ананас, и она охотно отзывалась. – Ян Александрович, так когда сантехники придут?

Вера взяла у старушки тряпку и с удивительной для ее комплекции легкостью стала собирать воду. Халат сзади натянулся и угрожающе затрещал.

– Ладно, я покурю пока, – сказала Клавдия Ивановна и вышла.

– Ну что, Ян, помощь близка?

– Не мечтай! Знаешь, что сказала эта пьянь хозяйственная? Делиться, говорит, надо! Вы, говорит, товарищ Колдунов, бабки гребете с пациентов, вот и давайте! Пятьсот рублей, и засора как не

бывало. И стояк перекрыть отказался. Ваши, говорит, личные трудности!

– Вот подлюка! – От возмущения Вера бросила тряпку Колдунову под ноги, и его окатило небольшой грязной волной. – Ох, извини!

– Ничего. А ведь дашь им денег, Ананас, совсем сядут на шею. Они и так сбрендили! Будто уже в Штатах живем. Полный отрыв от реальности. Где я им эти деньги возьму? Верушка, а может, спиртом их приманить? Есть у тебя?

– Есть, конечно, но те водопроводчики, которые за спирт ходят, такого тебе натворят, что, глядя на их работу, ты сам у меня спирта запросишь.

– Тоже выход! Сейчас вмажем на троих, и пусть тут все заливают к свиньям!

– Увы, Ян, под нами хорошие люди.

– Да уж, нейрохирургам и без нас несладко живется. Вот если бы под нами администрация была... Я бы краник посильнее отвернул и домой пошел!

– Ладно, попробую еще разок воззвать к светлым чувствам нашего АХЧ.

Вера стала звонить по местному телефону, а Ян с удвоенной энергией принялся собирать постоянно прибывающую воду.

– Девочек хоть пригони, пусть помогут, – буркнул он, осознав, что вероломные женщины оставили его одного сдерживать натиск стихии.

– А на посту кто будет работать, Пушкин? – огрызнулась Вера, уже накрутившая себя для разговора с АХЧ. – Але, Валера! – внезапно гаркнула она, перекрыв шум, издаваемый раковиной. – Ты чего выеживаешься? Как это – не пришлешь? Да ты вообще соображаешь? У тебя больница на куски разваливается, а ты ходишь руки в брюки, шланг в карман! Откуда я тебе деньги возьму, я их не печатаю! Мы полгода без премий. Валера, не борзей! Что ты сказал? Что?! Что?! Ах ты, подлюка! Нет, ты послушай!

Но АХЧ, видимо, не послушал, потому что Вера положила трубку с самым растерянным видом. Сейчас она напоминала младенца, у которого не только отобрали любимую погремушку, но еще и хорошенько наподдали по попе.

– Слушай, Ян, я, кажется, все испортила. Пар ушел в гудок. Он сказал, что наше отделение убыточное, никакой пользы больнице не

приносит, так что, если мы тут все в сточных водах захлебнемся, никто плакать не станет. Больше никогда нам ни одного наряда не выпишет.

– А то раньше выписывал! – Это вернулась Клавдия Ивановна, благоухающая «Беломором». – Не переживайте, дети мои, что-нибудь придумаем. Вроде бы сантехники трубы под напором воздуха продувают. Может быть, нам взять баллон с кислородом из операционной...

– Бросить его под раковину, открыть вентиль и зажечь спичку! Тот Валере будет радости, когда он завтра полбольницы недосчитается. Ему хлопот меньше.

– Нужно обзвонить все отделения над нами, чтобы они пока перевязочными своими не пользовались. Впрочем, вечер уже, и так все закрывают.

– В этот стояк еще палаты врезаны. Больных же без воды не оставишь.

– Унитазы, я надеюсь, к другой трубе подключены? – холодея, спросил Колдунов.

– Да вроде бы...

– Не слышу уверенности в голосе...

Клавдия Ивановна уселась на перевязочный стол и по-девчоночьи заболтала ногами. Ян подхватил полные ведра и собрался выносить их в туалет, но Вера остановила его:

– Ты не отсекай по отделению с помоями, не роняй свой авторитет.

– И так уже ниже плинтуса, – отмахнулся он, – пусть все видят, чем вынужден заниматься заведующий.

Ян распахнул дверь и, беспечно покачивая ведрами, вышел в коридор. Взгляд зацепил фигуру второго и последнего отделенческого врача Эрнста Михайловича Цырлина. Фигура, облаченная в куртку, быстро удалялась в сторону лестницы. «Вот паразитина!» – выругался Колдунов. Конечно, он и не ждал, что косивший под рафинированного интеллигента Цырлин кинется грудью на амбразуру, но надеялся, что тот хотя бы не уйдет, пока отделение не справится со стихией.

Вообще отделение Колдунова считалось в больнице гиблым местом. Здесь лежали либо самые тяжелые больные, либо маргиналы, оторванные напрочь от нормальной жизни. Зачастую один пациент

сочетал в себе оба этих признака, так что Колдунов с сотрудниками отнюдь не купались в левых доходах. Зато лечение этих пациентов требовало много времени и сил, а желающих кувыркаться целыми днями на голую докторскую зарплату находилось мало. Периодически появлялись какие-то врачи, но не приживались, быстро находили себе места получше.

Цырлин был единственным доктором, проработавшим у Яна несколько лет, причем Колдунов не знал, радоваться или огорчаться такому постоянству.

На свежего человека Эрнст производил впечатление блестящего эрудита, и поначалу Колдунов возрадовался, как дитя, что у него будет работать такой умный хирург, но быстро разочаровался. Цырлин постоянно читал специальную литературу, но гибкости ума ему явно не хватало. Вдолбить ему в голову что-то новое было практически невозможно, зато информация, все-таки проникшая в пределы его черепной коробки, застревала там намертво. А главное, Цырлин не умел принимать решения.

Он часами обсуждал больного, приводил аргументы и контраргументы, даже выдавал небольшой литературный обзорчик по новейшим медицинским журналам, но на вопрос «что делать?» всегда приходилось отвечать Яну.

Зато после того как Ян принимал решение и оно претворялось в жизнь, Цырлин убедительно доказывал, что решение это было ошибочным и Ян – необразованный вояка. То, что больной поправлялся, Цырлин каждый раз объяснял случайностью.

Именно благодаря своей инертности Эрик до сих пор и трудился у Колдунова. Будь он посообразительнее и порешительнее, давно бы ушел.

– Ян Александрович? – окликнула его незнакомая женщина.

Колдунов быстро оценил высокий рост, безупречную фигуру, выпирающую из тесной блузки грудь, совершенной формы ножки, броский макияж, пышную прическу из разноцветных волос и с удовольствием признался, что он действительно Ян Александрович.

– С полными ведрами на счастье. – Женщина широко улыбнулась. – Меня к вам из первой хирургии перевели работать.

– Врачом?

– Типа того.

Ян не мог сдержать вздоха разочарования. В кадрах ему давно обещали заполнить врачебную ставку. Колдунов, конечно, не питал иллюзий, что ему пришлют опытного и грамотного хирурга с хорошим характером, но надеялся, что это будет хотя бы мужчина. А тут девица со стажем не больше пяти лет да еще явно не озабоченная лечебным процессом! Теперь Ян с совсем другим чувством разглядывал ее личико и другие части тела.

– Прощтрафилась? – нежно спросил он.

– Ясен пень. – Девица энергично передвинула во рту жевательную резинку. – С такой поляны люди сами не сваливают.

– И что же ты натворила, прелестное дитя? – поинтересовался Ян. – Деньги взяла и не поделилась или по любовному делу?

– Да так...

В этот момент дверь перевязочной распахнулась и в коридор выскочила Вера.

– Ян Александрович! Где вы застряли? Нам воду некуда сливать!

Хорошее воспитание не позволило Вере выразиться так, как ей бы хотелось, но по покрасневшему лицу и волосам, торчащим больше обычного, Ян понял, что старшую сестру обуревают сильные чувства.

– Пардон. – И он с ведрами отбыл в сторону туалета.

Когда Колдунов вернулся, новый доктор, позвякивая многочисленными украшениями и оттопырив пятую точку, азартно ползала под раковиной с тряпкой.

– Уже трудишься?

– Да, как бы приступила. А водопроводчики когда подгробут?

– Водопроводчики, – каменным голосом произнесла Клавдия Ивановна и глубоко вздохнула, – не подгробут.

– Не поняла?

Ян вкратце объяснил диспозицию.

– Давайте сунем им в зубы пятихатку, и всех делов!

– Не будем мы давать им никаких денег! – взвилась Вера. – Они обязаны ликвидировать засор бесплатно!

– Да! Когда меня вызывают на другое отделение консультировать, я же не требую за это денег. Иду бесплатно, бывает, и оперирую.

– Ну так вы, в натуре, не водопроводчик. Доктор же, не хвост собачий, – сказала новая докторица из-под раковины.

– Лучше бы я был водопроводчиком. Нет уж, никаких денег они от меня не дождутся. Из принципа!

– Так это чего, у вас принципы такие, чтобы стоять в дерьме по колено?

Ян с Верой и Клавдией Ивановной переглянулись.

– Куда мы денемся с подводной лодки? – продолжала наглая девица. – Вечно тут тусоваться, что ли? Лично я домой хочу.

– С другой стороны, Ян... Девка права, – вступила Клавдия Ивановна, – поставила нас администрация в позу, так тут уж, как говорится, не суетись под клиентом.

– Ясен пень! Скинемся на троих по сто шестьдесят пять рублей, бабушку в долю брать не будем, да и все. С больных потом стрясем.

Ян в немом восхищении смотрел на новую коллегу. Человек, способный разделить пятьсот на три в уме, казался ему существом высшего порядка.

– Чего это ты бабушку в долю брать не будешь? У бабушки, к твоему сведению, военная пенсия и зарплата поболее твоего! – сварливо сказала Клавдия Ивановна.

– И у меня военная пенсия, – похвастался Ян Александрович.

– Давайте еще посчитаем совокупный доход каждого и высчитаем, по сколько будем сбрасываться. Я звоню, короче, Валерке. Капитулирую!

И Вера схватила телефонную трубку.

– Мы с Яном, как пенсионеры, по сто пятьдесят, а вы, девчонки, по сотне, – сказала Клавдия Ивановна.

– Валера, гнида, – так Вера пыталась сохранить лицо, – давай, пей нашу кровь. Срочно присылай нам специалиста, деньги будут. Но ты, ты... Попробуй только сунуться к нам с какой-нибудь болячкой! Мы тебя по полной программе разведем, по максимальной цене! Будь спокоен!

После расчета с водопроводчиком Ян Александрович уже не мог позволить себе с шиком проехаться домой на маршрутке. Он, как истинный пенсионер, тосковал на остановке в ожидании автобуса. Было темно и холодно, фонари горели слабо, как лампочки в пыльном чулане. Ян смотрел на светящиеся окна домов и представлял, какая уютная и счастливая жизнь происходит за этими окнами. Там ласковая

жена, озорные, но любящие и любимые дети, запах пирогов из кухни и теплый плед. Из всего этого у самого Яна имелся только теплый плед.

От жалости к себе, неприкаянному, он закурил, хотя тысячу раз зарекался не дымить на улице.

Около него остановилась черная «Волга» и посигналила. Приглядевшись, Ян Александрович узнал служебную машину главного врача. Он подошел, открыл заднюю дверь и засунул голову в салон:

– Здравствуйте, Алевтина Васильевна.

– Подвезти, Ян Александрович?

– Премного благодарен.

Отказ выглядел бы глупо и нелепо. Ян выбросил сигарету и уселся, стараясь, чтобы его бедро не соприкасалось с бедром главного врача.

– Вы, кажется, живете недалеко? На Ивановской?

– Совершенно точно. И как вы только помните?

– Ну, я наперечет знаю своих сотрудников с таким большим творческим потенциалом, – ядовито сказала Алевтина Васильевна, и Ян немного смутился.

Главный врач откинулась на спинку сиденья и закурила, непристойно вытягивая губы. Она была необыкновенно красивой женщиной, в Голливуде ее приняли бы как родную. Алевтина Васильевна могла бы свести с ума любого мужчину, даже не такого страшного бабника, как Ян, и она прекрасно это знала.

Элегантно, насколько это было возможно на заднем сиденье автомобиля, она закинула ногу на ногу, так что строгая юбка поднялась значительно выше колена. «Какого черта я сел к ней в машину?» – раздраженно подумал Ян.

* * *

Катя не любила посещать директора музыкального училища. Она прекрасно знала, что является одной из лучших преподавательниц фортепиано в городе и работает почти безупречно, но все равно боялась. Больше всего – того, что вскроется ее ужасная тайна: она дает частные уроки в своем классе после обязательных занятий. Это было

бы трагедией, ведь левый заработок составлял основную часть ее дохода, и Катя уже привыкла жить на сравнительно широкую ногу. Перенести частные уроки к себе домой она не могла, мама категорически запрещала это, поэтому Катя жила в постоянном страхе.

Кроме того, даже если вызов к директору не был связан с ее разоблачением, то ничего хорошего, кроме нудных поручений распределить педнагрузку, ее там все равно не ждало.

– Екатерина Николаевна, дорогая, садитесь! – Директор училища, пожилой дядечка шарообразного вида, бывший трубач, встретил ее необыкновенно радушно. – Не хотите ли кофейку перед началом рабочего дня? Я сам варю. Покупаю только зерна, мелю их непосредственно перед употреблением и завариваю в турочке. Будете пить?

– Что вы, мне неловко затруднять вас.

«Какой кофе может быть с твоим давлением? – хотелось ей спросить директора. – Тебе же один шаг до инсульта остался!»

– Боже мой, что вы говорите, дорогая Екатерина Николаевна! Это радость – угостить такую прелестную женщину!

«Почему он сегодня в таком игривом настроении, старый ловелас? – подумала Катя. – Неспроста это...»

Тем не менее она терпеливо сидела, пока директор осуществлял все необходимые для приготовления кофе манипуляции. У него был очень маленький кабинет, в котором едва уместались письменный стол, вешалка для одежды и шкаф с классными журналами. Комнатка давно требовала косметического ремонта, побелка осыпалась, а обои кое-где были прихвачены скотчем. Директор был под стать своему кабинету. Если бы вдруг по мановению волшебной палочки в кабинете сделался евроремонт, то директор со своей лысиной, в заштопанном пиджаке и неопикуемом галстуке стал бы здесь инородным телом.

Наконец Катя получила микроскопическую чашку кофе.

– У меня к вам просьба, дорогая. Несколько необычная, даже странная, и вы можете отказаться... Никто вас не осудит...

– Я слушаю вас, Петр Петрович.

– Видите ли, вы очень талантливы, я знаю. Знаю и то, что ваши ученицы готовятся к конкурсу...

– Вы хотите меня уволить? – брякнула Катя.

– Боже упаси! Разумеется, нет! Как вы могли подумать? Я хочу вас послать в командировку. В некотором роде.

– Но я не могу никуда ехать! Конкурс на носу, как я девочек оставлю? И другие ученики тоже... Я наметила программы, многие только начали работать над произведениями.

– Я все понимаю. Но с другой стороны, вашим конкурсанткам будет только полезно, чтобы кто-то взглянул на них свежим глазом. Потом, вы территориально останетесь в городе и сможете, если захотите, заниматься с девочками. Вы, надеюсь, помните Маргариту Матвеевну?

– Разумеется, я даже немного у нее училась.

– Видите ли, Катенька, она заболела. Ее положили в больницу и обнаружили на желудке опухоль.

– Ох, какой кошмар!

– Именно. Будут делать операцию. Я говорил с доктором, он все мне объяснил, сказал, что это единственная возможность спасти Маргариту Матвеевну, но потребуются помощь. А у нее никого, она совершенно одинока. Вот я и подумал, что вы, как молодая женщина и ее ученица, могли бы помочь. За ней же нужно ухаживать. И сейчас, и тем более после операции. Вот я и хочу направить вас в командировку в больницу. Конечно, зарплата сохранится за вами в полном объеме, и другие коллеги будут периодически подменять вас, но вы будете главной сиделкой. Как, Екатерина Николаевна?

«Пропали левые уроки», – подумала Катя.

– Хорошо, я согласна. Когда приступить? – Отказаться было просто невозможно. Не то чтобы Катя очень любила Маргариту Матвеевну или сильно хотела ей помочь, но кем ее посчитают сотрудники, если она откажет?

– Чем раньше, тем лучше. Сегодня день доработайте, сдайте дела Людмиле Ароновне и Валентине Петровне, а завтра с утра и начнете. Вот координаты, где лежит Маргарита Матвеевна. Когда вам понадобится отлучиться, звоните мне, и я тут же пришлю вам замену.

– Как ты могла согласиться на такое унижение? – Мама расхаживала по кухне вокруг Кати.

– Я же тебе все объяснила. – Катя гладила халатики и полотенца, с которыми собиралась завтра отбыть к новому месту службы.

– Но это форменное безобразие! И ты тоже хороша. Я, Катя, не понимаю, как можно быть настолько лишенной чувства собственного достоинства.

Катя молча водила утюгом по спинке цветастого халата. Когда-то это было ее парадное платье, в нем она первый раз целовалась с мальчиком. Ей безумно нравился рисунок ткани, только теперь он поблек, как поблекла и она сама, и ее чувства.

– Нет, ты, кажется, даже не понимаешь ситуации. Тебе дали понять, какое место ты занимаешь в училище, а ты, вместо того чтобы возмутиться, соглашаешься выносить горшки.

«Горшки, да», – мрачно подумала Катя. Этот аспект она как-то упустила из виду. Ей работа сиделки виделась в романтическом свете. Вот она сидит читает Маргарите Матвеевне газету, вот поправляет ей одеяло, дает попить... Потом подходит к соседней кровати, спрашивает, не нужно ли чем помочь...

И эта прелестная картинка оказалась грубо перечеркнута. Катя засомневалась, под силу ли ей будет подавать судно, но теперь уже ничего нельзя было поделать.

– Что ты молчишь?

Следовало срочно что-то сказать матери, иначе она могла бы счесть, что Катя ее игнорирует и оскорбляет молчанием.

– Но, мама, Маргарита Матвеевна нуждается в помощи.

– Это я понимаю. Только не могу понять, почему на должность сиделки выбрана именно ты! Что, у вас нет сотрудников без высшего образования? Уборщицы какой-нибудь? Конечно, ты должна исполнить свой долг перед старушкой, навестить ее, принести передачку, но ни в коем случае нельзя превращаться в бессловесную сиделку. Или ты не чувствуешь, насколько это оскорбительно для тебя?

– Но что же делать?

– Не знаю! Во всяком случае, нельзя было соглашаться на это возмутительное предложение. Я думаю, что на твоём месте немедленно подала бы заявление об уходе, если бы мне так определенно дали понять, что не ценят меня как специалиста.

– Наоборот, меня считают очень добросовестным работником. Поэтому и выбрали на роль сиделки.

– Разумеется! Никак иначе! А о том, что у тебя конкурс на носу, они просто забыли! Они совсем не подумали о том, что если твои

ученики победят, то все лавры достанутся тем педагогам, которые заменят тебя, пока ты будешь изображать из себя мать Терезу. Ни на секунду об этом не подумали, уверяю!

Черт, а ведь и правда! Катя совсем упустила это из виду. Нет, все-таки мама всегда смотрит в корень. Валентина Петровна наверняка уже вцепилась в ее девочек, как щука. Если они победят, хотя бы одна из них, то Валя разнесет по всей вселенной, что готовила их к конкурсу именно она, присвоит себе все заслуги педагога, а о Кате даже не вспомнит.

– Мама, это не первый и не последний конкурс. Мне важны не лавры, а сознание того, что я вырастила хороших музыкантов.

– Да что ты говоришь?!

Конечно, мама права. Кате хотелось бы стоять рядом со своими девочками во время их триумфа, может быть, ее даже показали бы по телевизору. Она смогла бы повидаться со старыми друзьями, с однокурсниками. Действительно, почему это Петр Петрович выбрал ее ходить за старухой? Маргарита Матвеевна не была ее наставницей, просто около года преподавала в их группе теорию музыки, и у Кати не было перед ней никаких обязательств. Почему он обратился именно к Кате? Знал, что она не откажет? Или она была не первой, просто остальные оказались умнее?

Светка – так звали новую докторицу – и Цырлин сразу невзлюбили друг друга. Ян, конечно, был от Светки тоже не в восторге, но относился к ней спокойно, понимая, что даже это все-таки лучше, чем ничего. Клавдии Ивановне Светка понравилась. Вера надеялась, что она, пройдя хорошую школу на первом отделении, сможет подрастрясти больных на бабки. И только Цырлина всего перекашивало от вида молодой врачихи.

Ян думал: не влюбился ли, часом, почтенный отец семейства? Слишком уж он придирился к новенькой...

Светка в долгу не оставалась. Она вообще вела себя нагло, бурно реагировала на любые замечания, так что с патриархальной атмосферой, прежде царившей в ординаторской, пришлось распрощаться.

Подойдя к двери, Колдунов поморщился. В ординаторской опять ругались.

– Вы, доктор, не имеете даже понятия о терминах, – Цырлин всегда изъяснялся подчеркнуто интеллигентно, – вы позволяете себе говорить недопустимые вещи.

– Нет, а чего я сделала?

– Во-первых, не чего, а что. Вы обязаны хотя бы на службе следить за своей речью.

Колдунов рухнул на диван и закурил. Светка щелчком подтолкнула ему пепельницу.

– Перестаньте оба кричать. В коридоре слышно, – лениво сказал он.

– Ян Александрович, поведение Светланы Эдуардовны негуманно. Может быть, на первом отделении такое было в порядке вещей, но мы, Светлана Эдуардовна, стараемся все-таки не ронять высокого достоинства врача в грязь, несмотря на страховую медицину и прочие ужасы. Вы, дорогой товарищ заведующий, должны работать с кадрами!

– Хорошо, Светлана Эдуардовна, проведем с вами индивидуальное занятие. В вечернее время. – Ян подмигнул Светке.

– Угу, только вы уж достоинство врача не уроните, – огрызнулась та.

– Вам все шуточки. А дождетесь жалобы от пациентов, не до шуток будет, – пригрозил Цырлин.

– Что ты опять натворила, чудо? Я прямо спрашивать боюсь. – Затянувшись сигаретой, Колдунов прищурился.

– Да ничего я не делала, – заныла Светка, – Эрнст Михайлович волну гонит, сам не знает чего. Ну сказала Кононовой, палке старой, что она и без черной икры поправится, ну и что?

– Действительно, что? Вот если бы ты сказала, что, даже постоянно поглощая черную икру, Кононова в ближайшее время отойдет в лучший мир, был бы предмет для разбирательства.

Эрнст Михайлович даже поднялся. Был он маленького роста, довольно пухлый, с характерной семитской внешностью. Обычно он сохранял на лице маску высокомерного спокойствия, а сейчас негодовал, и это возбуждение чрезвычайно ему шло.

– Ян Александрович, я перевязывал больную, она спросила меня, что ей нужно есть, чтобы раны быстрее заживали. Тут зашла Светлана Эдуардовна, хотя ее, кстати сказать, никто не приглашал. Я сказал

больной, что нужно много белка и витаминов, что очень полезна черная икра. Пациентка ответила, что скажет дочке, чтобы та купила ей немного. И вдруг наше юное дарование подходит, хлопает больную по плечу и говорит буквально: «Ничего, бабуля, и без икры на ноги встанешь. А то от нее осложнения бывают, пятнами можешь пойти, такую красоту испортишь!»

Ян чуть не подавился дымом. Конечно, Кононова была скандальной бабой, замордовавшей и отделение, и свою дочку. Колдунов знал, что покупка даже баночки деликатеса нанесет глубокую рану дочкиному бюджету, и внутренне согласился с каждым Светкиным словом. Но возможные последствия ее выходки...

– Что ответила бабка?

– А как вы думаете? Подробности можно опустить, но жалобу она напишет.

– Нехорошо, Светочка. Не успела начать работать, как уже подставляешь отделение под удар.

Светка ухмыльнулась, воинственно выпятила челюсть, сережки в ее ушах угрожающе зазвенели. Она даже встала с дивана и прошлась по ординаторской. Со своей ало-желто-черной прической, яркой раскраской лица и юбкой не длиннее набедренной повязки она была похожа на полинезийского вождя перед началом охоты.

– Да чего я подставляю! Кто теперь эти жалобы читает! Администрация наша болт забила на больных, вы разве не в курсе? За жмуриков даже не долбают, а вы старой дуры боитесь.

Ян Александрович только пожал плечами. Действительно, качество медицинской помощи было последним, что волновало медицинское начальство. Колдунов уже забыл, когда его вызывали на ЛКК ^[1], за последние несколько лет он не получил ни одного нагоняя за летальный исход. И вовсе не потому, что стал безупречно лечить больных. Просто ругали теперь совсем за другие вещи: за перерасход лекарств, за длинный койко-день, за отсутствие платных больных. Поступившего в больницу нужно было лечить минимальными средствами, а хорошо там или плохо, выживал человек или нет, никого не волновало. Колдунов уже смирился с этим, но надеялся, что молодые врачи еще питают хоть какие-то иллюзии относительно своей профессии. Увы...

– Так что нечего! – заключила Светка. – Если так всего стрематься, перед больными ломаться, то и будем на одну зарплату сидеть. Я смотрю, они тут у вас совсем на халяву расслабились. Не понимают, что доктора подогреть надо. Чего там, даже за лекарства платить не хотят.

– Да, это я виноват. Не умею я про деньги разговаривать. Каждый раз обещаю себе, что буду неумолим, но каждый же раз язык не поворачивается. Деньги нужны, конечно, хотя бы на нужды отделения. Нам же никто ни на ремонт, ни на белье не дает. Может быть, ты, Света, специалист в этом деле?

Светка потупилась.

– Тут я в вечном пролете, – она тяжело вздохнула, – меня за это и поперли с первой хирургии.

– Вот уж, Светлана Эдуардовна, не будем приbedняться, – вступил Цырлин, – выгнали вас совершенно за другие дела. И не прикидывайтесь невинной овечкой.

– Вы меня заинтриговали, Эрнст Михайлович, – вскинулся Колдунов. – Не поделитесь ли своими знаниями?

– Охотно. Когда Светлана Эдуардовна оперировала, подошел профессор Коровин и спросил, что она делает. Потом попросил продемонстрировать ему операционное поле, но наша Светочка отказалась. И знаете, что она при этом сказала профессору? Что полработы не показывают.

– Хоть слово «дуракам» у тебя хватило выдержки опустить?

– Да, но он, лось сохатый, просек.

Ян улыбнулся. Профессора Коровина он знал прекрасно. Они вместе учились в адъюнктуре^[2], вместе делали стремительную карьеру, и если Янова профессиональная судьба резко, на полном ходу, врезалась в бетонную стену, то коровинская продолжала нестись к заоблачным высям.

Колдунов ему не то что полработы, вообще ничего бы не показал.

– Да, дитя мое, – вздохнул он, – если ты так с профессорами обращаешься, то меня, наверное, просто будешь посылать... Коньяку, короче, хочешь? А вы, Эрнст Михайлович?

* * *

Катя была в шоке. Маргарита Матвеевна, несмотря на тяжелую болезнь, выглядела довольно прилично, насколько это было возможно для почти восьмидесятилетней женщины. Она вообще старалась быть необременительной пациенткой, хотела максимально обслуживать себя сама и всячески противилась Катиным услугам.

Но ее соседки по палате, пенсионерки, решили, что Катя не должна ограничивать свое внимание одной Маргаритой Матвеевной, а, напротив, должна распространить его на всю палату.

Только и слышалось: «деточка, поправь подушку», «доченька, дай воды попить» и самое страшное – «подай, пожалуйста, судно».

Нельзя же было сказать этим божьим одуванчикам, что она не обязана ничего для них делать!

Перед тем как вынести судно, Катя долго собиралась с силами. Она была уверена, что ее стошнит, поэтому, прежде чем достать сосуд из-под бабушки, некоторое время глубоко подышала.

Потом подумала, что рано или поздно ей все равно придется столкнуться с этой проблемой, да и вообще в палате пахнет отнюдь не розами, задержала дыхание и вынесла судно, даже не поморщившись.

Вид отделения повергал Катю в страшную тоску. Палата на семь человек, разномастные кровати с серым бельем и матрасами, набитыми неизвестно чем, облупленные стены и разошедшиеся оконные рамы, из которых немилосердно задувало, – вот каким был интерьер, которым ей предстояло теперь любоваться.

От врачихи, лечившей Маргариту Матвеевну, Катя тоже пришла в ужас. Та одевалась еще более экстремально, чем Катины подростки. А юбку и белый халатик наверняка выбирала, сверяясь с анатомическим атласом, чтобы, не дай Бог, не скрыть ни одного миллиметра своих шикарных ног.

Но если в училище Катя могла просто не пустить на урок супермодную ученицу, то здесь приходилось терпеть. Очень быстро выяснилось, что Светлана Эдуардовна не только модница, но еще и хамка. Когда Катя сказала, что из окна ужасно дует, та ответила: «Не сдует!»

– Но вы должны позаботиться, чтобы больные не простужались, и заклеить окна.

– Хорошо, я здесь заклею, а вы у меня дома. Запомните: кроме как делать назначения, я вам ничего не должна!

«Еще неизвестно, какие она назначения сделает», – мрачно подумала Катя и решила, что сама заклеит окно, пока Маргарита Матвеевна еще не прооперирована и не требует слишком пристального ухода. Старушка отпустила ее ночевать домой, и Катя решила прийти завтра с утра с теплыми трениками, газетами и оконной бумагой. Мыть и заклеивать окна она ненавидела, но другого выхода не было. В этом ужасном отделении заставить кого-то выполнять свои обязанности, кажется, невозможно.

Она вышла покурить, чтобы немного отвлечься, но не тут-то было. Почти сразу же подошла Светлана Эдуардовна. Вслед за ней, покачиваясь, появился мужчина лет сорока. Он в изнеможении облокотился о стену и уставился на Катю. Катя смутилась. Изумительно красивый брюнет с ярко-синими глазами! И эти ярко-синие глаза смотрели на нее довольно-таки сальным взглядом. Наверное, мужчина утром брился, но сейчас на щеках пробивалась явственная щетина. Так же быстро обрастал и Георгий Маркович, но небритый виолончелист казался всего лишь неопрятным, а у этого врача щетина довершала облик похотливого самца. Катя почувствовала себя раздетой и поежилась.

– К-какая рыжая, – вдруг проникновенно произнес самец и качнулся в Катину сторону.

– Ладно-ладно, – Светлана Эдуардовна придержала коллегу за плечо, – идите уже к себе.

Врач покорно развернулся и исчез в коридоре.

– Кто это? – спросила Катя.

– Наш заведующий, Ян Александрович. Будет вашу бабушку оперировать.

– В таком случае, думаю, моя карьера сиделки будет очень недолгой, – ядовито произнесла Катя, гордо затушила окурок и удалилась.

В палате Катю ждал сюрприз. Какой-то добрый человек положил на свободную койку странное существо. Раньше Катя, встречая таких на улице, обходила их по максимально широкой дуге и с максимально возможной для нее скоростью. А вот теперь представилась возможность познакомиться с бомжами, можно сказать, изучить эту разновидность человечества во всех деталях.

Она с ужасом смотрела на тощее тело, неподвижно лежащее на кровати, на грязную кожу, всю в синяках и расчесах, на одутловатое, без всякого выражения лицо. Как можно дойти до такого? Запах от новой обитательницы палаты был просто нестерпимый, но стоило Кате открыть форточку, старушки хором заголосили, что они неминуемо простудятся, подхватят пневмонию и умрут. Она пожала плечами, но форточку закрыла. Через короткое время выяснилось, что бомжиха решила атаковать все их органы чувств. Не только зрение и обоняние, но еще и слух. Тетка принялась подвывать. То громче, то тише, без всякой системы, и от этого музыкальные уши Кати и Маргариты Матвеевны страдали особенно сильно. Все попытки Кати установить с ней контакт были безуспешны, бомжиха не понимала, что от нее хотят.

– Иди домой, Катенька, – сказала Маргарита Матвеевна, – поскольку я вполне способна сама обслужить себя, тебе совершенно незачем находиться в столь изысканном обществе. Иди, детка. Ты не сможешь мне сейчас ничем помочь.

– А почему это она не может помочь? – басом спросила соседка Маргариты. – Пусть пойдет к дежурному врачу и потребует, чтобы ее от нас убрали. Они не имеют права к нам такое класть! Вы только посмотрите на нее, это же ходячий питомник вшей и туберкулезных палочек!

– Ну, насчет ходячего это вы преувеличиваете, – улыбнулась Маргарита Матвеевна. – Не думаю, Катюша, что тебе стоит идти отстаивать наши интересы. В конце концов, она больной человек и имеет не меньше прав находиться здесь, чем мы.

– Но для таких должен быть специальный изолятор! Они здесь ребята ушлые, изолятор сдают под видом отдельной платной палаты, а бомжей к приличным людям распикивают. И ведь специально в нашу палату положили, где одни беспомощные старушки. Решили, что над нами можно издеваться как угодно, а мы будем все терпеть. Нет, Катенька, вы сходите и пригрозите!

Кате не хотелось идти скандалить, но оставлять Маргариту Матвеевну в таком бедственном положении не хотелось еще больше. Поэтому она собралась с духом и отправилась в ординаторскую.

– До утра этого дотяну, сдам смену, и пусть они его хоронят! – услышала Катя, открывая дверь, и содрогнулась.

Говорила Светлана Эдуардовна, впрочем, увидев Катю, она сразу осеклась.

– Что вам? – спросила докторша. – Рабочий день закончен.

– Я вижу, – с тонким сарказмом ответила Катя, в упор глядя на заведующего. Тот полулежал на письменном столе, подпирая голову кулаком, отчего его лицо съехало на сторону. Услышав посторонний голос, заведующий приоткрыл один глаз.

– А, рыжая, – протянул он, блаженно улыбнулся и снова погрузился в транс.

– Послушайте, Светлана Эдуардовна, – заволновалась Катя, – у нас новая пациентка в палате.

– Да-да, – сказала докторша и радостно засмеялась. – Чудо в перьях, правда?

– Но с ней невозможно рядом находиться.

– И что вы хотите?

– Нельзя ли ее от нас куда-нибудь перевести?

– Куда это, интересно? В других палатах такие же люди лежат, ничем не хуже.

– Кого не хуже? Нас или ее?

– Люди, – назидательно произнесла Светлана Эдуардовна, – все одинаковые. И не нам судить, кто на самом деле лучше.

– Нет, но вы должны положить ее в отдельную палату. В изолятор.

Светлана Эдуардовна набрала в грудь побольше воздуха, но тут в разговор вступил заведующий. Лучезарно улыбаясь, он сказал:

– Конечно-конечно. Как только мы найдем у нее дизентерию или сальмонеллез, мы моментально поместим ее в изолятор. Можете быть в этом уверены. Ну а пока что медицинских показаний к изоляции нет.

– Но...

– Пожалуйста, если вы хотите оградить себя от дурного общества, купите отдельную палату. А пока придется терпеть, – сказал заведующий, закрыл глаза и замолчал. Видно было, что такая длинная фраза далась ему ценой невероятного интеллектуального напряжения, и теперь требовалось восстановить силы с помощью освежающего сна.

Катя рассердилась. Если бы врачи стали вежливо извиняться, просить прощения за неудобство, она сама извинилась бы перед ними

за беспокойство и ушла. Но такое наглое поведение вдохновило ее на борьбу.

– Почему я должна покупать отдельную палату? Вы обязаны следить за тем, чтобы вашим больным было удобно, чтобы они ничем не заразились за время пребывания в стационаре. Это ваш врачебный долг!

В этом месте Катинной речи Светлана Эдуардовна с Колдуновым переглянулись и обидно засмеялись.

– У вас есть специальный изолятор, я знаю. Уж не его ли вы мне предлагаете купить под видом отдельной палаты?

– Он занят. Господи, да у нас пол-отделения бомжи. Если всех изолировать, никаких палат не хватит, ни платных, ни бесплатных. Идите сами посмотрите, кто у нас лежит!

– Но что-то вы должны сделать! Она же кричит все время и никому спать не дает.

Ян Александрович встрепнулся.

– Что же я сделаю? – простонал он. – Куда я ее дену? В унитаз спущу, что ли? Или кляп ей в рот засуну?

– Вообще-то здесь больница, а не курорт! – добавила докторша.

Катя приосанилась.

– Я вижу, что здесь не курорт! Но того, что здесь больница, то есть место, где лечат людей, я пока тоже не вижу. Нигде и никогда я раньше не встречала такого отношения. Будто здесь не пациенты, а осужденные на смертную казнь!

Сказав эти слова, она, пытаясь, чтобы получилось так же внушительно, как у мамы, вздернула подбородок и удалилась.

– Петр Петрович, куда вы определили Маргариту Матвеевну? – кричала она вечером в телефонную трубку. – Это же сарай! А персонал? Лечащий врач какая-то девка, извините, а заведующий – алкоголик! Они же зарежут и даже не заметят. Неужели нельзя было найти заведение поприличнее?

– Во-первых, говорят, что этот алкоголик неплохой хирург, я узнавал. А потом, Катенька, приличные места денег стоят.

– Можно же скинуться! Если взять со всех сотрудников рублей по... Да хоть и по тысяче.

– Я и заставил скинуться. И уверяю вас, впритык хватило на этот сарай, как вы выражаетесь.

– Как?! Это же муниципальная больница, Маргарита Матвеевна застрахована, у нее есть полис, так что она должна лечиться бесплатно.

– Бесплатно она может недельку полежать на больничной койке. Такую сложную операцию, как удаление желудка, страховая компания ей не оплатит. Нужно самим покупать все лекарства, какие-то там скобки для операции, переливание крови тоже стоит денег.

– Но почему? Ведь это принцип страхования – брать понемногу со всех, чтобы выплачивать потом пострадавшему всю сумму. Если они с нас всех берут деньги на обязательное страхование, а потом никому не выплачивают, то это мошенничество получается.

– Ох, Катя, Катя, вы будто на Луне живете. Да когда государство с нами честно поступало? Им же выгоднее поскорее со старушкой распрощаться – мало того что расходов на лечение нет, так еще и пенсию выплачивать не придется. Так что, дорогая моя, потерпите. Конечно, если эта обстановка невыносима для вас, я постараюсь найти вам замену.

Ага, чтобы все потом считали Катю капризной и слабой дамочкой!

– Мне-то что, Маргариту Матвеевну жалко.

Катя уже собиралась заснуть, когда в комнату зашла мама. Она села на край Катиной постели, погладила дочь по голове.

– Ну что, влипла? А я тебя предупреждала! Краем уха я слышала, о чем вы говорили с Петром Петровичем. Вы что, собираетесь с ним платить за все лекарства? Да еще и доктору конвертик небось сунете?

– Мама, я не знаю. Мое дело – ухаживать. Финансовой стороной ведает наш директор.

– Вроде бы взрослый человек, а такой дурак, – вздохнула мама. – Эти доктора ему лапши на уши навешали, а он и поверил. Обеспечивает государство лечение, можешь не сомневаться. Просто эти жулики вымогают деньги у народа, и все дела. Я завтра, пожалуй, с тобой схожу, посмотрю, что к чему.

– Не думаю, что это будет удобно.

– Уж поверь, я-то знаю, что удобно, а что нет! – обиженно сказала мама. – Нельзя безропотно сносить, когда тебя так нагло обманывают. Вот Анастасия Сергеевна недавно лежала в больнице, так с нее тоже

пытались взять денег, якобы за лекарства. Тоже ныли, что у них ничего нет. Я сходила к главному врачу, и все прекрасно уладилось. Катя, у них все есть, но они пользуются растерянностью больного человека, его беспомощностью и страхом. Это настоящее жульничество, и притом самое безнравственное, какое только можно себе вообразить. Понимаешь, если люди забыли, какое высокое звание они носят, забыли, что врач – это особая, святая профессия, то следует подумать, стоит ли поддерживать отношения с этими людьми. А когда врач берет взятку! Боже мой, Катя, это же позор! Я, например, уже не могу считать такого врача равным себе, общение с ним унижает меня. Ты скажешь, что у них маленькие зарплаты? – задала мама риторический вопрос, хотя Катя ей ничего не пыталась возразить. – Пусть так! Но я тоже работаю в государственном учреждении, однако никогда не взяла ни у кого ни копейки.

Даже сильно напрягая воображение, Катя не могла представить себе ситуацию, чтобы кто-то стал предлагать взятку скромной сотруднице физико-технического института.

– Нет, Катенька, я всегда считала медицину особой специальностью, где работают самоотверженные, чистые люди. Знаешь, какой девиз у их профессии? «Светя другим, сгораю сам». Так-то. И вдруг – такое наглое мошенничество. Боже, да с кого они берут деньги! С несчастной старухи, у которой только и есть что на похороны. А если бы не ваш Петр Петрович? Если бы он не проявил инициативу и не собрал денег? Они оставили бы твою Маргариту Матвеевну без помощи! И ничего бы у них не дрогнуло. Боже, Катя, среди каких людей приходится нам жить!

Под конец этой пламенной речи Катя уже дремала. В меркнущем сознании, как в морской глубине, плавал беспутный заведующий, посверкивая грешными синими глазами.

Катя поехала в больницу к восьми утра, нужно было помочь Маргарите Матвеевне умыться и покормить ее завтраком. Собственно, больная могла и сама поест, но у нее совсем не было аппетита. А добавок больничная еда не вызвала бы аппетит даже у здорового лесоруба, поэтому Катя возила ей домашнее.

Вставать в такую рань было для Кати в новинку, кроме того, она привыкла ездить на работу в тот час, когда основной поток людей уже

достигал пункта назначения. Поэтому, злая, невыспавшаяся, зажатая в метро между двумя объемистыми тетками, обруганная за то, что сует свои сумки куда не надо, Катя остро пожалела, что не нашла в себе достаточно сил отказаться от роли сиделки.

Одна радость, мама не поехала с ней. Наверное, от нежелания подниматься с постели ни свет ни заря.

Кате совсем не хотелось вникать в денежные вопросы. Она сама была небезупречна, как-никак давала частные уроки, но ни словом не упоминала о них, заполняя декларацию о доходах. Вчера вечером мама все говорила правильно, но что-то мешало Кате полностью принять ее точку зрения. Персонал отделения вовсе не нравился Кате, она прекрасно видела, что лечащий врач – шалава, а заведующий – пьяница и бабник, но совсем смешивать их с грязью, считать людьми низшего сорта ей не хотелось. Тем более не хотелось скандалить: это, кажется, совершенно бесполезно.

Катя немного поерзала, перекинула сумки из одной руки в другую. Сегодня предстоял напряженный день. После кормления Маргариты Матвеевны предстояло убрать в палате, заклеить чертовы окна, потом дать старушке пообедать и быстренько мчаться в училище. Необходимо было позаниматься с конкурсантками и как-нибудь поделикатнее растолковать им, почему педагог вдруг бросила их накануне ответственного мероприятия. О родителях девочек Катя старалась пока не думать. Слава Богу, она не обзавелась мобильным телефоном, так что в больнице они достать ее не смогут, а дома она теперь бывает только поздно вечером. Ну а мама быстро отобьет охоту звонить после десяти часов даже у самого свирепого родителя.

Как кстати была бы сейчас машина! Катя давно мечтала водить автомобиль, но мама запретила ей даже думать об автошколе: она почему-то считала, что порядочная женщина никогда не сядет за руль. Как Катя ни старалась, не могла найти логического объяснения этому принципу. Конечно, в машине ее могли ограбить, изнасиловать и даже убить, но все те же манипуляции можно было проделать над ней пешей. Может быть, маму пугало то, что, купив машину, Катя будет общаться с разными автослесарями, то есть мужчинами, и мужчинами далеко не ее круга. В общем, на автомобильные дела было наложено вето, и Катя пользовалась общественным транспортом.

Маргарита Матвеевна съела все, что Катя ей принесла. Наверное, из деликатности. А может быть, аппетит у нее усилился потому, что страшную соседку убрали из палаты. Значит, Катин визит все-таки возымел действие.

Зашла Светлана Эдуардовна. Без интереса потрогала живот Маргариты Матвеевны, велела готовиться к операции и пошла дальше. Видно было, что общение с пенсионерками мало ее вдохновляет.

– Доктор, а какой у меня стол? – спросила соседка по койке. – Нельзя ли четвертый, у меня же панкреатит.

– Здесь только пятый и пятнадцатый. Ну и голод, конечно. У вас пятый.

– А мне для поджелудочной не вредно?

– Не волнуйся, бабуля, все вредные для поджелудочной вещества унесены домой работниками столовой. Кушай на здоровье!

В таком духе продолжался весь обход. Когда новенькая больная стала перечислять свои хронические заболевания (получился внушительный список), Светлана Эдуардовна устремила мечтательный взор в окно, всем своим видом давая понять пациентке, что можно бы уже и закругляться.

Катя зашла в кабинет старшей сестры и попросила у нее ведро и тряпок для окна. Эта огромная женщина была почему-то Кате симпатична, хотя они едва перекинулись несколькими словами.

– Какой у нас сознательный родственник появился, – улыбнулась Вера Ивановна, – а то все на нас кричат, ругаются, а делать ничего не хотят. Я понимаю, грязно, из окон дует, но ведь санитаров не рожу. Сестры у нас и так половинным составом работают, им дай Бог успеть свои обязанности выполнить, а уж санитарские... Если бы я была помоложе, сама бы мыла окна, но теперь никак. Давление высокое, боюсь, из окна выпадут.

– Не выпадешь, Веруша, – в кабинет вошел заведующий, – не пролезешь просто.

Вера Ивановна засмеялась. На миг Кате показалось, что эти двое хотели расцеловаться, но не стали из-за ее присутствия. Ян Александрович сел в кресло.

– Вы надолго? – спросил он Катю равнодушно. Сегодня он был трезв и ему было совершенно все равно, рыжая она или какая еще.

– Да вот девушка хочет нам помочь. Нужно ей выдать все для заклейки окон.

– Все не надо. Бумагу я из дома принесла. Только ведро и тряпки. И переодеться где-нибудь, если можно.

Вера Ивановна встала и открыла шкаф:

– Пожалуйста, за дверцей переодевайтесь. А я пока позвоню на пост, чтобы они дали вам все необходимое.

Катя колебалась. Присутствие мужчины смущало ее, никогда в жизни она еще не снимала юбку, находясь в одной комнате с представителем сильного пола, пусть даже отгороженная импровизированной ширмой. Но как теперь отказаться? Не станешь же просить, чтобы заведующий вышел... А дожидаться от Колдунова деликатного поведения – дело пустое. Сам он никогда в жизни не догадается покинуть помещение.

Неловко дергая молнию, она зашла за дверцу шкафа.

Хлопнула дверь. «Неужели ушел?» – изумленно подумала Катя, но тут раздался нежный голосок Светланы Эдуардовны:

– Ну, блин горелый, и палатка! Окопались, старые, хоть гранату кидай! Этой вашей подруге меню, типа, не впирает. Четвертый стол ей подавай!

– Светочка, не надо. Потом обсудим.

– Да чего обсуждать! Змеюшник устроили! Мало нам больных, еще эта кобра рыжая нарисовалась! – («Это она про меня», – поняла Катя). – Злобная, как не знаю кто. Чует мое сердце, огребем мы с ней по полной программе.

– Света!!! – Колдунов выкрикивал ее имя все время, пока продолжалась обличительная тирада, но на Светлану Эдуардовну, видимо, нашел стих: «не могу молчать».

– Я, – сказала Катя, с достоинством появляясь из-за шкафа, – уже поняла, что представляет собой ваше отделение.

– Ой, – сказала докторша и засмеялась, – прикольно получилось.

– Я не хочу выяснять отношения и отвечать на ваши, Светлана Эдуардовна, оскорбления. Это значило бы опуститься до одного с вами уровня. – Катя говорила ровным холодным тоном и чувствовала, что мама была бы ею довольна. – Я просто хочу помочь своей учительнице, больше ничего. Поэтому я ничего не буду говорить о состоянии дел в этом отделении, о поведении врачей. К сожалению,

ничего хорошего я сказать не могу. Удивительно, что заведующий попустительствует такому поведению и позволяет докторам выглядеть так, будто они женщины легкого поведения...

– Эй, вы же не хотели отвечать на оскорбления, – напомнила Света.

Катя поняла, что начинает заводиться от ее спокойствия. Чтобы не сорваться, не накричать, она предпочла покинуть кабинет с гордо поднятой головой.

– Светлана, угомонишься ты или нет? – спросил Ян Александрович сурово. – Что ты как с цепи сорвалась?

– Так я сквозь дерево не вижу пока еще! Кто знал, что эта мымра у вас в засаде сидит?

– Ты могла меня послушать. Я же сказал, что мы все вопросы после обсудим. Никак было не заткнуться? Кричу: «Света, Света!» – а тебе по фигу.

– Ну достали они... Полная палата...

– Я понял уже, чего у тебя полная палата. Чудовище ты страшное! И зачем ты в медицину пошла?

Светка плюхнулась во второе кресло и закурила.

– Да черт его знает, Ян Александрович! Сама не врубаюсь. Бабок не платят. СПИД-гепатит кругом сплошной, того и гляди на операции заразишься... Уважения нет, такие козы, типа этой, даже за людей нас не считают. Ну а всякий там бред о том, что святое дело помогать людям... Так я чем дольше живу, тем меньше мне хочется им помогать. А у вас что, наоборот?

– Да то же самое.

– Ну вот! Забейте вы на эту накладку. Я таких ядовитых дамочек насквозь вижу. Она по-любому жизни нам не даст.

– Чего ты к ней привязалась? Нормальная тетка, окна вот моет. Или ты думала, что будешь ее коброй обзывать, а она тебя за это расцелует?

Вера тем временем быстро накрыла стол. Она всегда поила Яна, Эрика, а теперь и Светку чаем со своими домашними пирожками. Ее выпечка таяла во рту, и доктора ели так, что за ушами трещало. Вера называла их обжорство актом милосердия, говорила, что, когда они уничтожают ее пирожки, это позволяет ей соблюдать хотя бы подобие

диеты. Отказаться от кулинарной деятельности Вере как-то не приходило в голову. Сознание того, что, какие бы дела ни творились на отделении, они всегда могут попить чаю с пирогами, создавало у докторов позитивный настрой. Вот и сейчас Ян со Светкой откусили от нежнейших булочек с маком и сразу подобрали.

– Нормальная, ха! Да там полна голова тараканов! Думаете, зачем ее понесло окна заклеивать? Чтобы все видели, какая она самоотверженная, трудолюбивая и заботливая. Голые понты!

– Света, не нужно сразу ждать от людей плохого. Ты просто злишься, что сама не смогла совершить сей благородный поступок, – ласково сказала Вера.

– Окна мыть буду только по приговору суда! Короче, я вас предупредила, что мы с этой пианисткой нахлебаемся. Вера Ивановна, можно я с собой возьму пару пирожков?

Вера собрала ей внушительный сверток, и Светка отбыла.

Колдунов налил себе еще чаю и теперь благостно смотрел на Веру.

– Ничего девочка? – спросила старшая сестра, убирая со стола. – Мне нравится.

– Да ну! Наглая просто. Старых вообще терпеть не может.

– А кто может, ты, что ли?

– Ну я, конечно, тоже не могу. То у них тут стрельнет, то там кольнет. А я что, Бог, что ли? Из бабушек девочек не делаю.

– Ладно, не увлекайся. Разные бабки бывают. Например, наша Клавдия Ивановна. Я ни разу от нее жалобы на здоровье не слышала. И, кстати, ей Светка тоже понравилась. А уж Клавдия Ивановна со своим стажем как-нибудь плохого врача от хорошего отличить может.

Ян задумался.

– Вообще-то она истории болезни пишет правильно... И шустрая. Правда, по сравнению с Эрнстом Михайловичем любой тормоз живчиком покажется. Да Господи, Вера, о чем мы говорим! Или ты не знаешь, зачем женщины в хирурги идут? Мужика подцепить нормального, вот и все. Найдет она себе мужа, и поминай как звали.

– Может быть, ты на ней и женишься? – ядовито спросила Вера.

– Может, и женюсь...

Вечером Вера навестила Колдунова. На улице шел снег, и ее совсем замело. В дверях стоял сугроб, из которого выглядывали круглые веселые глаза. Ян долго отряхивал ее веником на лестнице.

– Замерзла?

– Не успела. Взбодрилась только.

Вера решительно прошла в кухню и открыла холодильник. Насвистывая, она уставилась в его глубины. У холостяка Колдунова там царила вечная мерзлота покупных котлет и пельменей, так что ничего интересного Вера увидеть не могла.

Из объемистой хозяйственной сумки она вытащила трехлитровую банку и большой пластиковый контейнер.

– Вот тебе суп грибной, а вот домашние котлетки... А то нельзя же всякой падалью питаться.

Ворча, Вера снова погрузилась в недра своей сумки и вынырнула уже с баночкой салата.

– Чаю хочешь, Веруш? У меня даже коробка конфет есть от благодарных пациентов.

– Да ну этих пациентов! Дарят какие-то отходы гуталиновой фабрики. И хотят, чтобы мы перед ними на задних лапках ходили. Чаю, впрочем, давай.

– А то, может, позже? – Ян подошел к Вере и стиснул ее в объятиях. – Не могу уже терпеть, так тебя хочу.

Вера засмеялась:

– Ой-ой! Что это тебя разобрало? Любишь, что ли, толстых женщин?

– Тебя люблю. – Он поцеловал ее в губы. – Ну что, без чаю обойдешься?

Они лежали в постели, крепко обнявшись.

– Как мне хорошо, Вера, если бы ты только знала!

Колдунов гладил ее по животу. Пальцы нашли знакомый рубец, заскользили по нему, будто пытаясь разгладить...

– Что, свою работу проверяешь?

Колдунов сильнее прижался к ней:

– Прости меня, Веруша. Искалечил тебя.

– Ну что ты! Думаешь, я не знаю, что такое ранение таза? Да я могла десять раз умереть, если бы не ты.

– Умереть ты могла только один раз. Поверь, я сделал все, что мог. Но все равно – прости меня!

Вера взяла его руку в свою, несколько раз быстро поцеловала в ладонь. Она была такая ласковая, Ян таял, как мороженое, в ее объятиях...

Они были любовниками очень давно, лет, наверное, пятнадцать. Когда познакомились, Колдунов был женат и разводиться не собирался. Он делал успешную карьеру, развод мог отразиться на ней неблагоприятно. Да в принципе жена вполне его устраивала, поэтому красивая медсестра Вера (тогда она была стройной длинноволосой блондинкой), без писка отдаваясь ему, казалась приятным дополнением к жизни.

Он до сих пор не знал, на что рассчитывала Вера в начале их отношений. Надеялась ли она, что Ян женится на ней, любила ли его? Или, может быть, просто развлекалась? Какой теперь был смысл выяснять это?

Вера была его любовницей пару лет, потом удачно вышла замуж, родила троих детей, не прекращая, впрочем, необременительных отношений с ним. А он тогда совершенно не раздумывал над природой своих чувств к Вере, да и о том, как она относится к нему. У него было полно других забот, казавшихся ему чрезвычайно важными. Он писал диссертацию, сначала одну, потом сразу вторую, много оперировал, уговаривал жену родить ребенка...

Когда ему сказали, что для дальнейшего профессионального роста следует какое-то время прослужить в Чечне, Ян без колебаний согласился. Вера, к его огромному удивлению, отправилась за ним. Правда, она утверждала, что едет не из любви к нему, а потому что ее достали дети, но как проверишь...

Они провели в Чечне всю первую кампанию, Колдунов не получил даже царапины, а Веру тяжело ранило.

Вернувшись, он демобилизовался, чтобы стать главным врачом одной из городских больниц. Покомандовал несколько месяцев, только вошел во вкус, как его вызвали в комитет и предложили незатейливую аферу. Колдунов должен был купить для больницы списанное рентгеновское оборудование под видом нового. Часть прибыли от этой операции должна была осесть у него в кармане. Деньги, по Яновым меркам, были огромными, причем ему намекнули, что это не

последняя комбинация, в которой ему предстоит участвовать. Колдунов с негодованием отверг это лестное предложение, подумав, что в принципе комитетские могли бы и не брать его в долю – он и не понял бы, что ему подсунули б/у вместо нового.

Последствия не заставили себя ждать. Яна обвинили в финансовых нарушениях, причем в таких сложных, что он даже не смог понять, что именно нарушил. В виде великой милости дело до суда не довели: просто предложили сдать пост и навсегда исчезнуть из медицинской элиты.

Ян так и поступил. Он понял, что если будет бороться, доказывать свою честность, то окажется за решеткой, а на это его гражданского мужества не хватало. Поэтому он безропотно ушел на дно. Жена не захотела тонуть вместе с ним и подала на развод.

Одна Вера не покинула его. Когда Ян получил это отделение, она сразу перешла к нему на должность старшей сестры. Это была удача для него – и личная, и профессиональная.

– О чем задумался? – шепнула Вера.

– О тебе. Знаешь, не могу я вспоминать тот день, когда тебя ранили. Как подумаю, мне будто кто кол под ребра вгоняет.

– А тебя не коробит, что я... Ну, ты понимаешь. Эти шрамы... Да и толстая я стала после операции, ужас.

– Дура ты, Ананас. Как была красоткой, так и осталась. Я тебя всегда хочу.

Маргарита Матвеевна отпустила Катю ночевать домой, чему та была несказанно рада. Сидение в больнице вымотало ее сильнее, чем она ожидала, и Катя не могла даже понять, чего больше в ее состоянии – душевной или физической усталости. Безумно хотелось принять душ и завалиться спать и чтобы наутро все это обернулось дурным сном.

Катя всегда была здоровым человеком, последний раз посещала врача лет пятнадцать назад, когда собирала справки для поступления в консерваторию, а потом ее общение с медициной ограничивалось ежегодной флюорографией. Справку от гинеколога ей доставала мама, так что Катя ни разу в жизни не была у этого специалиста. Когда всех девочек выпускного класса повели на осмотр, мама возмутилась и Катю не отпустила: «Какое безобразие! Это безнравственно,

школьницам – и к гинекологу! Проверять вас там будут, что ли?» С тех пор мама всегда приносила искомую бумажку от своей подруги.

Поэтому внезапное погружение в человеческие страдания оказалось для Кати очень болезненным. Она думала, что пройдет время и она сама станет такой же никому не нужной старухой, так же будет лежать на неопрятной койке, пытаясь обратить на себя внимание равнодушных докторов, а те станут материть ее, едва выйдя из палаты.

В отделении лежали и молодые больные, едва ли старше Кати, и она с ужасом вглядывалась в их землистые лица.

Катя впервые подумала, что ее жизнь, пусть и не особенно счастливая, в любую минуту может перевернуться из-за неизлечимой болезни, и тогда все ее планы окажутся безжалостно перечеркнутыми.

Возможно, ее уже точит недуг, просто она еще не знает об этом. Катя вспоминала, что несколько дней назад у нее болел живот и тошнило. А еще иногда у нее кружится голова и ноют суставы. А голова болит почти каждый вечер. Раньше Катя старалась не обращать на все это внимания, а теперь думала, что это скорее всего зловещие симптомы, которые обязательно приведут ее на больничную койку.

Возле дома Катя увидела соседа Юру. Он доставал из багажника пакеты, наверное, ездил в универсам. Юра был без шапки, и крупные хлопья снега оседали на его коротких волосах.

Катя подумала, что если она тихонько постоит за деревом, то сосед ее не заметит. Ей не хотелось общаться с ним.

– Катюша, привет! – Фокус не удался.

– Добрый вечер.

Юрина машина молодецки свистнула сигнализацией и подмигнула. Сосед подхватил свои пакеты и пошел рядом с Катей.

– Ты чего со мной утром не поехала? Я ждал-ждал, поднялся к тебе, а твоя мамаша сказала, что ты давно ушла.

– Извини, что не предупредила, но я не думала, что ты станешь меня дожидаться.

– А как же иначе?

– Прости. У меня тут проблемы появились, поэтому я, честно говоря, не вспомнила о тебе.

– Что случилось? – Юра был крайне любезен. Столько усилий ради ребенка подруги! Катя даже позавидовала той женщине.

– Да так. Заболела моя учительница, теперь приходится торчать в больнице. Юра, я пока не смогу с тобой ездить. И ребенка пока не смогу посмотреть, у меня просто не будет времени. Около месяца, наверное.

– А потом посмотришь?

– Конечно.

– А хочешь, я тебя завтра до больницы подкину? Если она, конечно, не на другом конце города.

– Это неудобно, Юра. Мне не хотелось бы одалживаться у тебя.

– Какое одолжение!

– Нет-нет, спасибо. Ты вовсе не должен превращаться в моего шофера.

Катя осталась очень собой довольна. Искушение было велико, но ей удалось его побороть. Она ничем не будет обязана соседу. Неприятно было не то, что Юра просил ее о помощи, а то, что он пытался манипулировать ею. Если бы он просто зашел по-соседски и попросил прослушать ребенка, Катя, безусловно, сделала бы это, притом совершенно бесплатно. Но он предпочел сначала оказать Кате услугу, сделать ее своей должницей – а такие торгашеские отношения между интеллигентными людьми недопустимы.

На следующий день Маргарите Матвеевне назначили день операции. Старушка, кажется, совсем не боялась предстоящего испытания. Она была абсолютно спокойна, шутила с Катей и с соседками по палате. Неожиданно выяснилось, что она когда-то была знакома с перевязочной сестрой, поэтому обе старушки периодически исчезали с таинственным видом минут на двадцать. Возвращалась Маргарита Матвеевна веселая, благоухающая табаком, а один раз чуткий Катин нос уловил запах спиртного. Понимала ли Маргарита, что во время операции может умереть? Этого Катя не знала.

В общем, пока что обязанности сиделки были необременительны. К тому же в училище Катю уже не ждали, ее учеников распределили между другими педагогами. Чтобы не томиться от безделья, она заклеила окна во всех палатах, причем Маргарита Матвеевна принимала живейшее участие в этом процессе. Она бегала возле подоконников и восклицала: «Ох, Катюша, осторожнее!», «Ой, не упади!» и «Бедная девочка, ты же себе все руки испортишь!» Наконец

Клавдия Ивановна нейтрализовала подружку, вручив ей огромную стопку нарезанной марли, из которой Маргарите Матвеевне предстояло надеть салфеток для перевязок.

Когда Катя заклеивала окно в одной из палат, зашел заведующий. Он хмуро посмотрел, как она балансирует на подоконнике, и сказал:

– Осторожнее, а то нам для полного счастья только парашютистки не хватает. Закончите – зайдите ко мне в кабинет на беседу.

Слов благодарности за то, что, не щадя себя, она благоустраивает веренное ему отделение, Катя так и не услышала.

Тщательно вымыв лицо и руки, она переоделась, поправила прическу и отправилась на поиски заведующего.

Его обитель представляла собой каморку под лестницей, и Катя несколько раз прошла мимо, прежде чем ее обнаружила. На табличке, небрежно приколоченной к двери, Катя с удивлением прочитала, что Колдунов является доктором наук. Во-первых, заведующий был слишком молод для этого звания, а во-вторых, Катя думала, что доктора наук так себя не ведут.

Она подергала дверь – заперто. Хотела уже вернуться в палату, но увидела Яна Александровича выходящим из лифта. Он вывалился спиной, азартно смеясь и размахивая руками.

– Ну, пока, – проорал он закрывающимся дверям. Потом развернулся и уставился на Катю, поспешно стирая с лица развеселое выражение.

– Ко мне? Проходите.

Намеренно или нет, но он встал в дверном проеме так, что Кате пришлось протискиваться мимо него, задержав дыхание. Катя пару раз видела, как заведующий хлопал медсестер по попам или щипал за ляжки, и не исключала, что он и с ней может проделать подобное. «Или я уже становлюсь сумасшедшей старой девой, которой везде мерещатся посягательства на ее честь?» – грустно подумала она.

Кабинет Колдунова своими размерами весьма располагал к интимности. Келья Петра Петровича по сравнению с ним выглядела бальным залом.

Мебель тоже словно предназначалась для гномов – Кате пришлось повозиться, устраивая ноги под столом так, чтобы коленки не торчали наружу, но и не касались ног заведующего.

– Вы о заболевании своей родственницы знаете? – мрачно спросил заведующий.

– В общих чертах.

– У нее злокачественная опухоль желудка, это уже доказано с помощью биопсии. Опухоль подкравливает, может перекрыть просвет желудка, и жить с ней долго ваша бабушка не сможет. Кроме того, она очень пожилой человек и операция для нее представляет крайний риск. Вы это понимаете?

Катя вздохнула:

– Понимаю, конечно. Я вообще удивляюсь, как это вы беретесь оперировать такую пожилую даму.

– Но... Простите, как вас зовут?

– Екатерина Николаевна.

– Так вот, Екатерина Николаевна, у стариков в отличие от молодых людей злокачественные опухоли растут очень медленно, и если удастся все убрать, у больной есть реальный шанс на жизнь.

«Значит, если у меня появится злокачественная опухоль, то она будет расти быстро, я ведь еще молодая», – подумала Катя и расстроилась.

– Мы хотим помочь вашей бабушке, в ее случае риск вполне оправдан. Вы согласны?

– Вы же врач, вам виднее. Если считаете, что операция необходима и если с этим согласна Маргарита Матвеевна, то мне нечего возразить. Мое дело – обеспечить послеоперационный уход.

Ян Александрович кивнул. Достал из кармана халата пачку сигарет, предложил Кате.

Она взяла, хотя никогда раньше не курила эту марку и подозревала, что сигарета окажется слишком крепкой для нее. Что ж, пока Колдунов казался вполне приличным человеком, с добрыми намерениями и культурной речью.

Хотелось бы думать, что ее первое впечатление было ошибочным. В конце концов, любой человек может иногда свернуть со стези добродетели. Даже Георгий Маркович один раз бегал по коридорам училища, уверяя всех, что он летучая мышь.

– В таком случае, Екатерина Николаевна, перейдем к следующему пункту нашего разговора. Не знаю, осведомлены ли вы о состоянии

дел в нашем здравоохранении, но хочу вам сказать, что оно оставляет желать лучшего.

– Что вы говорите? – вежливо удивилась Катя.

– Да, это так. Эта страховая медицина, будь она неладна! Страховые компании загибают все деньги, а расстаются с ними крайне неохотно. Больше того, они имеют право сами решать, какие операции оплачивать, а какие – нет. Короче говоря, если вы согласны, то придется потратиться на лекарства. Конечно, я могу прооперировать бабушку и провести послеоперационный период на том, что мне родина дает, но... Я и так не дам стопроцентной гарантии, что бабушка выживет, а если не прикрыться нормальными антибиотиками, витаминами, хорошими сердечными препаратами, не сделать переливание крови...

– Мы заплатим, – поспешно перебила Катя, – мы уже собрали деньги. Когда нужно принести?

– Вот приблизительный список препаратов. Сразу все не покупайте, особенно если вы человек суеверный. Я вам отмечу, что необходимо в день операции, а потом будете потихоньку подкупать. Ну и потом, вы видите, в каком состоянии отделение. Кровати, тумбочки, белье. Скоро все в пыль рассыплется. Если вы сможете пожертвовать энную сумму... Разумеется, при успешном развитии событий...

Кате стало противно. Наверняка она была не первым человеком, у которого Колдунов просил денег «на развитие», наверняка многие до нее эти деньги давали, но пока что было незаметно, чтобы отделение сильно развивалось.

Господи, ну почему мама никогда не ошибается в людях? Она, даже не видя здешних врачей, дала им совершенно правильную оценку, а Катя, как обычно, питала иллюзии.

Увы, Колдунов оказался, как и предсказывала мама, непорядочным человеком. Хоть бы еще сказал честно, что ему нужен гонорар, нет, стал вымогать деньги якобы на благие цели!

– Я не распоряжаюсь средствами на лечение Маргариты Матвеевны, ими ведает директор нашего училища, но, думаю, он найдет возможность оплатить все необходимое, – отчеканила Катя.

– В таком случае, если у вас нет ко мне вопросов...

Подождав секунду, Ян Александрович встал.

– Не провожайте! – завопила Катя, представив, что ей опять придется протискиваться мимо него.

Она вскочила и ринулась к двери.

– О том, как ухаживать за больной, вам расскажет Светлана Эдуардовна, – прокричал ей вслед заведующий.

Войдя в палату, Катя сразу увидела маму. Она сидела на койке Маргариты Матвеевны, и ее вид не предвещал ничего хорошего.

Своим хорошо поставленным голосом мама объясняла Маргарите Матвеевне и ее соседкам, в каких ужасных условиях они лежат. На случай, если это обстоятельство вдруг ускользнуло от их внимания.

– Ну что? – обернулась она к Кате.

– Ничего, – Катя пожала плечами, – была на беседе с заведующим.

– Что он сказал тебе?

– Да ничего особенного, мама.

– Ладно, проводи меня.

В холле мама остановилась.

– Знаешь, Катя, не хотела говорить при твоей учительнице, но я не понимаю, о чем вы думаете с Петром Петровичем! Посылаете человека на верную смерть.

– Конечно, мама, интерьер тут жутковатый и поначалу шокирует, но говорят, что заведующий – хороший специалист.

– Кто говорит?

– Петр Петрович.

– А он хоть раз был здесь? Сам говорил с этим хорошим специалистом? Видел лечащего врача? От нее просто в дрожь бросает!

– Может быть, у Петра Петровича при виде ее возникли бы другие эмоции, – пошутила Катя.

Мама устремила на нее свой фирменный стальной взгляд.

– Вот уж не думала, Екатерина, что ты способна говорить пошлости. Или это пагубное окружение влияет на тебя? Нет, я просто поражаюсь вашей с директором безответственности!

«Делать-то что? – подумала Катя. – Забирать старушку из больницы, в которой она уже освоилась, искать другие места, где сделают операцию за приемлемую цену? Не факт, что они найдут лучше».

В холле появилась Светлана Эдуардовна. Заметив Катю, она улыбнулась и подошла. Хотела, наверное, загладить давешний инцидент.

– Ну что, препараты купили уже? – спросила она весело.

– Какие препараты, девушка? – осклабилась мама.

– Не девушка, а доктор.

– То, что вы не девушка, я прекрасно вижу! Вам вообще не стыдно приходить в таком виде на работу? Это же больница, а не бордель. Что о вас больные подумают? Не надо мне тут лицо кривить, я пожилой человек и имею право сделать вам замечание. Вы только посмотрите на себя в зеркало: лицо разрисовано, юбка по самое «не хочу».

– Ну вот, – притворно вздохнула Светлана Эдуардовна, – что значит «не хочу»? А может быть, я как раз хочу?

– Знаете, я в таком тоне не могу поддерживать беседу. Опускаться до вашего уровня я не собираюсь.

Мама демонстративно отвернулась от Светланы Эдуардовны, и Кате ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Но и находиться с докторшей в состоянии конфликта Кате не хотелось. Им все равно придется общаться. Поэтому Катя украдкой улыбнулась Светлане Эдуардовне из-за маминого плеча.

– О каких препаратах говорила эта лахудра? – спросила мама, поправляя перед зеркалом воротник пальто. – Что ты должна купить?

– Лекарства, чтобы послеоперационный период прошел без осложнений.

– И что, ты собираешься все покупать? Это что у тебя, список? Ну-ка, дай сюда.

Мама, далеко отставив руку, как все дальнорзоркие люди, углубилась в чтение.

– Боже мой, да ты хоть знаешь, на какую здесь сумму?

Катя этого пока еще не знала. Она специально взяла список, чтобы посмотреть цены в аптеке, которая находилась здесь же, в холле.

– Тут самое малое тысяч на семь! – воскликнула мама.

Около тридцати частных уроков, сразу перевела Катя.

За месяц можно заработать.

– Нет, Катя, это форменное безобразие. Мало того что они вымогают лекарства, так они еще заставляют тебя закупать препаратов

вдвое больше, чем нужно. Смотри, сорок флаконов антибиотиков. Разве столько влезет в бедную старушку? Я прекрасно знаю, какими махинациями занимаются врачи. Ты все закупишь, а они половину на сторону продадут.

Света влетела в ординаторскую и уставилась в зеркало.

– Ян Саньч, как вам мой прикид? – внезапно спросила она.

– Бесподобно, – ответил он, не отрываясь от истории болезни.

– А чего все говорят, что я на шлюху похожа?

– Не знаю, Светик. Лично мне ты гораздо больше напоминаешь монашку.

– Так мне чего, имидж, типа, сменить?

– Первый раз слышу от вас, Светлана Эдуардовна, здравые речи, – включился в беседу Эрнст Михайлович. – Если вы соблагovolите прикрыть лишние десять сантиметров своих прелестей сверху и снизу, ваш облик только выиграет.

Света задумчиво вынула из ушей серьги, стерла носовым платком рубиновую помаду с губ и зачесала волосы в гладкий хвост.

– Отстой, – произнесла она, глядя в зеркало.

– А по-моему, очень милая, свеженькая мордашка. – Ян попытался утешить подчиненную, а заодно убедить ее приходить на службу в приличном виде. – И знаешь, Света, мало кто из мужчин реально западает на женщин с заголенными ногами. Не спорю, на такие ножки, как у тебя, смотреть приятно, но и только. Заценил, полюбовался и пошел дальше. А вот когда не знаешь, что там скрывается под юбкой...

– Тихо, тихо, Ян Саньч, не распалитесь. – Светка похлопала его по плечу. – Не надо мне по ушам ездить, рассказывать, как мужика подцепить. Мне это ни к чему. Давайте лучше о деле. Вы, когда с пианисткой беседовали, насчет бабок на развитие отделения говорили?

– Говорил.

Светка горестно покачала головой:

– Ой, хреново-то как! Она ведь подкрепление из тылов вызвала, я в холле видела. Такая тетя, что в кошмаре не приснится. Зубы там, где не надо, растут. С такой левые бабки выбивать себе дорожке обойдется.

– От кого я слышу такие пораженческие речи? От человека, который призывает меня доить всех подряд, невзирая на социальный

статус! От человека, который пытается убедить меня, что можно и должно хамить больным и что их жалобы не имеют ровно никакого значения! Ты, Светка, наоборот, должна радоваться, что тебе предстоит схлестнуться наконец с достойным противником, а не с до смерти напуганной старушкой.

– Ян Саныч, если бы вы увидели этого достойного противника, то сейчас сидели бы под столом, мелко дрожали и выли бы на луну. Короче, я предупредила.

– А что прикажешь делать? – завопил Ян. – Ну ладно, потолок пусть нам на головы упадет, не жалко. Белье все в дырах – тоже ничего, большинству наших больных это безразлично: они давно пропили последние мозги и не соображают, где находятся. Но без хороших инструментов как работать? В операционной ножницы все тупые, как я не знаю что, зажимы в руках ломаются. А администрация денег на это не дает, говорит, сами заработайте! На ком, интересно, я заработаю? На пенсионерках? На бомжах? Эта бабушка – единственная во всем отделении, у кого есть родственники, желающие помочь.

Светка села за стол и эффектным жестом придвинула к себе пачку историй. Всем своим видом она выражала праведное негодование. «Вот увидите, что я была права, да поздно будет!» – крупными буквами было написано на ее помолодевшей без экстремального макияжа физиономии.

– Не трусь, прорвемся, – подмигнул ей Колдунов.

Зазвонил телефон, но все трое продолжали сидеть на своих местах.

– Я не пойду, я заведующий, – первым не выдержал Ян.

– Пусть Светлана Эдуардовна возьмет, она самая молодая.

– Я единственная среди вас как бы женщина, – парировала Светка.

Ситуация начала напоминать басню Маршака «Старуха, дверь закрой». Телефон между тем надрывался, наверняка им хотели сообщить что-то важное.

Эрнст Михайлович усердно строчил в истории болезни, делая вид, что ничего не слышит. Светка тоже, судя по всему, не намеревалась капитулировать.

Колдунов громко сказал: «Тьфу на вас» – и взял трубку. Лучше бы он этого не делал! Звонили терапевты, просили проконсультировать

больного.

– Бомж? – грозно спросил Ян Александрович, с ходу поняв суть проблемы.

– Как ты догадался? – спросила заведующая терапией и развратно засмеялась.

Ян вовсе не обладал даром ясновидения, но практика была известная: подавляющее большинство вынутых из канавы бомжей независимо от заболевания помещали в отделение Колдунова, как в официальный больничный отстойник. И лишь когда отлаженный механизм давал сбой, маргиналы оказывались в терапии или неврологии. Заведующие, обнаружив на утреннем обходе у себя в отделении немилосердно воняющего бомжа, не теряли голову, быстренько находили у больного, не приближаясь к нему, впрочем, ближе, чем на три метра, острую хирургическую патологию и с песнями переводили к Колдунову. Обычно Ян безропотно принимал такие подарки, но с этой заведующей у него были свои счеты. Пару раз она отказалась взять к себе от него терапевтических больных – вполне приличных, но бедных бабушек. Поэтому Колдунов решил стоять, как русская армия под Сталинградом, но бомжа не забирать.

– Не пойду. Я сегодня не дежурю, рабочий день через семь минут заканчивается, так что изволь обращаться на первую хирургию.

– Они на бомжа не пойдут.

– Знаю, что не пойдут, но я здесь ни при чем. Это не моя проблема, ясно?

– Но, Ян, у него, кажется, без дураков, острый живот.

– Алла, я никогда не поверю, что ты трогала бомжу живот. Думаю, что ты поставила этот диагноз, посмотрев на больного из коридора.

– А ты приходи и проверь, смотрела я его или нет, – огрызнулась Алла.

– Да мне по фигу! Зови дежурную смену.

– Говорю тебе, они не придут.

– Ну напиши в истории, что вызваны хирурги, поставь время вызова, а дальше не твоя уже забота. Да и нет там никакой хирургии, уверен. Сколько вы к нам бомжей с перитонитами переплавили, и ни у одного еще диагноз не подтвердился.

– Ян, я знаю, что ты на меня обижен. Поэтому я тебе звонить вообще-то не хотела. Я сначала обратилась на первую хирургию, как

ты советуешь. Но меня там послали подальше. Сказали, что бомжи – твой профиль.

– Что? – взревел Колдунов. Привычный ко всему, такой наглости он в своих коллегах все же не предполагал. – Мой профиль? Покажите мне приказ, где это написано! Где сказано, что Колдунов должен торчать в больнице в любое время суток и расцеловывать всех бомжей? Ознакомьте меня с этим приказом, и я буду это делать! Но пока приказа еще нет, будь любезна разбираться со своими проблемами сама! – Трясущимися руками он закурил, затянулся поглубже и сразу слегка остыл и уже спокойно, даже доброжелательно закончил: – В строгом соответствии с законом и с рабочим расписанием больницы. А я пошел домой. Пока мы мило беседовали, мой трудовой день завершился.

Он положил трубку и гордо посмотрел на подчиненных. Пусть видят, какой у них суровый заведующий, и боятся.

– Правильно, Ян Александрович. – Кажется, впервые в жизни Колдунов слышал слова одобрения от Цырлина. – Нельзя позволять садиться себе на голову. Пусть знают, что мы не безответные придурки, готовые за других самую грязную работу делать.

Светка вдруг встала и поманила Колдунова в коридор.

– Чего тебе? Домой хочешь – так иди.

– Джаст э момент, Ян Саныч.

– Господи, да что за тайны у тебя?

Колдунов нехотя вышел в коридор, Светка затолкала его в угол, привалилась к нему и жарко зашептала прямо в ухо:

– Где это чучело лежит? Я сгоняю, посмотрю, если вам в лом.

– Да ты что, Светка?

– Ну а чё? Чё мы будем с больными-то воевать? Живой же там человек, запаadlo не помочь.

– Доходчиво объясняешь.

Ян развеселился, обхватил Свету пониже талии и притянул к себе.

– Пошли, вместе глянем, что там за перитонит.

Краем глаза Колдунов заметил, что рыжая родственница одной из вверенных ему старушек смотрит на него с ужасом, и подумал, что со стороны их разговор со Светкой и в самом деле выглядит двусмысленно. Наверное, Ян показался ей сексуальным маньяком, который не может обуздать свои инстинкты и лапает хорошеньких

сотрудниц прямо в коридоре. Ну и фиг с ней, главное, чтобы Вера не поняла этой сцены превратно. Ян ни в коем случае, даже по недоразумению, не хотел бы сделать ей больно.

* * *

Катя так устала за день, что даже не могла понять, чего она больше хочет, спать или есть. Сегодня пришлось побегать. Сначала в больницу, потом в училище – к Петру Петровичу за деньгами. Он хотел выдать ей сразу всю сумму, но Катя очень нервничала, когда приходилось становиться хранительницей чужого имущества, поэтому взяла только на текущие расходы, а основные деньги остались в директорском сейфе. Из училища Катя поехала на другой конец города, где была дешевая аптека. Мама высчитала, что если она будет покупать лекарства там, а не в больничном ларьке, то сэкономит не меньше тысячи рублей. Поскольку деньги были не ее, Катя покорно отправилась к черту на кулички.

К Катиному ужасу, выяснилось, что часть лекарств – это поллитровые банки с какими-то растворами, и ей таких банок отгрузили штук пятнадцать. К тому же банки оказались стеклянными, и она боялась, что разобьет их в метро. Ловить такси на общественные деньги Катя постеснялась, а своих было жаль, ведь грядущий месяц не сулил ничего, кроме голой учительской зарплаты. Поэтому она сделала два рейса из аптеки в больницу, ругая маму за привычку совать нос в чужие дела. Если бы она не знала об этой дешевой аптеке, то спокойно купила бы все в больничном ларьке!..

В больнице Маргарита Матвеевна готовилась к операции. Старушка как будто не волновалась и была уверена в благополучном исходе, но все же Катя просидела с ней до вечера, пока Маргарита Матвеевна не приняла прописанные ей снотворные таблетки.

Часов в восемь к Маргарите зашел заведующий. Он присел к ней на кровать, ласково взял за руку:

- Как настроение, боевое?
- Спасибо, доктор, все хорошо.
- Ну и ладненько. Завтра поедете в операционную прямо с утра, там сделают вам укол, и заснете. Вся операцию будете спать, ничего

не почувствуете. А как услышите голос, значит, операция закончена.

– А чей голос, доктор? – улыбнулась Маргарита Матвеевна.

Колдунов смешался.

– Мой, конечно. Или анестезиолога. Да не волнуйтесь, я сам вас разбужу. Кстати, украшения снимите, пожалуйста. Отдайте внучке.

– Это не внучка, а моя ученица. Доктор, а нельзя ли оставить украшения? У каждого из них – своя сентиментальная история. Они – талисманы.

– Ну, слава Богу, у вас не такая ситуация, чтобы вы нуждались в талисманах. Просто золото от йода портится. Как только вернетесь в палату, сразу снова наденете свои драгоценности.

Катя еле сдержала эмоции.

– Ян Александрович, – сказала она, выходя за ним из палаты, – может быть, разрешите оставить украшения? Неужели йод так уж вредит золоту?

– Да при чем здесь йод! Она же в наркозе будет! И, как в фильме, с бесчувственного тела... Я уже не говорю, если что... тьфу-тьфу, не дай Бог.

– То есть вы так спокойно говорите, что ваши сотрудники могут совершить мародерство? Да вы с ума сошли!

– Увы, не сошел. К сожалению, были прецеденты. Если что пропадет, вы же первая меня в асфальт закатаете.

– Боже, но я понятия не имею, сколько все это стоит! А вдруг это действительно драгоценности? А я на ночь глядя поеду домой с пригоршней золота в кармане! А вдруг меня в подворотне ограбят? Как я буду отчитываться перед старушкой? Может быть, она вообще не поверит, что меня ограбили, и решит, что я все продала на черном рынке?

Катя почти кричала, а Колдунов только ухмылялся, глядя на ее истерику.

– Не знаю, чем я мог бы вам помочь, – сказал он, когда Катя наконец замолчала. – Уж о чем о чем, а об этом я заботиться не должен. Только учтите, если завтра на больной хоть одно кольцо останется, операции не будет.

В панике Катя позвонила домой Петру Петровичу. Она так вопила, что Петр Петрович заехал за ней в больницу, потом они вместе

отправились в училище и положили кольца в сейф. Только тогда Катя вздохнула с облегчением.

За исход операции она почему-то не волновалась. У нее было предчувствие, что все пройдет хорошо.

Катя отломилась себе кусок булки и запила ряженкой прямо из пакета.

– Как тебе не стыдно, – тут же отреагировала мама, – сядь и нормально поешь!

– Нет, пойду спать. Завтра поем, тем более что можно будет не торопиться, заведующий сказал, что раньше одиннадцати операция не закончится.

– Кстати, я тут написала от твоего имени письмо главному врачу. Пусть знает, какие безобразия творятся за ее спиной.

– Мама, зачем?

– Затем, что это необходимо! Нужно вывести этих негодяев на чистую воду.

– Но эти негодяи завтра будут оперировать Маргариту Матвеевну.

– Правильно. В надежде на взятку. А стали бы они делать операцию, откажись ты платить – еще большой вопрос. Нужно было, конечно, сделать иначе. Ты должна была сразу, как только заведующий сделал тебе это возмутительное предложение, пойти к главному врачу и все ей рассказать. Уверяю, после этого тебе не пришлось бы ни копейки потратить на лекарства.

– Ну сходила бы я к главному врачу, покачала бы права, и что? Они бы поняли, что я скандальная тетка, решили бы не связываться со мной и стали бы лечить Маргариту Матвеевну всякой бесплатной ерундой. Нет уж, лучше мы заплатим, к тому же на каждого преподавателя не так много и выходит.

– Вот поэтому рвачество в медицине и процветает! Ты вдумайся, Катя, ведь получается, что больные становятся у врачей заложниками. Близкие, опасаясь за их здоровье, не могут даже возмущаться безобразной работой медиков. Не говоря уже о том, чтобы отказаться платить взятки.

Катя была готова на все, лишь бы мама оставила ее в покое. Мамина речь, безусловно, была справедливой, но все же это был уже не премьерный показ, а главное – время было выбрано неудачно.

– Ты совершенно права, – на всякий случай сказала Катя и попыталась прошмыгнуть в ванную.

Не удалось. Мама грудью перекрыла все пути.

– Вот я и считаю, – звонко, как на собрании, продолжала она, – что мы должны сообщить главному врачу об этой порочной практике. Завтра я завезу ей письмо от твоего имени. Я бы написала от своего, но это будет выглядеть глупо. Чего это я хлопочу о совершенно посторонней мне старухе? Другое дело ты, ее ученица.

– Мама, прошу тебя, не надо. Люди хотят помочь Маргарите Матвеевне, а мы будем на них кляузы строчить.

– Они хотят не помочь ей, а заработать на ней. Существенная разница! И я пишу не кляузу, а объективное, можно сказать, информационное письмо. Там нет ни одного обвинения, я просто интересуюсь, уполномочен ли был заведующий заставлять тебя покупать лекарства. Еще раз повторяю: если они честные люди, то им нечего бояться.

Конечно, они не были честными людьми. Катю до сих пор передергивало от омерзения, когда она вспоминала, как Колдунов намекал ей на «развитие отделения». Но бороться с ними, занимать активную гражданскую позицию почему-то совершенно не хотелось.

– Давай все-таки не будем... – из последних сил попыталась сопротивляться замученная дежурствами и маминым напором Катя.

– Что тебя не устраивает? Кого ты защищаешь? Уж не влюбилась ли ты в этого, как его, Колдунова?

– Мама, да ты что? Я видела-то его три или четыре раза. Какая может быть любовь?

– Очень даже может. У него порочное лицо и похотливый взгляд. Такие бандерасы действуют на порядочных женщин, как валерьянка на кота. Нельзя поддаваться этому грубому животному обаянию! Катя, поверь мне, это абсолютно безнравственный тип, а я в людях разбираюсь. Он поиграет и отбросит тебя, как сломанную куклу. Я уже не говорю о том, что у порядочной женщины не может быть ничего общего с человеком, который наживается на болящих!

Чтобы убедить маму в ложности ее подозрений, Катя с ходу, не читая, поставила свою подпись-закорючку.

Стоило Кате лечь в постель, как сон ушел. А казалось, что уж сегодня-то бессонница ей не угрожает! Она выглянула в коридор – у мамы в комнате было темно, из-за двери доносилось мерное похрапывание. Катя прошла на кухню, осторожно, стараясь не греметь посудой, сварила кофе – все равно не спится. Еще раз убедившись, что мама спит беспробудно, Катя надела пальто и выскользнула с чашкой кофе на лестницу. Домовитый Юра поставил перед их отсеком дверь и оборудовал на площадке нечто вроде холла. Меняя обстановку в квартире, Юра вынес на площадку кресло и журнальный столик и оборудовал себе место для курения. Мама долго воевала с ним по этому поводу, кричала, что не позволит дымить под дверью своей квартиры и вообще распорядиться на принадлежащем ей по закону участке лестничной клетки. Сосед реагировал всегда одинаково. «Вы предпочитаете, чтобы у вас под дверью вместо курящего меня оказались колющиеся наркоманы?» – задавал он риторический вопрос и удалялся в свою квартиру.

Катя не решалась открыто выступить на Юриной стороне, но, чтобы сосед понял, что она одобряет его действия, купила в «холл» фикус и повесила на стену несколько картинок.

Она села в кресло и закурила. Почему-то захотелось, чтобы Юре тоже не спалось, чтобы он вышел. Они бы мило поболтали... Может быть, она все-таки нравится ему? Катя тяжело вздохнула.

Она никогда не мечтала о головокружительной карьере. Единственное, чего ей хотелось с ранней юности, это выйти замуж и иметь много детей. Но для того чтобы быть счастливой в браке, нужно было встретить хорошего человека – доброго, умного и надежного. «Если ты выйдешь за ничтожество, как в свое время сделала я, твоя жизнь превратится в ад, – говорила ей мама. – Я очень люблю тебя, Катя, и хочу предостеречь от роковых ошибок, особенно от тех, которые я совершила сама. Ты должна гордиться своим избранником, а не презирать его». С этим Катя была совершенно согласна.

«Ты умная и трудолюбивая женщина с сильной волей, и тебе будет трудно найти достойную пару. Почему-то именно такие, как ты, привлекают самых никчемных мужчин, – продолжала вздыхать мама. – Конечно, ты сможешь заставить себя верить в положительные качества своего избранника. Какое-то, и, может быть, даже весьма продолжительное, время ты будешь насиловать себя, считать его

героем, но прозрение неминуемо, и чем позже оно наступит, тем будет болезненнее».

Катя надеялась, что мама ошибается, но, к сожалению, ее прогнозы оправдывались. Поклонники оказывались либо тупицами, либо страшными лентяями, либо непорядочными людьми. Несколько раз Катя влюблялась, и тогда ей не хотелось видеть недостатков своего избранника. Она не слушала маминых предостережений, намеренно закрывала глаза на неблагоприятные поступки ухажера. К сожалению, каждый раз жизнь вдребезги разбивала все построенные Катей воздушные замки. Мама всегда очень нежно утешала ее, утверждала, что все к лучшему, что Кате еще улыбнется счастье, и очень хорошо, что она вовремя избавилась от неподходящей кандидатуры.

Может быть, конечно, ее счастье было еще впереди, однако с тех пор, как она закончила консерваторию, у Кати не было ни одного поклонника. А прошло уже без малого десять лет!

И все это время она бегала как лошадь по кругу: работа – дом, дом – работа... Ее подруги повыходили замуж, нарожали детей, кто-то уехал за границу... В общем, Катя стала очень одинокой в последние годы. Она бы душу черту продала, чтобы выйти замуж, но, оглядываясь вокруг, не находила ни одного мужчины, которого бы ей хотелось видеть рядом с собой каждый день. Не выходить же за любителя попсы, расчетливого мента Юру или за раздолбая и взяточника Колдунова! Или за Георгия Марковича, который будет целыми днями талдычить ей о своей непризнанной гениальности.

Катя горько усмехнулась, вспомнив мамины слова про валерьянку и кота. Неужели мама могла подумать, что Катя способна поддаться животным инстинктам и забыть обо всем ради разбойничьей рожи доктора? Завести с ним роман? Втоптать себя в такую грязь? Возможно, Катя могла бы еще примириться с тем, что ее возлюбленный в свободные минуты тискает девушек по углам. Но то, что Колдунов мухлевал с деньгами, сразу исключало его из списка кандидатов на ее руку и сердце, если бы он вдруг захотел себя в этот список внести.

Той ночью не спалось и Колдунову. Он провожал Веру домой. Обнявшись, они шли по Садовой улице, пустой и таинственной, как марсианский канал. Почти все окна были темными, улицу освещали

только тусклые фонари. Остановившись, Ян развернул Веру лицом к себе. Он долго и нежно целовал ее, потом прислонил к стене дома и полез под юбку.

– Перестань, – смеялась Вера, страстно отвечая на поцелуи, – ты забыл, что мне уже не двадцать лет. Так, как раньше, не получится.

– Милая моя...

– Пойдем, а то Мишка будет волноваться.

Ян с неохотой отпустил ее.

– А что, ты снова с Алевтиной замутил? – вдруг спросила Вера.

– Почему это ты так решила?

– Чека донесла. Народ видел, как ты к ней в машину садился.

Ян поморщился.

– Она просто предложила подвезти меня. Не мог же я отказаться.

– А потом она предложила перепихнуться. Не мог же ты отказаться!

– Представь себе, мог! Не буду лукавить, она меня соблазняла, но я не поддался. Да я скорее засуну в машинку для уничтожения бумаг, чем в нее!

Вера ядовито засмеялась.

– Правда, Ананас! Я с ней спал один-единственный раз по пьяни, еще когда главврачом был. И ты должна меня понять, она же офигительно красивая тетка.

– А потом?

– Что потом?

– Ну, вы переспали, и что? Разошлись как в море корабли?

– Точно так. Она, правда, намекала, что можно и продолжить, но я, Ананасик, хранил тебе верность.

Вера фыркнула.

– Что-то у меня не вяжется. Ты же знаешь, что в аду нет ярости страшнее, чем ярость отвергнутой женщины. Я знаю Алевтину, и если все между вами было так, как ты говоришь, она должна была сплясать на твоих костях, а не предлагать тебе должность.

– Дурочка ты! Ты что, думаешь, я ублажаю нашего главврача в койке за то, что она держит меня на работе? Так ты меня прости, но это она меня должна каждый день по три раза ублажать, что я еще не послал подальше эту работу! Ты лучше меня знаешь, что у нас медом

не намазано. Я сам не понимаю, почему до сих пор не уволился, – заключил Ян с тяжелым вздохом.

– И все-таки, – упорствовала Вера, – она пригрела тебя в трудное для тебя время. А если это любовь?

Ян покрутил пальцем у виска.

– Ты что, Ананас, женщин не знаешь? Взяла она меня на работу, чтобы в полной мере насладиться моим унижением. Я же был таким, как она, а теперь стал подчиненным. Заведую самым кошмарным отделением во всей больнице. Каждый раз, когда она видит меня среди бомжей, измотанного, а иногда и поддавшего, сердце ее переполняется тихой радостью. Поэтому она меня и подвезла на днях. Ткнула меня носом в мое убожество, в то, что я даже на машину заработать не способен.

– Слушай, Ян, так, может быть, мы в таком загоне из-за тебя находимся? Может, она так мстит? Специально устроила нашему отделению экономическую блокаду? А?

– И мстит, конечно, тоже. Но главное – это все-таки финансовые соображения. Она показывала мне распечатки из бухгалтерии: доход, расход... Мы – убыточное отделение, нравится тебе это или нет.

– Что б ты понимал! Ян, она тебе мозги пудрит, а ты как ребенок! Какой расход, сам посуди? Что нам больница выделяет? Кашу? Шприцы? Перевязочный материал? Все остальное больные сами покупают. Она пользуется тем, что ты в бухгалтерии ничего не понимаешь, и втирает тебе.

– Может, и так.

Колдунов уже давно отчаялся добиться справедливости, понял, что спорить с главным врачом – все равно что идти на медведя с перочинным ножиком. Но Вера еще питала какие-то иллюзии, ругала его за пораженческие настроения и пыталась вдохновить на борьбу.

– Ян, может, тебе стоит ответить на ее заигрывания? Стань снова ее любовником, представляешь, какие на нас тогда милости прольются?

Колдунов грустно посмотрел на нее. Непонятно было, говорит Вера серьезно или шутит.

– Ты что, совсем меня не любишь?

Операция прошла успешно, но Колдунов со Светланой Эдуардовной остудили Катину радость. Они сказали, что вздохнуть спокойно можно будет только через пару недель, не раньше. Около двух часов Маргарита Матвеевна провела в реанимации, а потом ее привезли в палату и передали под Катин надзор. Увидев окутанное какими-то непонятными проводками тело, Катя пришла в ужас. Ей казалось, что любое ее неосторожное движение может привести к страшным последствиям. А главное, она боялась, что не уследит за всем, обязательно прозевает, когда кончится капельница, когда Маргарита Матвеевна начнет ворочаться... Да мало ли еще что она могла натворить по незнанию! А что будет ночью? Вдруг она заснет и не заметит, что пора менять капельницу? Тогда в вену Маргариты Матвеевны попадет воздух и она умрет. По Катиной вине! Ну хорошо, эту ночь она сможет не спать, а следующую?

Скрепя сердце Катя поделилась своими страхами со Светланой Эдуардовной. Та задумчиво пожевала жвачку и успокоила Катю соображением, что от пропущенной капельницы у них пока еще никто не умер. «Часов в одиннадцать капельницы кончатся, ей сделают укол, и спите себе на здоровье», – сказала врач.

Обещанный укол сделали только в половине первого, и то лишь потому, что Катя разыскала медсестер и напомнила про него. Томная сестра неприязненно посмотрела на Катю и сказала:

– Зачем вы просите укол? Бабушка же не жалуется.

Спорить сил уже не было, и Катя заснула прямо на стуле, уронив руки и голову на тумбочку Маргариты Матвеевны.

Утро принесло новые заботы. Умывание, перевязка, снова капельницы... Однако Катя уже освоилась: научилась закрывать систему для внутривенного вливания и обнаружила большинство тайных уголков, в которых можно найти медсестру, если в ней возникает необходимость.

Чтобы не сидеть сложа руки, она вымыла пол, протерла устрашающего вида тумбочки, а на окно повесила прихваченные из дома старые тюлевые занавески, отчего палата сразу приобрела почти уютный вид.

Около двенадцати наведалься с обходом Колдунов. Катя как раз пыхла возле стокилограммовой женщины, пытаясь постелить под

нее свежую простыню.

– Что же вы в одиночку-то? – всполошился заведующий. Он подбежал и с поразительной легкостью повернул больную на бок. Вдвоем они быстро управились.

– Какая вы молодец! – сказал Ян Александрович, ласково глядя на Катю. – Редко встретишь, чтобы человек и за своим родственником ухаживал, и о других больных заботился. А какой порядок вы тут навели! Я, знаете, просто восхищен.

Катя смутилась. Целый день после этого она летала как на крыльях, в душе ее раздавалось пение райских птиц и сияло солнце. Ею восхищаются, надо же! Нашелся человек, который оценил ее, пусть даже это беспринципный Колдунов.

Первый раз в жизни Катя удостоилась от мужчины таких слов и такого взгляда. Поклонники, которых в ее жизни было не много, не баловали ее подобными проявлениями чувств. Наоборот, они склонны были делать Кате замечания. Мама находила этому логическое объяснение. Она считала, что средний человек, быдло, как она выражалась, просто не способен оценить Катиного очарования, ее ума и душевной красоты. Но, предостерегала мама, такой средний человек подсознательно будет чувствовать Катиную превосходство, а значит, непременно попытается подавить ее, внушить ей чувство неполноценности. Мама утверждала, что Катя сможет быть счастливой только с таким же благородным человеком, как она сама, человеком, которому небезразличны душевная чистота и нравственные устои.

И Кате следовало всю жизнь ждать такого человека, не размениваясь на полуфабрикаты.

А вдруг она была несправедлива к Яну Александровичу? Катя вспомнила, каким ловким, сильным, но в то же время ласковым движением он помог ей перестелить постель больной. Накануне, когда она пыталась отдать ему конверт с деньгами, заведующий отмахнулся – сказал, что все денежные вопросы решит перед выпиской. Может быть, он совсем не так ужасен, как считает мама?

Катя тяжело вздохнула. Она думала так про каждого своего поклонника, но потом кавалер оказывался именно *так ужасен*. Мама, при всех ее недостатках, великолепно разбиралась в людях.

– Катенька, детка, сходи пообедай, – предложила Маргарита Матвеевна.

– Не волнуйтесь, у меня бутерброды с собой. Сейчас чаю вскипячу и поем.

– Нет, Катюша, тебе нужно прогуляться. Ты с ума сойдешь, если будешь сутки напролет здесь сидеть. Да к тому же со мной хотела поболтать Клавдия Ивановна. Иди, деточка, развлекись немного. Прямо напротив больницы есть превосходное кафе. Кажется, это единственное место в городе, где стиральный порошок не является непременным ингредиентом капучино. Цены там тоже вполне приемлемые. Я бы с огромным удовольствием сама туда пошла, но пока не могу.

– Ничего, недельки через две мы отметим там ваше выздоровление, – улыбнулась Катя.

Тут пришла Клавдия Ивановна и почти насильно вытолкала ее за дверь, сказав, что они с Маргаритой Матвеевной собираются повспоминать своих возлюбленных и лишние уши им совершенно не нужны.

«А мне будет нечего вспомнить», – грустно размышляла Катя, направляясь к разрекламированному кафе. Ее плоть не страдала от воздержания, наверное, она была фригидной женщиной, но было обидно, что есть сфера жизни, о которой она ничего не знает. Что супружество и материнство остаются для нее абстрактными понятиями. Иногда Кате хотелось завести любовника хотя бы в познавательных целях, чтобы не чувствовать себя белой вороной, не теряться и не смущаться, когда женщины-педагоги, оставшись одни в учительской, начинают беседовать о своих мужчинах.

Вспомнив об утренней встрече с Колдуновым, она вновь воспрянула духом. Разве он отозвался бы о ней с таким восторгом, будь она такой же распущенной, как другие? Мужчины очень хорошо чувствуют чистоту женщины.

Катя взяла капучино и мороженое. Кафе, видимо, пользовалось популярностью не только у Маргариты Матвеевны, свободных столиков не было. Оглядевшись, Катя вдруг узнала в одной из посетительниц Светлану Эдуардовну. Докторша сидела в обществе двух примерно десятилетних детей, а один стул был свободен. Что ж, это лучше, чем подсаживаться к незнакомым людям.

– Не помешаю? – вежливо спросила Катя, подойдя.

– Садитесь, конечно.

Светлана Эдуардовна, насколько можно было понять в полумраке кафе, посмотрела на нее приветливо. Дети оказались симпатичными близнецами женского пола.

– Это ваши? – удивилась Катя.

– Типа того. Оля и Лена.

– Здравсьте, – сказали Оля и Лена.

– А это...

– Катя, – поспешно представилась она. – Очень приятно, девочки, с вами познакомиться. Какие, Светлана Эдуардовна, у вас большие дети.

– Да я и сама не маленькая, – улыбнулась та, – к тридцатнику уже подкатывает.

Катя подумала, что, роди она в таком же возрасте, как Светлана Эдуардовна, ее дети могли бы уже поступать в музыкальное училище. Эта мысль очень расстроила ее. Чтобы не травмировать компанию унылым выражением лица, она немного передвинула свой стул подальше, в тень, и с подчеркнутым вниманием принялась за мороженое. О ней тут же забыли.

– Мам, а я двойку по математике получила, – то ли повинилась, то ли похвасталась одна из девочек.

– Забей, – беспечно произнесла заботливая мать, отпив из стакана, в котором, как с ужасом определила Катя, было пиво.

– Я перепутала, какие числа справа, а какие слева, – продолжила девочка.

– Ну это с какой стороны посмотреть... Я тоже до сих пор путаю. Даже на операции все время боюсь не ту ногу отрезать.

Катя похолодела. Если ей когда-нибудь придется отрезать ногу, Светлану Эдуардовну она к себе близко не подпустит.

– Короче, дети, не парьтесь. Мать ваша выучилась, ну и вы как-нибудь.

– Тебе велели в школу прийти. Нина Федоровна ругалась, что ты на родительском собрании не была. Говорит, что ты совсем не следишь за этим, за...

Ребенок задумался, вспоминая нужное слово. У Кати был гигантский опыт общения с детьми, сосчитать, сколько их прошло через ее руки за десять лет преподавательской работы, было

невозможно, и она сразу оценила: девочки развитые и сообразительные. Жаль, что при такой мамаше...

– Успеваемостью? – подсказала Светлана Эдуардовна и отхлебнула еще пива. – Девки, совесть у вас есть? Я вас кормлю, одеваю, плачу за всякие ваши кружки, неужели я еще и следить должна? Короче, возможность получить хорошее образование я вам предоставила, моя совесть, типа, чиста. А вы сами решайте. Хотите – учитесь, хотите – нет, дело ваше. Мне по школам некогда ходить, я уже свое отходила.

«Зачем заводить детей, если не можешь о них надлежащим образом позаботиться?» – хотелось сказать Кате. И как педагог, и как женщина, потенциальная мать, она была возмущена поведением докторши. Но, конечно, промолчала.

– Мам, а что такое «олицетворяет»?

– Как бы вам объяснить... Конкретно не знаю. К примеру, наш флаг, в натуре, олицетворяет Россию, понятно?

– Не-а.

– Тогда попробую проще. Вот пацан дарит вам букет роз. Он реально на вас запал, но боится сказать и как бы в розах воплощает свою любовь. Или вот на открытках с Восьмым марта красивых девушек рисуют. Олицетворяют весну, ясно?

– А снеговик – зиму?

– Точно. А зачем вам?

Девочки заговорили разом. Оказывается, им задали выучить стихотворение «Ночевала тучка золотая» и подумать, что олицетворяет утес, а что – тучка.

Светлана Эдуардовна задумчиво поскребла в затылке.

– Ух ты, ешкин кот, стишок-то не детский. А вы сами чего надумали?

– Ну, утес – это же скала такая в море?

– Вот в том и фишка, чтобы за образами скалы и тучки увидеть человеческие чувства. Это аллегория, уловили? Утес – это вроде бы такой старый злобный хрыч, влюбился в веселую девушку, а она перед ним хвостом покрутила и кинула. Вот он и переживает. Ну это я так думаю, а что думал Лермонтов – это знает только Лермонтов. – Светлана Эдуардовна горестно покачала головой. – Если вдуматься, то дурное стихотворение. Вместо того чтобы сидеть сопли на кулак

наматывать, утес этот двинул бы в народ, нашел бы себе дело, глядишь, и оклемался бы. Вообще, девки, запомните, что самое губительное в жизни – это «плакать в пустыне». Как начнете себя жалеть, считайте, все, кранты. Вы за бортом. Я, конечно, не Лермонтов, но вам кое-что важное скажу. Как бы вам ни было хреново, в какой бы ж... то есть заднице вы ни сидели, всегда найдутся люди, которым еще хуже вашего и которым нужна ваша помощь. Будете это знать и нормально проживете.

– Извините. – Катя, как педагог со стажем, больше не могла слушать это безучастно. – Извините, что я вмешиваюсь, но, насколько мне известно, это стихотворение было написано на смерть Пушкина.

– Да нет, на смерть Пушкина специальное есть: «Погиб поэт, невольник чести», – блеснула эрудицией Светлана Эдуардовна.

– Светлана Эдуардовна, у меня как-никак высшее гуманитарное образование, поверьте мне. Это действительно аллегорическое произведение, в нем утес олицетворяет Россию, а тучка золотая – поэта.

– Да? Возможно. Слышите, девочки, что вам образованный человек говорит? И все равно дебилизм. Чем меньше плачешь, тем лучше, что бы ни случилось.

Катя не стала при детях делать замечание невежественной докторше, она просто молча вернулась к своему мороженому. Светлана Эдуардовна расцеловала девочек, помогла им надеть куртки и шапки и отправила домой делать уроки. Сама же вернулась к недопитому пиву.

– Хоть посижу десять минут в тишине, – доверительно сказала она Кате.

– Простите, что вмешиваюсь, но я, как педагог, не могу не сделать вам замечание, – заявила Катя, внутренне ожидая, что сейчас ее пошлют подальше. – Как вы можете говорить «дебилизм» в адрес Лермонтова? Потом, ваш ребенок получил двойку, а вы говорите – «забей»!

– А что я должна сказать?

– Ну хотя бы – «не обращай внимания». А такие обороты речи, которые вы используете, просто недопустимы в общении с детьми. Но дело даже не в этом. Вам следовало пожурить ребенка за неудовлетворительную отметку. Учитель девочки так оценил ее

знания, и вы, чтобы не ронять авторитет учителя, должны с этой оценкой согласиться.

– Да сейчас! Чтобы потом дети от меня дневники прятали? Сегодня я их поругаю, завтра, а послезавтра они просто ничего мне не расскажут. Мне главное, чтобы они доверяли мне – тогда, может быть, я смогу помочь им по жизни.

– И тем не менее. Школа пытается дать им образование, внушить уважение к мировой культуре, а вы... Нигилизм какой-то проявляете, – расхрабрилась Катя. – Ребенок путает право и лево – пусть, ничего страшного. Школа знакомит их с творчеством Лермонтова, а вы походя обзываете его дебилом! Простите, но вы ведете себя как трудный подросток.

Светлана Эдуардовна засмеялась. Она уже встала, надела пальто, поэтому Катя последовала ее примеру. Мельком взглянув в зеркало, висевшее перед входом в кафе, женщины рука об руку направились в больницу.

– Я ничего не имею против Лермонтова, – сказала Света, – я поэзию вообще не очень понимаю. Я просто сказала, что никогда не надо считать себя несчастнее других. Вот и все.

– Ладно, но зачем же вы при детях пиво пьете?

– Что поделать? Я с ними одна, папы у нас нет. Все приходится самой делать, в том числе и пиво пить.

Катя промолчала. Светлана Эдуардовна никак не была похожа на мать, а тем более – на мать-одиночку. В музыкальном училище было много одиноких женщин с детьми, но выглядели они совсем по-другому. Поразмыслив, Катя не могла не признаться самой себе, что эпатажное поведение докторши импонирует ей больше, чем потухшие взгляды и злые лица коллег.

– Хотите, я послушаю ваших девочек? – неожиданно сказала она. – Вдруг у них есть способности к музыке?

– Спасибо, конечно. Только это, наверное, денег стоит... И возить я не могу, целый день на работе.

– Давайте все же попробуем. Если данные есть, я смогу их устроить в школу при консерватории, там полный день. Или в принципе если за ними приглядеть некому, то можно в Вагановку определить. Не хочу хвастать, но у меня в этих кругах большие связи.

– Правда? Это было бы классно. Если они завтра прямо после школы в отделение подойдут, нормально?

– Хорошо.

Возле ординаторской женщины расстались, довольные друг другом.

Катя заняла свой пост возле Маргариты Матвеевны. Украдкой посмотрела на часы: было только начало четвертого. Может быть, сегодня она еще увидится с доктором Колдуновым? Конечно, он ровно ничего не значит в ее жизни, но так было бы приятно вновь увидеть теплоту и восхищение в его порочных глазах!

Желанию ее суждено было сбыться. После уборки в палате мусорная корзина наполнилась под завязку, ее содержимое, даже многократно утрамбованное, норовило перевалиться через край. А после того как Катя собрала с тумбочек пустые пакеты из-под сока и обертки от сырков, перспектива выноса мусора стала неотвратимой.

Она выглянула на черную лестницу. Мусоропровод был безнадежно забит. Несколько минут Катя мучительно преодолевала искушение оставить мешки с мусором возле трубы, как это уже многие сделали до нее, но все-таки отправилась к бакам на улице. Возвращаться в палату не стала, пошла на улицу как была, в своем любимом легком платье, тапочках и носочках.

Аккуратная Катя хотела выкинуть пакеты именно в бак, а не в россыпь мусора возле него, за что и поплатилась: в самом эпицентре помойки поскользнулась на какой-то склизкой субстанции и упала. Почувствовала резкую боль в правой икре и увидела, что в этом месте на ноге зияет рана, из которой, как со страху показалось Кате, торчит кость. «Не зря я сегодня подумала, что мне придется ногу отрезать!» – От ужаса она не могла даже закричать. В голове всплыли какие-то обрывки знаний, полученных на занятиях по гражданской обороне. Кое-как перевязав ногу выше раны собственным носком, Катя поковыляла обратно.

– Етишкин пистолет! – Первым человеком, встреченным Катей на отделении, оказалась старшая сестра. – Что это с вами?

– Производственная травма, – сказала Катя и попыталась улыбнуться. Нога болела все сильнее с каждой минутой. Кроме того,

носок был не очень удачным жгутом, поэтому Кате казалось, что из нее вытекла уже почти вся кровь.

– Скорее в перевязочную! Идите, а я за Яном Александровичем сбегаю. Дойдете сами?

Катя кивнула. Оставляя за собой кровавый след, она доползла до перевязочного кабинета и прислонилась к двери. Теперь к ужасу от полученной травмы присоединился еще страх перед Яном Александровичем и перед тем, что он с ней сделает. «Надеюсь, хотя бы он не путает право и лево», – попыталась она развеселить себя. Будь у нее выбор, Катя предпочла бы не обращаться за медицинской помощью. Она помазала бы рану йодом, забинтовала, а потом бы забила в угол и положила на природу.

Колдунов направлялся к ней почти бегом, следом семенила Клавдия Ивановна. Выражение лиц у них было вдохновенное и решительное: видимо, старшая сестра расписала Катино состояние самыми яркими красками.

– Не волнуйся, детка, сейчас все поправим, – сказал Ян Александрович. – Давай помогу.

Он подхватил Катю на руки и положил на перевязочный стол.

– Посмотрим, что с тобой такое.

Замирая от ужаса, Катя смотрела, как заведующий, весело насвистывая, надевает медицинскую шапочку и маску. В таком виде, когда на лице были открыты одни глаза, Колдунов походил на средневекового палача.

– Клавдия Ивановна, откройте мне набор для обработки ран. Я сделаю ревизию. Если сосуды целы, то зашью прямо тут, а если нет, то придется, милая моя, делать операцию.

– Ампутацию? – пискнула Катя.

Вокруг глаз Яна Александровича собрались мелкие морщины, и Катя поняла, что под маской он улыбается.

– Не бойся, девочка. Таковую ножку грех отрезать. Потерпи одну секунду, сейчас йод пощиплет, а потом я обезболю.

– Закрой глаза, девка, и расслабься. Больно не будет, – сказала Клавдия Ивановна.

– Да ничего, я потерплю.

– Не надо терпеть. Если что, сразу говори, я лекарства добавлю.

Катя послушно закрыла глаза. Она чувствовала, как Колдунов ощупывает ее голень, и удивлялась, какие нежные и осторожные у него руки. Несмотря на то что рана ныла, прикосновения были приятными, она даже перестала бояться. До сих пор никто не прикасался к ней так бережно. Даже стоматологи, за визиты к которым она платила кругленькие суммы, никогда так не ворковали над нею.

– Кость вроде бы цела, уже хорошо. А как это тебя угораздило?

– Поскользнулась.

– Где?

– Да тут. На помойке.

– Клавдия Ивановна, нужно от столбняка укол сделать. И пожалуй, антибиотик назначить. Так, детка, потерпи секунду, ввожу обезболивающее.

Катя думала, что, несмотря на заверения Колдунова и Клавдии Ивановны, ей все же будет больно. Но внезапно поняла, что ничего не чувствует. Заведующий зашивает ее ногу, но происходит это вроде бы и не с ней. Ян Александрович постоянно осведомлялся, как она себя чувствует, называл ее деткой и давал пояснения: что он увидел в ране, что собирается с этим делать и сколько времени ему еще нужно для работы. Несколько раз он похвалил Катю за то, что она так спокойно лежит и мужественно переносит операцию. Катя ответила, что это не составляет ей никакого труда.

– Вот и все. Завтра не забудь подойти на перевязку.

– Спасибо вам большое.

– Спасибо за это не говорят, – весело ответила Клавдия Ивановна, и Катя поняла ее не слишком тонкий намек. Что ж, она тоже не дает бесплатных уроков музыки!

Клавдия Ивановна подступила к ней со шприцем:

– Поворачивайся, сделаю противостолбнячный укол.

– Не буду смущать, – сказал заведующий и ушел.

Защитая и аккуратно перебинтованная нога почти не болела, гораздо большие страдания доставляла пятая точка, в которую только что всадили изрядную порцию сыворотки. Катя довольно бодро доскакала до палаты и успокоила Маргариту Матвеевну – старушка недоумевала, куда могла исчезнуть ученица вместе с мусорным ведром. Убедившись, что в палате все спокойно, Катя достала из

своего кошелька две тысячи, завернула в лист бумаги и поковыляла обратно – искать Колдунова.

Тот был в ординаторской.

– Можно вас на секунду?

– Что случилось? Тебе бы полежать сейчас нужно, а не прыгать по всему отделению.

Колдунов неохотно вышел к ней в коридор. Катя нацелилась на карман его халата, но он ловко перехватил ее руку.

– Да ты что, с ума сошла? Убери сейчас же!

– На развитие отделения...

– Разовьем как-нибудь и без тебя. Ты ж бюджетница, какой с тебя спрос.

Никогда прежде Катя не встречала такого доброго и внимательного человека, и ей было мучительно стыдно, что она могла думать о нем плохо. Как она ошибалась в нем, да и в Светлане Эдуардовне тоже!

Глава 2

На следующий день Кате пришлось признать очевидный факт: она до смерти влюбилась в Яна Александровича, и с этим уже ничего нельзя сделать. Ей было больно смотреть на него – как на солнце, но когда солнца не было рядом, все погружалось во мрак. Колдунов заходил в палату – и Катя сразу отворачивалась, чтобы он не заметил, как она краснеет и как у нее дрожат руки...

С утра она полчаса протосковала перед перевязочным кабинетом, оттягивая минуту, когда он посмотрит на нее своими ласковыми – как она могла считать их похотливыми?! – глазами и скажет: «Не бойся, детка». Ей казалось, что она разрыдается от счастья, услышав эти слова.

Пока она собиралась с духом, заведующий ушел оперировать, и Кате сделала перевязку Клавдия Ивановна. Действуя быстро и аккуратно, она вытащила из Катиной ноги какие-то штуки, заново забинтовала и сказала, что, если у Кати не будет сильных болей и температуры, до понедельника можно ногу не трогать.

Ранение не отразилось на Катиных возможностях сиделки, она по-прежнему обслуживала всю палату. Около часа дня пришли Светины дочери, она позанималась с ними и нашла способности вполне удовлетворительными.

– Вообще, Светлана Эдуардовна, отсутствие слуха – это аргумент родителей, которые не хотят заниматься своим ребенком, – говорила она, королевой рассевшись в ординаторской и вытянув раненую ногу на диване. Докторша смотрела на нее с обожанием и каждую минуту подливала кофе. – Детей, которые по своим природным данным не могут заниматься музыкой, крайне мало. Значительно меньше, чем гениев и вундеркиндов. Занятия музыкой очень полезны, они развивают ум и память гораздо лучше, чем, скажем, математика или литература. Больше скажу, музыкальные занятия повышают математические способности. Кроме того, они воспитывают трудолюбие, упорство и терпение, то есть формируют личность. Ваши девочки, конечно, не Моцарты, но, думаю, учеба в той школе, о которой я говорила, будет им по силам. Если вы разрешите мне

воспользоваться телефоном, я сейчас позвоню своему начальнику, и он все устроит.

– Сколько я должна?

– Разумеется, нисколько!

Катя позвонила Петру Петровичу, сообщила ему последние новости о состоянии Маргариты Матвеевны и попросила определить девочек в спецшколу.

– Как вы там, Катенька? Наверное, хотите отдохнуть? Прислать вам замену на ночь?

– Нет, спасибо. – Катя с удивлением сообразила, что и не подумала о возможности на какое-то время уйти домой.

Она ни на секунду не хотела отлучаться из больницы, не хотела лишаться себя даже мимолетной встречи с Колдуновым. Видеть его уже было счастьем.

Ян Александрович приветливо улыбался ей при встрече. Каждое утро, зайдя в палату с обходом, он осведомлялся о Катином самочувствии и температуре. Потом нагибался и щупал ее голень, как хозяйки щупают фрукты, прежде чем купить.

– Кажется, все идет неплохо, – говорил он и Кате, и Маргарите Матвеевне.

Старушка действительно поправлялась. Через три дня после операции она уже ходила по палате, а на пятый день отважилась выглянуть в коридор.

Конечно, Катя радовалась, что Маргарита в порядке. С другой стороны, это значило, что ее скоро выпишут. Еще какие-нибудь десять дней – и все. И Катя больше никогда не увидит Яна Александровича. Между тем она чувствовала, что расстаться с ним навсегда – все равно что умереть. Не нужно ей взаимности, но видеть его, восхищаться им, просто разговаривать ей так же необходимо, как дышать!

Катя пыталась погасить свои бурные чувства, ревностно исполняя обязанности санитарки и сиделки. Кроме всего прочего, она надеялась, что Ян Александрович увидит, какая она старательная, и хоть немного полюбит ее за это.

За эту неделю Катя пережила, кажется, все страсти и кошмары женской души, которые она старательно давила в себе всю жизнь. Она то замирала от счастья, когда Ян Александрович улыбался ей, то млела от восторга, когда видела его за работой и понимала, какой он

великолепный хирург и самоотверженный врач. Через секунду она падала с этих высот в черную дыру отчаяния, думая, что еще несколько дней – и Колдунов уйдет из ее жизни навсегда.

День у Яна Александровича не задался с самого утра. Во-первых, накануне он безобразно напился с однокурсником. Однокурсник был давно и счастливо женат, его жена носила под сердцем третьего ребенка, и с чего вдруг Яна понесло лицезреть эту идиллию, было неясно ему самому. Он с завистью смотрел на играющих детей, на округлившийся Надькин живот, на то, как муж с женой обмениваются нежными взглядами. Однокурсник звезд с неба не хватал, работал обычным преподавателем на кафедре терапии, и третий ребенок был для него в общем-то непозволительной роскошью.

Выйдя из гостей, он с мобильного позвонил Вере, но, услышав холодное: «Да, Ян Александрович. Не волнуйтесь, все в порядке» – отключился.

Фигушки там все в порядке! Он купил бутылку дешевого коньяка и выпил, сидя перед телевизором. Чем больше он пил, тем хуже ему становилось, хотя по идее должно было быть наоборот. Мысль о том, что, не будь он таким идиотом, был бы сейчас так же счастлив, как сокурсник, никак не покидала его головы, несмотря на мощную алкогольную атаку.

Ничего удивительного, что утром он чувствовал себя плохо. Преодолев соблазн обмотать голову скотчем, чтобы не развалилась на кусочки, Колдунов постоял под холодным душем, попил водички и собрался на работу. В принципе он мог позвонить той же Светке и сказать, что придет позже, но, зная, что двухчасовые опоздания в коллективе всегда объясняются похмельным синдромом, потащился, перемогаясь, в больницу.

Однако Светка была человеком опытным.

Может, она не сумела бы с лету определить перфорацию желудка или отличить острый холецистит от аппендицита, но колдуновский диагноз установила сразу.

– Ой, блин! – заголосила она, когда Ян возник на пороге ординаторской. – Ян Саныч, нельзя ж так над собой издеваться! Вы ж зеленый весь с похмелья, как гоблин!

– Молчи, женщина, – прошептал он. Светкин голос раздавался у него в голове, как эхо под сводами старинного подземелья.

– Где это вы вчера оттопыривались?

Яну стыдно было признаться, что он твердо ступил на последнюю ступень алкоголизма и пьет дома в одиночестве, поэтому он только неопределенно помахал рукой перед носом коллеги.

– Ну и рожа у вас!

– Ты вообще не забывай, с кем разговариваешь, – посоветовал Ян. – Будешь хамить начальнику, останешься без премии.

– Напугали ежа... Но вам нельзя сейчас перед больными отсвечивать. Такой доктор Зло! – И Светка радостно захохотала: наверное, муки похмелья были ей знакомы только понаслышке. – А выхлоп-то, господи! Авария на коньячном заводе!

– Хватит критиковать начальство! Распустились тут! Начальство уже и напиток спокойно не может. Ладно, я посплю пока здесь на диванчике. Цырлин где?

– Поехал в какое-то село консультировать. За ним в восемь утра машина пришла.

– Значит, остаешься за старшего. Операций у нас с тобой сегодня, слава Богу, нет, так что сделаешь обход. И, Света, в виде личного одолжения, зная твою честность, прошу: когда будут спрашивать, где я, не говори: «Да вот, на диване пьяный валяется».

– Будьте спок! Я иду на отделение, а ординаторскую запрю, будто никого нет.

– Делай что хочешь, а мне жизнь не мила, – пробормотал Ян, устраиваясь поудобнее. Уже засыпая, он почувствовал, как его укрывают чем-то теплым, успел удивиться, откуда у Светки одеяло, и провалился в сон.

Проснулся он достаточно бодрым. Светка не только укутала его своей шалью, но и предусмотрительно открыла в ординаторской форточку, так что голова не болела. Ян зевнул, в сотый раз дал себе зарок не пить и отправился в душ. К сожалению, водные процедуры отменялись: в душевой стояли носилки с покойником. Колдунов отогнул укутывающую тело простыню. Кого же он проспал? Покойником был бомж, который давно пропил и мозги, и печеньку, и все остальные органы, необходимые для жизни. Кончина его ожидалась давно и была, в общем, приятным событием для отделения.

Ян прикрыл труп и решил все-таки помыться. Кряхтя, он отодвинул носилки подальше от душевой кабинки, разделся и встал под едва теплую воду. Только он намылил голову, как в дверь начали ломиться.

– Что за дьявольщина? – услышал он Верин голос. – Покойник, что ли, заперся?

– Господи, что происходит? – вторили ей дежурные сестры.

– Да я это, я, – прокричал Ян, – успокойтесь.

– Что это вы там делаете с трупом? Да еще закрылись?

– Соображай, что говоришь. Больные услышат, – одернула Вера.

– Я принимаю душ. И оставьте меня в покое, девки. Вам-то что занудилось?

– Нужно покойника в морг отвезти.

– Терпение! Выйду из душа, и отвезете.

– Сейчас нужно! Через пять минут там санитары все закроют. Мы звонили туда, а они сказали, что если мы сию секунду труп не подгоним, то пусть он до завтра у нас стоит.

– Блин! Ладно, открываю.

Беззвучно матерясь, Колдунов прикрыл чресла полотенцем и распахнул дверь.

– Хватайте носилки и бегом. Мухой! Нечего тут на голого заведующего пялиться.

Светка отпросилась пораньше, но уйти ей не удалось. В приемный покой привезли какую-то личность в тяжелом состоянии, извлеченную из-под грузовика, и Колдунову со Светкой пришлось оперировать.

– Да, скрутило не по-детски, – вздохнула Светка, только увидев пострадавшую, и, второй раз за день, в диагнозе не ошиблась.

Работали они больше четырех часов, потом Ян ругался с врачами, ответственными за переливание крови. Больной нужно было не меньше литра донорской крови, а перелили ей только четыреста граммов. Остальную кровь нужно было приобретать за деньги, а пострадавшая, несмотря на успешно выполненную операцию, платить пока что была не способна. Ее родных на горизонте не появилось. То ли они не знали о том, что произошло, то ли пострадавшая вообще

была одинока... «Как я, – подумал Ян. – Интересно, если я попаду в аварию, кто-нибудь будет меня разыскивать?»

– Послушайте, но переливание крови необходимо, – горячился он, – иначе больная может просто не дожить до утра. В лучшем случае, если она даже переживет невосполненную кровопотерю, разовьются гнойные осложнения, сепсис и так далее. Да вы лучше меня должны это знать.

– Ничем не могу помочь. Это приказ – переливается только одна доза. Крови нет, поймите вы. Доноры просто так не ходят, им платить надо.

Колдунов плюнул и пошел к себе.

Больную не стали класть в реанимацию, где не было мест, а сразу подняли к нему на отделение. Светка уже стояла на посту и перелистывала историю.

– Ни паспорта, ни полиса, ясен пень, – констатировала она, – опять ни фига не оплатят.

– Светочка, дорогая, ты здесь будешь корячиться за голую зарплату, осознай, пожалуйста, этот прискорбный факт. Ни на копейку больше ты не получишь, но зато и меньше тебе заплатить не могут.

– Куда уж меньше?

Колдунов вздохнул, соглашаясь, что меньше, пожалуй, действительно некуда, и они пошли посмотреть больную. Та начала приходить в сознание, но была очень бледной, а пульс оставался частым. Признаки невосполненной кровопотери налицо. Светка померила давление – низкое. Можно было заказать срочное исследование гемоглобина, но Ян и так знал, что там будет не больше половины от нормы.

– Не дали крови, упыри? – спросила Светка.

– Вторую дозу только за деньги. Начали мне грузить, что у них доноров нет, что всю кровь выбрали уже на три месяца вперед.

– Делать-то что? Обидно будет, если такая молодая тетка откинется.

– Сегодня она продержится на обычной инфузионной терапии, а вот завтра... За счет вливания растворов гемоглобин еще больше упадет. Хотя женщины более устойчивы к кровопотере... Ладно, Свет, пошли подумаем.

В коридоре их окликнула рыжая сиделка, Ян забыл ее имя.

– Простите, Ян Александрович. – Рыжая несколько дней назад поранила ногу и немного прихрамывала, поэтому он сам пошел ей навстречу. – Простите, – повторила она, – а я не могу помочь? У меня первая группа крови, кажется, она всем подходит.

– Гепатитом болела? – хищно спросила Светка.

– Нет.

– Ну и ладненько. Пойдем, я тоже сдам. Нам даже деньги заплатят, приподнимемся слегка.

– На торговле телом? – засмеялась рыжая.

– Я с вами.

– Да ну вас, Ян Саныч, какая у вас сегодня кровь, сивуха одна. Там наверняка трансаминазы такие, что анализатор в лаборатории задымится.

– Нет уж, девки, пойду с вами, я не привык за женские спины прятаться.

Катя была счастлива. Она сидела в ординаторской, пила чай в обществе Колдунова и Светланы Эдуардовны и чувствовала себя своей. Только что у каждого из них выкачали по четыреста граммов крови, и теперь они подкрепляли силы с помощью чая и изумительных пирожков, оставленных для докторов заботливой Верой Ивановной.

– Суки, всю кровь из врачей выпили не только в переносном, но и в прямом смысле, – откровенничала Светка. – Ох, Катька, не гони на нас волну! Думаешь, мы от хорошей жизни такие?

Катя с жаром заверила, что она так не думает. Что сначала она действительно была в шоке, но потом все поняла.

– Ты поняла, а другие? Таких душевных людей, как ты, мало. Вот и живешь, блин, как гвоздь, между молотом и наковальней. Снизу родственники подпирают, сверху начальство долбают.

– Кто тебя долбают? – возмутился Колдунов. – Живешь как хочешь. Но в принципе, Катенька, Светлана Эдуардовна права. Получается парадокс. Допустим, лично я согласен получать свою маленькую зарплату, я согласен, что мой труд стоит именно столько, пусть. Если общество считает, что человек, возвращающий людей к жизни, как ни высокопарно это звучит, должен жить на сто пятьдесят долларов в месяц, а человек, нагло людей напаривающий, – на пять тысяч долларов, так тому и быть. В конце концов, никто не скрывал от

меня размер зарплаты, когда меня брали на работу. Я добровольно пошел на это, хотя мог бы избрать другой способ зарабатывать на хлеб и не копаться целыми днями в чужих ранах. Но дайте мне хотя бы за эти деньги работать нормально! Почему я должен оперировать не час, а три из-за того, что у меня нет хороших инструментов? Почему больной должен погибать оттого, что ему вовремя не назначены нормальные антибиотики? В больнице один пенициллин, который уже ни одного микроба удивить не может. Когда я думаю, сколько жизней на моей совести именно из-за отсутствия нормальных лекарств...

– Не преувеличивайте, Ян Саныч! Тут как Бог расположит. Если человеку суждено, так он умрет, а нет, так выживет, что ты с ним ни делай, – сказала Светка.

Катя засмеялась.

– Ой, Света, не нужно таких речей при посторонних. Если люди будут знать эту главную врачебную тайну, то докторам никто вообще платить не будет, – вздохнув, Ян поднялся с дивана, подошел к Кате и стал считать у нее пульс.

Он делал это периодически, после чего каждый раз сокрушенно качал головой. Катя сдала кровь через короткое время после травмы, в ажиотаже Колдунов совсем упустил это обстоятельство из виду. Когда Светка обиделась, почему Ян не проверяет ее пульс, то заботливый заведующий сказал: «Такой лошади, как ты, даже нападение Дракулы не опасно».

Вскоре Светка сказала, что ей пора ехать укладывать детей спать, Колдунов, узнав, что она за рулем, напросился к ней на борт, и Катя с сожалением простилась с обоими.

Ей было хорошо, как никогда в жизни. Только в третьем часу ночи, проснувшись для того, чтобы проверить состояние новой пациентки, Катя сообразила, что Ян Александрович мог бы и не уезжать вместе с докторшей. Если бы Катя понравилась ему хоть немного, он воспользовался бы случаем и остался. Ушел бы позже. А вдруг он специально ушел вместе с ней? Кажется, Света живет с детьми одна, так что ничто не помешает ей согрешить с Яном, после того как дети уснут. Нет, пожалуй, как это ни прискорбно, Кате следует с корнем вырвать из своего сердца хилые ростки надежды на взаимность, кои начали прорасти после сегодняшнего вечера.

Катя пригорюнилась. Чем эта Света так уж лучше ее? Она взяла сигарету и вышла на лестницу, напряженно размышляя. Да, лучше. Моложе и красивее, но не в этом даже дело. Света радостная. Она излучает оптимизм и готовность помочь. А Катя может противопоставить этому только облик неприступной добродетели. Кто соблазнится на ее законсервированные прелести?

Колдунов думал, что сначала обильные возлияния, а потом кровопускания отразятся на его здоровье, но, очевидно, минус на минус дал плюс. Может быть, сыграла роль нервная встряска, которую он пережил, находясь в Светкином автомобиле. Светка вела себя на дороге так, будто управляла не старой полуразвалившейся «восьмеркой», а истребителем среди вражеских бомбардировщиков. Уже через пять минут Яну очень захотелось попроситься вон из машины. Светка разогналась, вошла в поворот чуть ли не на ста километрах, и Ян уже приготовился молиться, как вдруг она вытащила из бардачка косметичку.

– Подкраситься нужно, – сообщила она о своих намерениях, – будьте другом, достаньте помаду. Красный такой тюбик, с золотым ободком.

Не снижая скорости, Светка принялась размашисто мазать губы, глядя в зеркало заднего вида.

– Ты что это делаешь? – завопил Ян.

– Что, боитесь?

– Нет, просто тебе цвет не идет, – мстительно сказал он и тут же пожалел об этом, потому что Света надолго вперилась в зеркало.

– Вы находите? – протянула она.

– За дорогой смотри!

– Да не волнуйтесь вы. Доедете, как в аптеке.

Светка обогнала шикарный джип, и Колдунов обреченно закрыл глаза. «Или эта дурица жить не хочет? Но я-то хочу! Хочу? Глупый вопрос, конечно, хочу. Без любви, без детей, без семьи, с окаменевшей душой – и все равно хочу? Или просто не думал об этом? Вот и не думай дальше!» – посоветовал себе Ян, осторожно открывая глаза. Дело между тем принимало совсем скверный оборот. Они выехали на оживленный проспект, и теперь Светка рискованно лавировала между машинами.

– Может, ты хоть краем глаза посмотришь на дорогу? Тут поворот налево запрещен, или это тебя не волнует?

– Очень волнует. Я всегда здесь поворачиваю страшно взволнованная.

– Свет, давай аккуратнее.

– Во-первых, не говорите под руку. И не бойтесь, я знаю, что делаю. А будете ныть, я вас другой раз не возьму. Или заставлю укол от страха сделать.

В конце концов ему надоело.

– Света, я тебя прекрасно понимаю. Ты просто неудовлетворенная женщина, ищешь разрядки в сильных ощущениях. Вот и вся твоя удаль. Дело известное, ты лихачишь, другие на скандалы нарываються, так что все нормально.

– Раскусили меня? И дальше что? Думаете, я сейчас разрыдаюсь, закричу: да, я неудовлетворенная женщина, брошусь вам на грудь и стану требовать утешения? Да идите вы... пешком!

Ян положил руку ей на бедро. Светка с ненавистью ее сбросила.

– Если хотите дружить, – заявила она грозно, – то, во-первых, не бойтесь со мной ездить, у меня за десять лет ни одной аварии, а во-вторых, забудьте про секс. В любом виде.

– С такой красоткой забудешь, пожалуй, – вздохнул Ян. – Но в принципе, Светка, у нас с тобой никаких отношений быть не может. Когда я женился, ты еще в детский сад ходила.

Казалось бы, они со Светкой превосходно разобрались в своих взаимоотношениях, но неожиданно эту тему затронула Вера. Они втроем пили чай после рабочего дня, и Светка рассказывала старшей медсестре об их вчерашних приключениях. А заодно и о позавчерашних художествах Яна. Когда на повестке дня закономерно встал вопрос «а не хотим ли мы выпить?», молодая докторша с материнской заботой сказала, что Колдунову сегодня стоит устроить себе разгрузочный день. И возмещать утраченный объем крови другими жидкостями.

– Ты не знаешь его возможностей, – ревниво сказала Вера.

Чтобы сгладить неловкость, Ян под столом просунул свою ногу между Вериными коленками. Нужно было как-то мягко объяснить

Светке, что не стоит вести себя с начальником так, будто он ей если не законный муж, то младший брат, за которым следует присматривать.

– Жениться тебе надо, Ян, – заявила Вера, – а то действительно, и спиться недолго. Сам не заметишь, как станешь хронью гидролизной.

Колдунов напрягся и устремил на коварную возлюбленную взгляд, который должен был испепелить ее на месте. Увы, Вера даже бровью не повела. Видимо, убойная сила взгляда на килограмм веса оказалась недостаточной.

– Вот попомни мои слова, лет через пять тебя привезут в это самое отделение в виде страшного бомжа. Достанут из какого-нибудь подвала и притащат к нам со Светкой.

– А вы ко мне близко не подойдете, побрезгуете. Будете издалека любоваться, как низко пал ваш заведующий, и визжать от восторга, – огрызнулся Колдунов.

– Мы хотим тебе добра, – заявила Вера, подливая ему чаю. – Ты еще молодой мужчина, в самом, можно сказать, соку. Тебе просто необходимо жениться.

Ян нашарил под столом Верину ляжку и больно ее ущипнул. Эта зараза постоянно сыплет соль ему на раны! Она ведь прекрасно знает, что он не женится потому, что любит ее!

– Правда, Ян Саныч!

– У меня идея, – сказала Вера. – Женись-ка ты на Светке. Я смотрю, вы с ней спелись уже. Я с удовольствием отдам тебя в ее надежные руки. Поверь, это будет благое дело. У Светы двое детей, ей одной тоже тяжело.

Колдунов нахмурился. Вот как! Вера-то, похоже, плевать хотела на его высокие душевные порывы!

Колдунов закурил, демонстративно не спрашивая у Веры разрешения. Пепел он злостно стряхивал в чайное блюдце, зная, что Вера ненавидит эту манеру.

– Так что? Женишься на Светлане Эдуардовне?

– Ну, не вредно бы еще Светлану Эдуардовну спросить, – мрачно сказала Светка. – Я за вас, Ян Саныч, по-любому не пойду.

– Почему это? – обиделся он. Кажется, эти две мымры сговорились и специально заманили его пить чай, чтобы обижать и мучить. – Чем я так уж плох?

– Да не, вы клевый парень! Клянусь, Ян Саныч, если бы я хотела выйти замуж, то на вас первого положила бы глаз. Но я не хочу, – сказала она, просветлев лицом. – Я рано осталась одна, муж умер, но я была так счастлива с ним! Я до сих пор счастлива, и проживи я хоть сто лет, все останется со мной, как было.

Ян с Верой переглянулись и в изумлении уставились на Светку. Она нежно улыбалась в пространство.

Это было так, будто после долгих блужданий перед кораблем вдруг показалась земля. Или кто-то зажег фонарь в совершенно темной комнате.

Все обиды разом показались глупыми и не важными. Колдунов взял Веру за руку, уже не стесняясь Светкиного присутствия.

– Ладно, пойду домой, – сказала Светка, – посмотрю, что там мои детки отмочили.

Вера встала проводить ее. Ян тоже поднялся.

Светка обернулась в дверях:

– Кстати, я на колесах, могу подвезти. Вам, Ян Александрович, особое приглашение.

– А куда ты едешь? – оживилась Вера. – Мне нужно в «Максидом». Тебе, случайно, не по дороге?

Колдунов многозначительно кашлянул. Он надеялся, что Вера зайдет к нему.

– Не вопрос. А вы, Ян Саныч, куда?

– А я, Светик, больше к тебе в автомобиль не сяду. Мне жизнь дорога.

Светка засмеялась и отправилась разогревать машину.

– Вера, ты куда? Поехали ко мне!

– Нет, Ян, у меня ремонт в разгаре. Срочно надо кафель купить.

– Потом купишь! Вечером. Я тебя провожу.

– А жить когда? У меня дома дел знаешь сколько? О-го-го! Извини, друг, но сегодня никак. Тем более такая прекрасная okazия образовалась. Если бы не Светочка, пришлось бы на двух маршрутках пилить.

Ян махнул рукой.

– Ну и ладненько. Только перед тем как садиться в тачку, помолиться не забудь, – злобно сказал он. – Учти, если ты живой

доедешь до своего «Максидома», можешь считать это большой жизненной удачей.

Вера сплюнула через плечо и три раза стукнула по Яновой голове.

– Что ты каркаешь!

Очарование минуты давно исчезло.

На остановке Колдунов заметил рыжую сиделку. «Катя, кажется, ее зовут», – припомнил он.

Катю отпустили поспать и помыться. Ей на смену приехала лично завуч Елена Станиславовна, строгая и рафинированная дама, и Катя минут двадцать рассказывала ей, что отделение вовсе не так ужасно, как кажется на первый взгляд. Нужно было как-то аккуратно объяснить Елене Станиславовне, что здесь не стоит никого воспитывать, особенно в ночное время.

– Не волнуйтесь, Екатерина Николаевна, я разберусь, что к чему, – зловеще пообещала завуч, и Катя отбыла, решив вернуться как можно раньше утром.

На остановке она увидела хвост своей маршрутки, попыталась догнать ее, но не смогла: нога еще побаливала. Катя огорчилась: маршрутки ходили редко, а автобус по расписанию должен был приехать только через сорок минут. Она поглазела на газетный киоск, хотела купить себе журнальчик, но передумала. Читать его на остановке было холодно и мокро. Не поймать ли такси? – мысль казалась заманчивой, но, во-первых, было жаль денег, а во-вторых, Катя опасалась, что она, со своим везением, напорется на злодея.

Пошарив по карманам, Катя обнаружила, что в спешке забыла варежки. Руки и так в последние дни огрубели от постоянного мытья и переноски тяжестей, так что до полной утраты пианизма им не хватало только легкой заморозки.

Пальцы занемели. Катя стала растирать их. Вдруг кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась.

В неверном свете фонаря, среди кружащихся снежинок, как среди звезд, стоял доктор Колдунов и протягивал ей перчатки:

– Возьми, погрейся.

– Нет, что вы! Вам руки нужно беречь гораздо больше, чем мне, – пробормотала Катя.

Ян Александрович почти насильно сунул ей перчатки.

- Мы, Катя, работаем не руками, а головой, – важно сказал он.
- А сами без шапки. – Катя покорно надела перчатки.
- Тебе в какую сторону?

Катя назвала номер маршрутки, втайне надеясь, что Колдунову по пути. На улице Ян Александрович казался ей более близким, более доступным. Тем более что он сам подошел к ней...

– Я живу недалеко. Пара остановок. В принципе, если не лениться, минут за двадцать можно дойти, – сказал Колдунов.

– Это большое преимущество – жить рядом с работой.

– Большое. Послушай, Катя, а ты не хочешь зайти ко мне? Посмотришь, как я живу, – внезапно сказал он, и Катя подумала, что ослышалась. Неужели это происходит с ней? Неужели такое возможно в ее жизни: мужчина, которого она полюбила, приглашает ее к себе? Неужели она понравилась ему? – Пожалуйста, Катя. – Ян Александрович неверно понял ее молчание. – Я напою тебя чаем.

– Хорошо, пойдете. – Она старалась, чтобы голос звучал ровно и переполняющее ее ликование не прорывалось наружу.

Колдунов предложил ей руку в точности так, как это положено по этикету – согнул в локте, и Катя сверху положила кисть на его предплечье.

– Зайдем в магазин, – сказал он, – нужно купить что-нибудь к чаю.

И они отправились к яркой вывеске, мерцающей огнями сквозь питерскую мглу. «Господи, неужели мои мечты станут явью? – в восторге и в то же время с какой-то тоской думала Катя. – Неужели мы будем ходить рука об руку вечерами? А потом возвращаться домой и ужинать?» Она готова была упасть на колени прямо на улице, рухнуть в грязную снеговую кашу, лишь бы только вымолить себе счастье.

Оказалось, что понятие «к чаю» для Колдунова обозначает не пошлый тортик или конфеты. Он остановился перед стеллажом со спиртным.

– Я знаю, что женщины любят мартини или «Бейлис», – улыбнулся Ян Александрович. – Время более подходящее для «Бейлиса». Ты как считаешь?

Катя, которой за последние десять лет мужчина не купил даже ободранной мимозы на Восьмое марта, пунцово покраснела и стала с жаром уверять Колдунова, что ее любимым напитком является вино «Медвежья кровь» за восемьдесят рублей.

– Давай тогда уж и пятновыводитель купим, чего мелочиться. А утром на соседних койках в токсикологической реанимации проснемся.

В конце концов он купил коньяк и плитку хорошего шоколада. На цены Катя старалась не смотреть, а когда он расплачивался, отошла.

В однокомнатной квартире Колдунова она чувствовала себя неуютно: очень боялась неловким движением порвать ту ниточку, которая, казалось ей, протянулась между ними. А Яну Александровичу было вольготно. Не успела она снять пальто, как он втолкнул ее в совмещенный санузел, напутствуя словами: «Иди пописа́й с мороза». Катя страшно смутилась, тем более что совет был кстати.

Она боялась помочь ему накрывать на стол: вдруг он подумает, что она демонстрирует свою домовитость?! Поэтому, пока он нарезал в кухне лимон, кипятил чайник и снимал обертку с шоколада, Катя стояла посреди комнаты и озиралась.

Обстановка была небогатой и очень стандартной. Стенка с книгами и телевизором, диван, журнальный столик – и больше ничего. Катя подошла к окну. Никаких стеклопакетов не было и в помине, а окно не было даже заклеено на зиму. Наверное, Колдунов был принципиальным противником законопачивания окон не только на работе, но и дома. Потолок и обои выглядели, в общем, ничего, а вот пол явно покрывали лаком еще в пору колдуновской юности.

Кате очень хотелось подойти к книжному шкафу и посмотреть на книги, которые читает Ян Александрович, но она стеснялась. Может быть, он воспримет это как неуместное любопытство.

Ни видика, ни музыкального центра в комнате не наблюдалось, и Катя вздохнула с облегчением. Ей бы не хотелось слушать сейчас попсу.

В этот момент Колдунов появился в комнате с бутылкой в руках.

– Я открою, – сказал он, – а ты принеси пока лимончик из кухни.

«Чаю не будет», – поняла Катя.

Ее опыт употребления крепких напитков был очень ограниченным. Во время праздничных застолий Катя обычно выпивала бокал вина, которого ей вполне хватало для веселого настроения. Коньяк она пробовала один раз в жизни и более мерзкого вкусового ощущения не испытывала ни до ни после.

Но рассказывать Колдунову о том, какая она трезвенница, казалось ей дурным тоном. Подумает еще, что она манерная дамочка.

И Катя храбро сделала большой глоток.

– Закусывать надо, – сказал Ян Александрович и пересел к ней поближе.

Чувствуя, как к ней прижимается теплое и твердое мужское бедро, бедная Катя поняла, что даже ради спасения своей жизни не сможет проглотить ни кусочка. Она вскочила с дивана, как с адской сковородки, и встала возле окна, будто заинтересовавшись видом ночного города.

– Большое вам спасибо. За Маргариту Матвеевну. Теперь уже, наверное, можно сказать, что операция прошла успешно? – пробормотала она.

– С Маргаритой Матвеевной, – сказал он, поднимаясь с дивана и подходя к ней вплотную, – все будет хорошо. Давай поговорим о тебе.

Его рука обхватила ее талию. Катя не успела понять, что происходит, а он уже страстно целовал ее в губы.

«Боже, что случилось? Почему ты решил ответить на мои мольбы? Какой сбой произошел в твоей небесной канцелярии, что ты позволил мне стать счастливой? Чем я заслужила, что ты исполняешь мое самое заветное желание, единственное желание, которое для меня важно?»

Катя чуть не плакала от восторга, отвечая на ласки Яна. Какими нежными и любящими были его руки! Пусть он не сказал ей ни слова о любви, но разве могут быть такими ласковыми губы равнодушного человека? Любовные речи – это для подростков, взрослые люди понимают все без слов.

Она гладила Яна по голове, по плечам, наслаждаясь ощущением крепкого мужского тела.

В какой-то момент она поняла, что его рука расстегивает ей брюки, и нашла в себе силы отстраниться.

– Ты что, Рыжик?

Катя тяжело дышала и мрачно смотрела на Колдунова. Она не знала, что ему сказать.

– Да ты что? – Он улыбнулся. – Думаешь, я обижу? – И снова привлек ее к себе. – Не бойся, маленькая...

Катя не заметила, когда свет в комнате погас, но теперь она видела только темный силуэт на фоне окна. Это не Ян Александрович надвигался на нее, нет, что-то новое... неведомое... страшное... сопротивляться этому было невозможно...

– Рыжик, я сделаю тебе хорошо, – шептал он, – тебе понравится.

Катя, будто под гипнозом, позволила снять с себя джемпер. Руки Колдунова скользили по ее голым плечам, по груди, но ей не было стыдно. Ее ласкал любимый, предназначенный ей мужчина.

Всякие увертки опошлили бы священный момент их соединения, и Катя сама сняла брюки.

– Подожди секунду, я разберу диван, – сказал Ян, целуя ее.

Катя зажмурилась. Как во сне она слышала стук диванной спинки, шелест простыней, шуршание и потрескивание снимаемой рубашки, короткий свист молнии...

– Ну, иди ко мне, – раздался веселый голос, и все ее последние сомнения исчезли.

Она прижалась к любимому, стараясь в этом объятии выразить всю силу своей любви и соединиться с ним навечно.

Ей не было больно. От переполнявшего ее счастья Катя плохо понимала, что же она чувствует на самом деле.

От восторга перед Колдуновым, от изумления перед внезапно сбывшейся мечтой она даже не осознала, как стала женщиной.

– Тебе хорошо, – то ли спросил, то ли сообщил Ян, едва отдышавшись.

– Очень.

Он перевернулся на спину, потянулся.

– Ты чего, Рыжик, такая зажатая? – Пошарив рукой возле дивана, он подцепил брюки и достал из кармана пачку сигарет. – Будешь?

Катя машинально закурила. Кажется, он не понял, что был у нее первым. Ну ничего, сейчас увидит кровь... Почему-то Катя думала, что Ян будет безумно счастлив, узнав, что она сохранила себя для него.

– Хорошо с тобой, – вздохнул он, обнимая ее свободной от сигареты рукой.

– Можно мне в душ?

– Само собой. Полотенце в шкафу на верхней полке. Халат в ванной. Погоди-ка, тебе же еще швы не сняли...

– Ничего, я аккуратно.

– Ну давай.

В душе Катя равнодушно взирала на розовые струйки, стекающие по ее ногам. Слишком долго она хранила свою девственность, чтобы теперь сожалеть о ее утрате. Счастье от соединения с Яном было таким полным, что ничто не могло бы его омрачить. Что девственность! Катя дала бы отрезать себе руку или ногу, лишь бы только быть рядом с ним.

Он вошел в ванную. Отвернул занавеску и с удовольствием посмотрел, как она моется.

– Что же ты, балда, не сказала, что у тебя месячные, когда кровь сдавала? – раздраженно спросил он. – Тот еще донор! После травмы, с месячными... Хоть препараты железа попей.

Катя растерянно улыбнулась. Что, заявить ему: «Я была девственницей»? Глупо. «Мыльная опера» какая-то!

– Ян, я чувствую себя превосходно, ты же видишь.

– Вижу. – Он помог ей вылезти из ванны, а заодно полюбовался на свои швы. – Давай поедим чего-нибудь, я с обеда не жравши.

Нормальной еды даже при тщательной ревизии холодильника не нашлось, поэтому они попили чаю с бутербродами.

Кате хотелось прочитать ему лекцию о правильном питании, слова так и рвались с языка, но она сдержалась. Дайте срок, и она тут все наладит. В уме она уже поставила в холодильник кастрюлю с супом и гусятницу с голубцами, а морозильник набила собственноручно слепленными пельменями. В буфете перед ее мысленным взором выстроились ряды банок с вареньем, а над плитой повисли призраки ниток с сушеными грибами... Конечно, Ян женится на ней, как же иначе? Он же видит, что она порядочная женщина. А он – благородный человек и не стал бы соблазнять ее просто так. Вот если бы она вела себя, как Светка, тогда другое дело...

– О чем задумалась, Рыжая? – Ян усадил ее к себе на колени. – Такая серьезная...

Он развязал пояс ее халата и двумя быстрыми движениями скинул его на пол.

– Ты красивая. Как весенний денек.

– А ты как украинская ночь, – промурлыкала Катя, пряча лицо на его широкой, поросшей густыми черными волосами груди.

– Давай-ка устроим солнечное затмение.

Они не дошли до дивана. Ян делал с ней что-то немыслимое, Катя не предполагала никогда, что такое вообще может быть... На полу было холодно и немного больно, она то и дело ушибалась коленками о кухонный стол и плиту, но наступил миг, когда это перестало иметь значение. Своими прикосновениями, то нежными, а то и грубыми, Ян будто сорвал с нее телесную оболочку, и они почувствовали себя тем, чем были на самом деле, – двумя ревущими огненными потоками, сливающимися в огненный вихрь.

«Кто это так воет?» – подумала Катя пробуждающимся сознанием, и прошло порядочно времени, прежде чем она поняла, что это она и есть.

Колдунов лежал рядом с ней на полу кухни и смотрел бешеными синими глазами.

– Не знаю, как ты, а я облетел вселенную.

– На мне, как на помеле.

– Придется опять идти мыться, – вздохнул он, поднимаясь с пола и отряхиваясь. – Эх, Кать, если бы не так жестко, я бы от тебя до утра не оторвался.

Она проснулась около семи. Хотела разбудить Яна, но вспомнила, что сегодня суббота. Вчера, засыпая, Колдунов не оставил ей никаких инструкций, поэтому Катя аккуратно выползла из-под его руки и отправилась в ванную. Ей хотелось встретить его умытой и причесанной. Под душем она с ужасом подумала о том, что будет делать, если Ян проспит до полудня. Разбудить его у нее не хватило бы храбрости.

Однако, выйдя из ванной, она застала его вполне проснувшимся. Ян расхаживал по квартире в семейных трусах, зевал во весь рот и энергично потягивался. Возможно, это символизировало утреннюю гимнастику.

– Я не храпел? – галантно осведомился он.

– Нет, что ты.

– А ты спишь, как младенец. Тихо-тихо.

– Насколько я знакома с повадками младенцев, они не всегда спят тихо.

– У тебя есть дети, Рыжик?

– К сожалению, нет.

– Ну, это дело поправимое. – Ян потрепал ее по плечу и чмокнул в щеку.

Катя зарделась.

– Ты сейчас в больницу?

– Ну да. Нужно срочно сменить Елену Станиславовну, пока она всем не устроила педсовет! Ты со мной?

– Нет, сегодня очередь Цырлина дежурить. Если приду, он подумает, что я ему не доверяю, и до смерти обидится. А раз ты говоришь, что эта Елена Станиславовна всем пистоны вставляет... Позволь мне уклониться от столь приятной встречи. Но я, конечно, провожу тебя. Хочешь, Рыжик, я поймаю тебе такси?

– Не волнуйся, я превосходно доеду на автобусе.

– Брось! Хоть подремлешь в машине лишние десять минут. Пусть это прозвучит нескромно, но я же не дал тебе ночью выспаться как следует. Ты не сердись на меня? Я тебя ничем не обидел?

– Господи, конечно, нет!

Он нежно привлек ее к себе и легко поцеловал в лоб:

– Спасибо тебе, Рыжик... Ну, пошли.

Именно эти слова благодарности вдруг грубым диссонансом вторглись в волшебную мелодию Катиной души. «За что он благодарит меня? – думала она холодея. – Будто я ему девочка по вызову. Почему спасибо?! И почему он идет рядом со мной так отстраненно? Почему не обнимает за талию? Почему молчит? Почему не договаривается о следующей встрече?! Ладно, он знает, что я все время напролет занята с Маргаритой Матвеевной, но почему он не сказал что-нибудь типа «загляну к тебе вечером». Или хотя бы «до завтра». Почему не попросил номер мобильного, он же не знает, что у меня его нет!» Она ждала предложения руки и сердца, а не дождалась даже предложения сходить в кино.

Похоже, не так уж она счастлива, как казалось ночью!

Она пристально всматривалась в приветливое, но равнодушное лицо Колдунова, пытаясь прочесть там свой приговор. Но ясные синие глаза так ничего ей и не сказали.

И теперь кто-то неведомый сжимал ее сердце в каменном кулаке... Катя еле сдерживалась, чтобы не закричать, чтобы не схватить Колдунова за лацканы пальто и не трясти его, пока он не согласится жениться на ней...

С чувствами человека, уже положившего голову на плаху и наблюдающего, как палач плюет на ладони, прежде чем взять топор, Катя смотрела, как Ян отбросил сигарету, встал на обочине дороги и замахал рукой.

Откуда-то выскочила и, обдавая их грязными брызгами, на полном ходу затормозила потрепанная «восьмерка». Из окошка – о ужас! – высунулась Светкина физиономия.

– Салют, граждане! – сказала она. – А чего это вы делаете?

– Ловим такси.

– Отлично! К вашим услугам.

– Света!

– Что – Света? Я по выходным всегда бомблю. Куда ехать-то? Вам, Ян Саныч, скидочку сделаю.

– Света, я уже тебе сказал, что ни за какие бабки к тебе не сяду.

– А я, – сказала Катя мрачно, – сяду. Сколько будет стоить до больницы?

– Полтинничек устроит?

– Вполне.

Колдунов достал бумажник и дал Свете требуемую купюру. Катя хотела проявить самостоятельность, но решила в присутствии Светы не устраивать сцен. И так вся больница завтра будет знать о том, что она согрешила с заведующим.

Катя уселась на переднее сиденье.

Светка любовно разгладила полтинник и убрала его в кошелек, а потом тронулась с такой скоростью, будто за ней мчались все черти ада. «Ну и хорошо. Если мы разобьемся, это будет просто здорово», – подумала Катя.

– Сигаретку? Да бери, это входит в стоимость поездки. – Докторша щелкнула по пачке сигарет, лежавшей возле рычага переключения скоростей, и нажала на прикуриватель. – Музыкачку какую предпочитаешь? Вот приемник, настраивай, на борту нашего авиалайнера желание клиента – закон.

Катя пошарила по эфиру в поисках классики, но ничего не обнаружила и оставила первую звучащую без помех станцию.

Закурила, не чувствуя вкуса и аромата дыма.

– Ты действительно частным извозом занимаешься? – спросила, лишь бы не молчать.

– Ага, уже восемь лет. От мужа этот тазик остался.

– Ты была замужем? – удивилась Катя.

– А откуда у меня дети, как считаешь? Ай-ай, Катя, как плохо ты обо мне подумала. Я как осталась одна с полугодовалыми близнецами, так и села за руль. Знаешь, очень удобная работа, я даже не знаю, что мне больше нравится, бомбить или лечить. Поначалу, конечно, я офигела. Представь: дети мелкие, живем в коммуналке, и я с пособием. Ну, блин, думаю, звездац подкрался. Сначала хотела машину продать, а потом подумала: какого хрена, если я с нее кормиться могу? Ну и пошло. Вечером уложу детей – и вперед, пьяных развозить. Утром вернусь, посплю, детьми позанимаюсь, потом днем еще покатаюсь пару часиков... Ничего, на молоко набегало.

– Неужели не страшно было? – удивилась Катя. Она, боявшаяся возвращаться домой после десяти, не могла представить себе, как можно целую ночь проболтаться на улице.

– Не-а. Я тогда была в таком состоянии, что если бы меня кто пристукнул, я бы только спасибо сказала. Даже не думала, что дети совсем одни останутся. Я, Катя, тогда очень хотела умереть, так хотела, что каждое утро встречала с разочарованием. И веришь ли, никто меня не то что пальцем не тронул, даже ни копейки не отобрал! Вечно так: пока чего-то очень хочешь, фиг получишь. А когда перегорит все и уже чего-то другого захочется, тут тебе и нате, пожалуйста. Самый верный способ получить – перестать этого хотеть, я давно уже поняла. Сейчас, конечно, я работаю и по ночам не езжу. А по вечерам и в выходные – как штык!

Катя хмыкнула и затаилась. Ее собственный жизненный опыт подсказывал, что хотя не хотя, а все равно ничего тебе не перепадет.

– Перепихнулась с нашим боссом? – круто сменила Светка тему.

Отрицать очевидный факт было бессмысленно, и Катя промолчала.

– Ну и славно, – продолжала Светка. – Мы с Верой Ивановной как раз его собрались женить, а ты у нас девушка душевная, такую нашему долбодятлу и надо. А то он совсем озверел. Заедем на заправку, ты не возражаешь?

Катя не возражала. Хоть на Луну.

Светка, кажется, принадлежала к племени водителей, убежденных в том, что их святая обязанность не только доставить пассажира на

место, но еще и прочесть ему лекцию на вольную тему.

– Если посмотреть со стороны, он вроде бы добрый и вообще нормальный, – рассуждала она, подъезжая к бензоколонке, – но реально там крышу перекосило конкретно. Когда его опустили по полной программе, то панамку ему сдуло, это я тебе как врач говорю. Так что ты с ним поласковее будь. Прости ему, если что. Короче, я пошла платить, а ты слушай и, если мобильник позвонит, ответь, а то мне неохота его из гнезда вынимать. Мне в это время только дети могут сигналить. Послушаешь, скажешь, что с мамашей все тип-топ, хорошо?

Катя кивнула. Подумав, взяла из пачки еще сигарету. Может, все образуется? Она будет нежной и ласковой, и Колдунов потянется к ней. Она поможет ему поправить, как Светка выражается, перекошенную крышу, и он поймет, что жить без Кати не сможет...

Размышления прервал звонок мобильного. Катя была не очень в ладах с техникой, но мысль о том, что звонят дети, которые, не услышав свою мать, могут испугаться, придала ей сил: она нажала на нужную кнопку.

– Але, Света, – в трубке раздался голос Колдунова.

– Это я... – начала Катя, но ее грубо перебили:

– Ты отвезла Катю в больницу?

– Это...

– Короче, Светка, если ты кому-нибудь хоть слово скажешь! Хоть взглядом намекнешь!

– Но это...

– И не торгуйся со мной. Или ты молчишь как рыба, или узнаешь, на что способен твой начальник. Вплоть до увольнения, поняла? Язык отрежу! Без наркоза! – В трубке немного помолчали. – Свет, прошу тебя как человека, не рассказывай никому.

– Хорошо, – пискнула Катя и отключилась. Ясное дело, если бы Ян планировал продолжить с ней отношения, то не стал бы в таком ажиотаже звонить свидетелю и затыкать ему рот!

– Тебе звонил Колдунов, – проинформировала она Светку. – Сказал, что отрежет тебе язык, если ты растреплешь о том, что видела.

– Да уж, тогда будет поздняк метаться. Сейчас надо отрезать. Да ты что, Катюха! Не реви!

– Ох, Света! Я же... – Катя всхлипнула. – А он, значит... Мама мне говорила! Что он поиграет со мной и бросит! – выкрикивала Катя, не в силах прекратить истерику. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что если она не изольет душу Светке, то пойдет и повесится. – А я, идиотка, не верила. Главное, если бы он хоть не на одну ночь меня снял, Света! Если бы хоть поухаживал, а потом понял, что не любит, и бросил! А у него не было никаких намерений, никаких чувств. Он просто хотел со мной переспать одну ночь.

– Ну хватит, хватит. Что ты в таком нерве?

– А я согласилась! Как проститутка! А я люблю его!

– Любишь?! Не гони! Ты ревешь, как ребенок, у которого отобрали игрушку, а это не любовь.

Катя замолчала – скорее от удивления, что Светка так сурово разговаривает с ней, чем от обиды.

– Это оскорбленное самолюбие, досада, что все происходит не так, как ты хочешь, желание получить власть над Колдуновым, но никак не любовь.

– Много ты понимаешь, – огрызнулась Катя.

– Много, – спокойно сказала Светка. – Ну признайся сама себе, если бы сейчас Колдунов предложил тебе руку и сердце, а через пять минут после этого откинул коньки, ты не дергалась бы так? Правда, Катя!

Катя в изумлении уставилась на нее, одновременно пытаюсь понять, права она или нет.

– Если любишь, то никаких обидок нет, даже на себя. Когда любишь, тебя ничто не может заколебать. Ты просто говоришь: «Спасибо тебе, мир!»

Всю субботу Катя посвятила решению сложнейшей проблемы: звонить ли Петру Петровичу и просить ли замену?

Надежд на благополучный исход ее романа почти не осталось. «Вообще не осталось», – каждый раз поправляла она себя. Дура, как она могла возомнить, что ее мечты могут стать реальностью? Почему она решила, что идиотские мысли о прекрасном принце, который оценит ее тонкую душевную натуру и уведет за собой в безграничное счастье, могут воплотиться в жизнь? За столько лет можно было уже понять, что провидение сбоев в своей работе не допускает, и если оно

постановило Кате быть несчастной, то она и будет. Попыталась дернуться – вот и получи по голове.

И теперь, вместо того чтобы предаваться бесплодному отчаянию, нужно придумать, как выйти из этой ужасной истории с наименьшими потерями.

Главное, Маргарита Матвеевна привыкла к Кате, и еще неизвестно, как отнесется к своим обязанностям новая сиделка. А старушка не должна страдать оттого, что Кате вздумалось погулять с красивым доктором.

Если она малодушно свалит, как выражается Света, со своего поста, Колдунов поймет, что для нее эта ночь имела большое значение. Катя же предпочитала, чтобы он думал о ней как о раскрепощенной свободной женщине, а не как о свихнувшейся от любви к нему экзальтированной дурочке.

Ничего, досидит с Маргаритой до выписки, не развалится! Может быть, и Колдунова разлюбить удастся.

Наверное, мама опять права. Если она не ошиблась в том, что Колдунов – похотливый мачо, и в том, что он подействует на Катю, как валерьянка на кота, то скорее всего верна и вторая часть ее оценки.

Он действительно беспринципный, нечистый на руку тип. И только ее влюбленность помешала ей это увидеть.

Беспринципный тип объявился на службе только в понедельник. Катя уже извелась, так ей хотелось поскорее укрепиться в своих подозрениях о колдуновской черной душе.

Он зашел в палату как ни в чем не бывало, поздоровался с Катей, посмотрел живот Маргариты Матвеевны и сообщил, что после контрольных анализов можно будет выписываться. «Рассчитывайте на пятницу», – сказал он спокойно и перешел к другим больным.

Контингент палаты за последние дни поменялся. Вместо благообразной старушки соседкой Маргариты стала любительница алкоголя средних лет, избитая мужем. Вела она себя не всегда адекватно, то кричала, то плакала. «Для кунсткамеры себя уже замариновала, – отзывалась о ней Светка. – Кать, ты вполглаза присматривай, чтобы она в окно не вышла».

Еще в палате появились две работяги-лимитчицы, примерно Катиного возраста. Мама всегда предостерегала ее от общения с

такими. «С ними не о чем говорить, эти люди не понимают очень многих вещей, не умны и по большей части распуценны, – часто повторяла она. – Нужно быть с ними вежливой, но сохранять дистанцию».

Однако Кате общество Вали и Амины даже нравилось. Почему-то она успокаивалась, слушая их пересыпанные сочными словечками рассказы о любовниках и пережитых абортах. У Вали был аппендицит, у Амины – почечная колика, обе чувствовали себя сносно и не нуждались в Катиной заботе. Наоборот, сами активно предлагали помощь: «Ехай домой, Катя, а мы тут за твоей бабушкой приглядим!»

Катя была благодарна девушкам и думала, что вещей, которых они не понимают, может быть, и понимать не надо...

Ян Александрович душевно пообщался с лимитчицами и перешел к проклятию палаты – алкоголичке. «Вот сейчас он пройдет мимо, – злорадно думала Катя. – Она почти бомжиха, с нее никакой поживы не предвидится, зачем ему ее смотреть?»

Но нет, Колдунов самым тщательным образом выслушал у пьяницы легкие и стал проверять симптомы сотрясения мозга.

– Что ж, все у вас прилично, – сказал он таким же доброжелательным тоном, каким говорил с Маргаритой Матвеевной. – Можно готовиться к выписке.

– А можно еще полежать?

Катя была уверена, что он откажет. Она уже знала, что родина не приветствует лежание своих граждан на больничной койке. Чем меньше койко-дней, тем меньше затраты на лечение, поэтому доктора всеми силами стремились выпихнуть пациента под наблюдение поликлиники. За перележивание больных Колдунов мог получить серьезный втык, поэтому иногда процесс выписки напоминал выпихивание новобранца-десантника из самолета для парашютного прыжка.

– Очень нужно? – спросил Колдунов.

– Да, муж из запоя выйдет... Сейчас он ничего не соображает, снова рожу начистить может.

– Ладно, на недельку оставим еще, – вздохнул Ян, – а то рецидив заболевания наступит. Только, дорогая, другим пациентам не мешайте, иначе сразу домой пойдете.

Та поклялась, что будет вести себя как мышь.

Нет, не получалось у Кати сделать из Колдунова бездушного человека... Пока не получалось...

– В рот компот, – сказала Светка, входя в ординаторскую с пакетом в руках, – орехов вот наварила. Сейчас затырю по углам, как белка! Глядишь, до весны продержимся.

– Какие орехи? – Вера, проверявшая по историям наличие у больных страхового полиса, поднялась и сунула нос в пакет: – Миндаль, отлично. Хочешь, отдай мне, сделаю печенье.

Светка энергично кивнула и сунула пакет Вере в руки.

– Вы, Светлана Эдуардовна, как деревенский доктор, натурой берете... – вступил в беседу Эрнст Михайлович.

– Слушайте, вы, Хемингуэй, – рявкнула Светка, – я бы с радостью как городской доктор работала! И вообще не сегодня!

– А что такое?

– Да за школу мне сегодня платить. Вы же знаете, что Катя рыжая, которая с бабкой сидит, устроила моих девок в музыкальную школу, там полупансион. В принципе не так уж и зарядно, но на двоих ведь! А они даже скидки за опт не сделали!

– Но мы, Светлана Эдуардовна, не обязаны нести на своих плечах груз ваших проблем. В служебное время извольте заниматься работой и вести себя соответственно.

– Что-о? – взревела Светка, которая любые замечания Цырлина воспринимала как желание сесть ей на голову.

Кровопролитие было предотвращено появлением Колдунова.

– Тихо, всем стоять смирно! Буду знакомить личный состав с приказом по больнице. Свежие новости от главврача. Короче, теперь мы имеем право только на один рентген-снимок и два УЗИ в день. Остальные исследования через кассу больницы.

– А там, случайно, нет пункта, что я имею право бесплатно осмотреть только двух больных в день? – спросила Светка.

– Я бы вас вообще к больным не подпускал. На месте больного я сам бы любые деньги в кассу заплатил, только бы вы ко мне не подходили, – буркнул Цырлин.

– А что, это мысль. Давайте, я сделаю макияжик поярче, татушку там, пирсинг, юбку надену покороче... Прикинусь дурой и пойду

больных смотреть. Напугаю их как следует, а потом вы явитесь, как герои-избавители. Классный бизнес?

– Во-первых, в укорачивании юбок ты уже достигла абсолютного нуля, дальше двигаться некуда. А потом, наших аликов ничем не испугаешь. Все, хватит ругаться. Вы поняли, что это значит для нас? Девяносто процентов больных нашего отделения не могут позволить себе такую роскошь – исследоваться через кассу. А остальные десять, потратив все бабки на рентген и УЗИ, фиг нам что дадут. Теперь будем каждый день обсуждать кандидатуру на исследование, все вместе. Но главное, что вы должны запомнить, – этот лимит не оправдывает вас в случае врачебной ошибки. Если вы поставили неправильный диагноз, то на ЛКК аргумент об отсутствии денег у больного в расчет не берется. Поняли? Прошу говорить по существу, восторги в адрес нашего правительства можете оставить при себе.

Светка поправила свою пышную прическу.

– Но как же можно без рентгена? – спросил Эрнст Михайлович. – Как же ставить показания к операции? Как проводить дифференциальный диагноз между печеночной и почечной коликой?

– Вот так! Возьмите учебник пропедевтики и изучите его от корки до корки, – сказала Светка. – Пирогов как-то обходился без рентгена, а мы что, лохи? Глаза вам пока еще не выкололи и пальцы не отрубили, вот и работайте.

– Нет, главное, на рентген у них лимит есть, а на мою работу нет! – пылко возмутилась она.

– Пленка денег стоит, а ты за свою зарплату будешь вкалывать, пока не посинеешь, – сказала Вера.

– Боже мой, Боже мой! – Эрнст Михайлович даже забыл, что ссорился со Светкой. – Когда весь мир внедряет новые методики в медицину, когда везде хирургия – это в первую очередь технология, когда каждый год появляются новые разработки по лучевой диагностике, мы...

– А мы пойдем другим путем. Встречным. Когда весь ваш научно-технический прогресс накроется медным тазом, мы останемся единственными, кто умеет лечить. Ребята, это будет по кайфу! Поедем в Америку. Скажем их страховым компаниям: там, где вы за сто тысяч баксов лечите, мы за десять возьмемся, с тем же результатом. Рентгенов нам не надо, всяких там сшивающих аппаратов мы вообще в

глаза не видели. Живот пропальпировали, легкие послушали – и на операцию. Пока скальпель не затупится! А как затупится, мы его поточим, и дальше...

– Пока ты еще не в Америке, Света, пойдем больного в приемнике посмотрим, – сказал Ян и поймал на себе тяжелый взгляд Цырлина. С появлением Светки Колдунов все реже стал приглашать его на консилиумы, да и на операции предпочитал брать ее. Светкин пофигизм и даже ее жадность почему-то устраивали его больше, чем порядочность и безупречная вежливость Цырлина.

– Ян Александрович, а что вы сказали главному врачу? – официальным тоном поинтересовалась Вера.

– Сказал: спасибо за информацию. А что я должен был сказать? Ну начал бы я распинаться о священном долге врача и пороть прочую мутотень, и что? От моих речей на нас золотой дождь не прольется.

– Но вы должны были выразить свое отношение к этому геноциду! – взревел Цырлин, воздевая руки к небесам.

– Думаете, Эрнст Михайлович, Алевтина Васильевна искренне считает свой приказ гуманным и способствующим улучшению качества медпомощи населению? Увы, она прекрасно понимает всю низость своего распоряжения, но иного выхода у нее, к большому сожалению, нет. Больше скажу, если бы я до сих пор занимал должность главного врача, то отдал бы аналогичный приказ. Может быть, я донес бы его до подчиненных в более деликатной форме, но суть от этого не поменялась бы. Сумма, которую больные должны отдать, не такая уж большая, для среднего, даже умеренно бедного человека она вполне подъемная. А для совсем бедных оставлен бесплатный лимит. В общем, этот приказ ударяет в основном по нашему отделению.

– Ваш любимый главный врач прекрасно знает, какой контингент лежит у нас, – сказала Вера набычившись. – Мы избавляем другие отделения от нежелательного элемента, позволяем им работать в почти человеческих условиях, так уж могла бы нам лимит побольше выписать.

Ян Александрович ласково похлопал ее по плечу.

– Главврачу тоже деньги с неба не падают. Ты знаешь, какой гигантский долг у страховых компаний перед нами? О-го-го! И большая часть этих должников уже объявила себя банкротами, так что

получим мы от хрена ушки. Скажи спасибо, что тебе зарплату платят, и поклонись главврачу в пояс за это!

– Вот этого, – веско сказала старшая сестра, – ни вы, Ян Александрович, ни Алевтина Васильевна от меня не дождетесь.

– Хватит уже воду в ступе толочь, – вздохнула Светка, – коню понятно, что этот приказ – единственно возможный выход. Лучше так, чем больница вообще без пленки останется.

– Может быть, коню и понятно, – снова вступил Цырлин, – а мне нет. Я понимаю, Светлана Эдуардовна, что вы с вашей склонностью к стяжательству разделяете стремление нашей администрации обдирать больных как липку. Да, это я понимаю. А вот отношения к медицине как к коммерции, да еще у такого молодого специалиста, я понять не могу!

– Не можете потому, что сами без Яна Саныча ни фига не наварите! – огрызнулась Светка. – Только и знаете, что сидите и размышляете о вечном.

– Да как вы смеете? – холодно спросил Цырлин, поднимаясь. – Ян Александрович, я требую от вас как от заведующего, чтобы вы обуздали эту...

– Ну, товарищи, если вы мне тут, практически в военно-полевых условиях, будете еще и междоусобицу устраивать... – пробормотал Ян. – Я как заведующий как раз хотел призвать вас к дружному и качественному труду, обратить ваше внимание на то, что выжить в той заднице, в которую нас засунуло государство, мы можем, только добросовестно исполняя свои обязанности.

– Золотые слова. – В знак одобрения Светка похлопала Колдунова по спине. – Ну, пойдем в приемное отделение?

* * *

– Веруш, ты что, ревнуешь? – спросил он, входя к ней в кабинет.

Она кокетливо хмыкнула: «Вот еще не хватало!» Колдунов повернул ручку замка и, кося глазом и всхрапывая, как боевой конь, уставился на нее:

– Так ревнуешь? Скажи!

Вера поджала губы и закурила. Выпуская дым, она мечтательно глядела в окно, всем своим видом демонстрируя Яну, что не обращает на него ни малейшего внимания.

Он осторожно устроился на ручке ее кресла, обнял Веру, перенося центр тяжести на ее плечи.

– Ну скажи, что ревнуешь, Ананасик!

Вера вздохнула:

– Ни капельки. Мне просто обидно, что Алевтина в тысячу раз красивее меня.

– Да ты что, с ума сошла? – завопил он. – Да она тебе в подметки не годится! Ты у меня самая красивая. Я от тебя балдею, а не от нее.

Он не лукавил, поэтому Вера ему поверила.

– Так ты с ней не спишь? Только скажи мне честно.

– Чего мне врать? Я тебе всегда говорю правду. Если бы я тебе врал, то не сказал бы, что перепихнулся с ней по пьяному делу. А я сказал. Потому что доверяю тебе и хочу, чтобы ты мне тоже доверяла.

– Ты прямо как Геббельс. Тот тоже считал, что если смешать грамм правды с тонной лжи, то народ безоговорочно поверит.

– Знаешь, Вера, я тебя вообще-то не спрашиваю, как ты со своим мужем живешь! Я свободный человек, ты помнишь об этом? И могу спать, с кем захочу.

– Да хоть обспись! – огрызнулась она.

– Я тебя люблю. – Ян нежно засопел ей в ухо.

«А почему я не сказал Вере о том, что согрешил с этой рыжей Катей?» – неожиданно подумал он.

Катина жизнь летела под откос. Катя с ужасом осознавала, что ничто теперь не принесет ей радости и счастья, если она не будет с Колдуновым. Даже музыка, всегда позволявшая ей забывать свои горести, теперь не спасала. Даже в любимом Бетховене не находила она успокоения. Привезя Маргариту Матвеевну домой и обиходив, Катя по просьбе старушки уселась за ее прекрасный рояль. Раньше игра на этом старинном инструменте всегда приносила ей радость и душевный подъем, но сегодня исполнение бетховенских сонат казалось не праздником души, а нудной повинностью. Маргарита Матвеевна заметила плохую игру ученицы, но, подумав, что та просто

устала, решила: как только Катя сходит в магазин, надо отправить ее отдохнуть.

Что ж, Катя не особенно возражала. В ближайшем супермаркете она, остановившись возле стеллажа с алкогольными напитками, вспомнила, как выбирала вино вместе с Яном, и чуть не задохнулась от горя. Господи, почему? Почему она не может быть счастливой? Почему именно ее все радости жизни обходят стороной?

Ян так равнодушно смотрел на нее в последние дни!.. Она видела его веселым и энергичным, видела очень уставшим после сложной операции, но всегда он был чужим. Катя осталась для него посторонней женщиной, видимо, их свидание для него ровным счетом ничего не значило.

А она-то при каждой встрече надеялась, что он подойдет к ней, посмотрит своими синими глазами, пригласит к себе... Но Ян, ограничившись любезным кивком, проходил мимо.

Рассчитываться с ним Катя отправила Петра Петровича. Еще одного вежливого прощания она бы не вынесла.

Самым ужасным было то, что Катя с каждым днем любила Колдунова все сильнее.

Она пристально наблюдала за ним все время, пока находилась в больнице, не теряя надежды обнаружить в нем нечто настолько мерзкое, что помогло бы ее любви умереть, но, увы, видела только самоотверженный труд и ничего больше. Один раз вечером, часов в десять, она увидела свет в ординаторской и заглянула туда. В низком кресле, некрасиво разбросав ноги, сидел Ян и курил. У него было очень мрачное лицо, мрачное и растерянное. Катя поняла, что он о чем-то переживает, и ей так захотелось помочь ему, обнять, да, в конце концов, просто напоить чаем. Она уже сделала шаг, но прочла в колдуновских глазах такую досаду, что попятилась, бормоча какие-то извинения. Больше она его не видела.

Прошел месяц. Катя вернулась в училище, успела даже на конкурс, где ее девчонки не показали ничего выдающегося. Естественно, родители связали неудачу своих чад с длительным отсутствием Кати на работе и высказали ей немало «теплых» слов по этому поводу. Но ей было так плохо, что речи родственников уже не могли тронуть ее.

Больше всего ей хотелось умереть. Дальнейшее существование не сулило ничего хорошего. Сколько лет Катя еще сможет проскрипеть, пятьдесят? И все эти пятьдесят лет в ее жизни не будет ничего, кроме уроков музыки и одиноких вечеров перед телевизором или с книгой! Свое будущее Катя могла предсказать ничуть не хуже Нострадамуса. Все дни этих будущих пятидесяти лет жизни пройдут одинаково, никогда ей не позвонит Колдунов, никогда не встретит ее возле дома, никогда не позовет к себе! Никогда больше она не почувствует на своем теле его ласковых рук! Катя всерьез задумалась о самоубийстве.

Главное, что удерживало от этого шага, – страх, что ее откачают. За время своей короткой карьеры сиделки Катя повидала немало несостоявшихся самоубийц и уяснила, что медперсонал относится к ним с плохо скрываемым презрением. Ей бы не хотелось валяться на больничной койке и слышать в свой адрес: «Ни в мать, ни в Красную армию! Что за люди пошли, даже рук на себя толком не могут наложить!»

Определенные надежды вселяло плохое самочувствие. Ее все время тошнило, кружилась и болела голова, поэтому Катя надеялась, что скоро сойдет в могилу естественным путем, не беря грех на душу.

Тем временем наступила весна.

Катя, убежденная в своей смертельной болезни, вдыхала теплый, пахнувший рыбой воздух с Невы, месила ногами снежную кашу и думала о том, успеет ли она увидеть новую листву, и о том, что новая листва ей в принципе совсем не нужна.

У Кати были дела в музыкальной школе, в той самой, куда она устроила Светкиных девочек. Там ее прекрасно знали, многие педагоги по классу фортепиано передавали ей детей, которые по каким-то причинам не могли получить полное среднее образование в школе, а поступали в училище. Катя для того и приезжала, чтобы посмотреть на своих будущих учеников.

Что ж, в этом году намечалось неплохое пополнение. Позанимавшись с детьми, она выпила кофе в учительской, с недоумением выслушала восторги по поводу своей внешности и собралась домой. В вестибюле Катя неожиданно столкнулась со Светланой Эдуардовной.

– О, привет! – сказала та как ни в чем не бывало.

– Здравствуй.

Катя не обрадовалась этой случайной встрече. Она не хотела ничего знать о Колдунове. А вдруг он женился? Этого она бы точно не пережила.

Света то ли не понимала, то ли не хотела понимать Катиного настроения и пылко радовалась встрече. Помогая своим девочкам надевать шапки и шарфики, она трещала, как здорово учиться в этой школе, как ей теперь удобно и как ее дети развиваются буквально на глазах.

– Я тебе так благодарна! – орала она на весь вестибюль, и Катя никак не могла прервать ее и уйти. Наконец Света скомандовала: – Поехали, подвезу тебя до дома. Бесплатно.

Катя попыталась отказаться, но Света схватила ее за рукав и решительно потянула за собой.

– Мама, – спросила одна из девочек в машине, – ты нам дашь сегодня свой паспорт? Учительница сказала, что нужно заполнить заявление, и тогда нам по почте будут присылать смешные деньги.

– Что?

– Ну, на школьное питание. Это такие, наверное, билетики...

– Какие билетики? – засмеялась Светка.

– Так, мам, не настоящие же деньги, а смешные.

Даже Катя улыбнулась.

– Ох, девчонки, весь смех в количестве! – сказала Света. – Учительница просто хотела сказать, что денег будет очень мало.

На заднем сиденье завозились, обсуждая полученную информацию. Понятно было, что девочки разочарованы, что они уже предвкушали получение забавных билетиков и игру с ними.

– А вы сами нарисуйте смешные деньги, – предложила Катя, оборачиваясь к ним, – придумайте и нарисуйте. Или вырежьте из журналов.

– А может, ко мне заглянем? – спросила Света.

Катя согласилась.

Пока Света парковала машину, Катя зашла в соседний гастрономчик и быстро купила сухой торт, бутылку сухого же вина и по шоколадному яйцу девочкам.

– Зря ты тратилась, – буркнула Света.

Она жила в центре, почти на Невском. В ее парадном, очевидно, не поселился ни один олигарх, потому что лестница была темная и донельзя обшарпанная. Ни домофона, ни даже кодового замка не было. Лифта не было тоже. «Сейчас уже около семи, – мрачно думала Катя, – пока попьем чаю, пока то да се, пойдет девятый час. Как я одна отправлюсь домой? Нападут ведь! Если не на лестнице или в парадном, так уж во дворе точно!» Потом она вспомнила, что жизнь ей не мила, и успокоилась. Значит, милосердный Господь решил положить конец ее страданиям, вот и направил в столь гиблое место.

Светкина коммунальная квартира, однако, производила приятное впечатление. Широкий коридор был оклеен свеженькими обоями, паркет, видимо старинный, отциклеван, покрыт лаком и чисто выметен. Что еще поразило Катю, это большое окно в коридоре. До сих пор ей не приходилось видеть такого архитектурного изыска. Комната Светы была просторной, с недавним, хотя и простеньким ремонтом. Никаких навесных потолков, панелей и ламинатов. Из мебели здесь стояли стандартная стенка, диван и два кресла. Катя сообразила, что вечером кресла трансформируются в кровати для близнецов. Телик был, как и все остальное, без затей, а другой бытовой техники не наблюдалось. Да уж, гнусная взяточница могла бы и покруче обставить свои апартаменты.

На стене Катя увидела большую фотографию молодого человека. Парень был невероятно лопухим и напоминал молодого бычка. На следующем фото, размером поменьше, он же стоял в обществе симпатичной девушки, в которой Катя с большим трудом узнала Светку. У нежной и застенчиво улыбающейся нимфы не было почти ничего общего с нынешней врачом, теткой типа «вырви глаз». На той же стене висела еще одна фотография, на которой Светка с мужем держали близнецов на фоне роддома.

Рассмотрев фотографии, Катя загрустила. Почему в ее жизни никогда не было такого молодого человека с оттопыренными ушами и азартным взглядом? Не было ни ласковых объятий, ни роддома, и теперь уже не будет... Она тяжело вздохнула, а Светка тем временем откупорила вино.

- Давай накати. – Она протянула Кате бокал, налитый до краев.
- А ты?
- Я пас. Мне же тебя еще везти.

– Что ты, Света! Я превосходно доеду на метро. Не нужно ради меня...

– Брось ты! Я все равно бомбить поеду. А ты выпей, расслабься немного. Не парься, что одна бухаешь, я с бомбежки вернусь и добыю бутылку.

Катя улыбнулась через силу:

– Будем спиваться челночным методом? – И выпила бокал до дна.

Она плохо разбиралась в винах и боялась, что купила какую-нибудь гадость, но нет, вино оказалось приличным.

Света пошла на кухню, Катя налила себе еще и с бокалом в руках увязалась за ней. Девочки переоделись и принялись помогать матери: резали хлеб, доставали из холодильника масло и сметану, накрывали на стол. Кухня своими габаритами напоминала школьный спортивный зал, так что их маленькая компания соседям не мешала.

Катя не успела оглянуться, как картошка была почищена и нарезана, помидоры помыты, а в кастрюльке на плите забулькали сосиски. Обычно, находясь в обществе человека, занятого делом, Катя чувствовала себя неловко и сразу бросалась на помощь, но сегодня ситуация совершенно ее не напрягала. Светка управлялась с продуктами так весело, так ловко, что сразу становилось понятно, как ей приятно накормить детей и гостью.

Ужин удался на славу. Разговор за столом крутился вокруг учебы девочек, их впечатлений от новой школы. Обеим учиться нравилось, большие нагрузки их не испугали.

Закончив с едой, Оля и Лена помчались в комнату смотреть видик: Света взяла им в прокате какой-то, как она выразилась, «суперский мультик».

– Ну, как ты? – ласково спросила Света, когда они с Катей остались вдвоем.

Катя глотнула вина и тихо ответила:

– Чувствую себя мертвой.

– Знакомое дело. – Света положила свою теплую ладонь на ее руку. Катя удивилась: эта набрякшая, с выпирающими венами кисть никак не вязалась с общим обликом Светы. – Это вряд ли пройдет, Катя.

– Я знаю...

– Но потом, если не дашь себе раскиснуть, то превратишься в такого развеселого зомби, типа меня. Даже сможешь снова радоваться жизни, но это будет уже не то.

– Я знаю...

– И все-таки, Катя, не грусти. Счастье не в радости.

– А? – отреагировала Катя на абсурдную фразу.

– Мы рождены, чтобы, типа, страдать, – пояснила Света. – И счастье, я считаю, в том, чтобы, пройдя испытания, сохранить свою душу.

– Ну да, – согласилась Катя, – конечно...

Они закурили. Внезапно Катя поняла, что ее тошнит от каждой затяжки. Вялым движением она затушила едва начатую сигарету и жадно припала к форточке.

– Ты что, перепила? – спросила Светка. – И бледная ты какая...

– Да, я последнее время вообще неважно себя чувствую. Тошнит постоянно, и голова кружится.

Света присвистнула и в упор уставилась на нее.

– Так-так, – сказала она, – давай с этого места поподробнее. Когда это началось?

– Недели две назад, наверное, я точно не помню. Свет, а какое это имеет значение? Или ты думаешь, что я могла чем-то заразиться в больнице?

– Думаю, да. Ты заразилась от доктора Колдунова.

– Чем? – взвыла Катя, взлетая со стула. – СПИДом?

– Остынь, подруга! Ты в залете.

Катя шмякнулась обратно на стул и трясущимися руками попыталась вытянуть из пачки новую сигарету. Потом схватилась за чашку с чаем. Теперь у нее тряслись не только руки, но и челюсть, так что она чуть не откусила край кружки.

– Не может быть, – пробормотала она наконец.

– Почему не может? Ян мужчина хоть куда, да и вообще... Когда я вас тем утром встретила, видно было, что вы старались как могли.

И Катя поняла, что Светка абсолютно права. Теперь она уже недоумевала, почему сама не подумала о возможной беременности раньше. Месячных у нее не было уже давно, но она была так переполнена своими любовными переживаниями, что совсем упустила из виду: от того, чем они занимались с Колдуновым, бывают дети!

– Ну и рожа у тебя, – довольно сказала Светка. – Сделай, пожалуйста, лицо попроще, сил нет смотреть.

– Господи, ну и дела! – Катя истерически хихикнула. – Что же делать?

– Есть два варианта. Либо сделаешь аборт, либо родишь.

Нет, никаких аборт! Конечно, она родит, и, может быть, у ребенка будут такие же ясные синие глаза, как у Колдунова.

– Я буду рожать.

– Ну и молодец. А под это дело мы Яна быстренько в стойло загоним. Женится на тебе как миленький, «мяу» сказать не успеет.

– Что ты говоришь, Света? Какая пошлость! Ты что, думаешь, я приползу к нему и буду валяться в ногах, чтобы он женился на мне на том основании, что я беременна?

– А что такого? Многие так делают.

– Мало ли что делают многие! Света, дорогая, пойми ты одну вещь. Если бы я ему была интересна, если бы он пусть не любил меня, но хотя бы ему было приятно в моем обществе, то он бы продолжал встречаться со мной. Но для него это была мимолетная интрижка, случайная встреча, а то, что я этого не поняла, только моя проблема. Я была влюблена и видела не то, что есть, а то, что мне хотелось видеть. Он ничего мне не обещал и ничего от меня не хотел, кроме того, чтобы я один раз поделила с ним постель. Не знаю, что он подумал обо мне, посчитал меня шлюхой или нет, но в любом случае я не нужна ему. – Катя торопливо, в форме тезисов, излагала Светке соображения по поводу своего короткого романа. – А ты хочешь, чтобы я навязала ему себя на основании того, что беременна. Если на то пошло, то он имеет полное право усомниться в своем отцовстве, ведь если я с легкостью отдалась ему, то где гарантия, что я так же резво не гуляю с другими мужчинами?

– Кать, ты его не знаешь. Ян Саныч не жлоб какой.

– Не жлоб, – согласилась Катя и замолчала. Перспектива женить на себе Колдунова, пользуясь беременностью, выглядела очень заманчиво. Счастье было на расстоянии одной ночи, достаточно протянуть руку, чтобы коснуться его. Уже завтра с утра можно сбегать в консультацию и, вооружившись справкой, явиться пред светлые очи Колдунова. А дальше... И у нее на стене появится фотография на фоне роддома...

– Нет, Света, это невозможно, – сказала Катя каменным голосом, – я не готова унижаться. И прошу тебя, не проявляй инициативу. Не говори Яну Александровичу, что он скоро станет отцом. Это будет мой ребенок.

– Кать, но Ян Саныч, может, будет рад. Болтается, как цветок в проруби, а так ребеночек будет, жена...

– Думаю, если бы Ян Александрович хотел иметь детей, то он давно бы уже ими обзавелся. Что-то мне подсказывает, что он прекрасно знает, откуда они берутся, – ядовито сказала Катя.

Светка вздохнула:

– Да уж, методику этого дела он освоил лет двадцать назад, не меньше. Но бабки-то с него на киндера содрать надо по-любому!

– Не смей меня. Какие там бабки? Света, я тебя прошу... Я люблю Яна Александровича, несмотря ни на что. Именно поэтому я не хочу, чтобы он знал. Я уверена, что он немедленно сделает предложение, когда узнает, но сделает его, повинаясь долгу, а не желанию. А я лучше никогда больше не увижу его, чем стану жить с ним, зная, что он женился на мне из-под палки.

– Н-да, дела... – басом протянула Света. – Ладно, не бойсь, я – могила! Знаешь, Кать, оставайся-ка ты у меня ночевать!

Катя для порядка поотнекивалась, но Светка продемонстрировала ей великолепную раскладушку, пуховое одеяло и комплект постельного белья жгучей тигровой расцветки. Показала даже автоматическую стиральную машину, чтобы Катя убедилась, что хозяйке не придется стоять над ванной, отстирывая белье после ее ухода.

Мама, которой Катя позвонила и сказала, что ночует у подруги, напряглась и выдала мощный заряд недовольства.

– Подруга носит брюки? – спросила она замогильным голосом.

– Иногда, – хмыкнула Катя, которой внезапно стало казаться, что мамина реакция на происходящие события – еще не самое важное в жизни.

– Я не настаиваю, чтобы ты ехала домой, потому что сейчас уже поздно. Но завтра мы с тобой побеседуем. – И мама повесила трубку.

Пока Катя говорила по телефону, Светка натянула сапоги и куртку и теперь стояла, приплясывая, перед входной дверью. Она собралась за вином.

– Зачем нам еще? Я больше пить не буду, мне теперь нельзя. А тебе еще полбутылки осталось.

– Да ну! Дети спят уже, так что давай прокатимся! Часик побомбим и домой. Как раз на бутылку заработаем и отметим твой залет.

– Бутылку, – сказала Катя, зашнуровывая ботинки, – я тебе и так куплю.

– Ну, это же не тот кайф.

И они поехали. Сначала Кате было страшно, особенно после того как Светка попросила ее пересест на заднее сиденье. «А то бывают маньяки, которые садятся назад и набрасывают удавку на шею водителю, – бесхитростно пояснила докторша. – Ты будешь нас страховать». Собственно, о способе страхования подруга умолчала, в случае появления такого извращенца Кате пришлось бы проявить здоровую инициативу. Впрочем, у нее не было ни пистолета, ни ножа, ни просто удобного и тяжелого предмета, оставалось только воевать врукопашную.

Но им повезло, все пассажиры оказались вполне миролюбивыми и не только не покушались на их жизнь, но еще и исправно платили за проезд. За пару часов дамы честно заработали четыреста рублей – больше, чем Катя заработала бы левыми уроками.

– Тебе нужно срочно научиться ездить, – говорила Светка. – Машина при маленьком ребенке – совершенно незаменимая вещь!

– Свет, погоди! Может быть, я еще и не беременна.

– Сейчас выясним!

Они быстренько заехали в круглосуточную аптеку и купили там тест на беременность. Потом завернули в гастроном.

Тест научно подтвердил, что Света не ошиблась. На радостях она немедленно напилась и сказала, что теперь ей, видимо, придется стать при Кате и ее будущем ребенке «и. о. отца».

Глава 3

Разумеется, Катя боялась наступившей беременности. Но страшило ее не безденежье, не осуждение коллег, не предстоящие роды. Нет, все это казалось сущей ерундой по сравнению с главной проблемой – мамой. Катя хорошо знала свою родительницу и не надеялась, что та весело засмеется и скажет: «Ну и хорошо. Вырастим как-нибудь». Ради того, чтобы не объясняться с мамой, Катя была почти готова идти на поклон к Колдунову.

По вечерам ей приходилось почти насильно удерживать себя дома, так хотелось позвонить в его обшарпанную дверь и с порога упасть в ласковые, пахнущие табаком и пенициллином объятия. Каждый вечер Катя представляла себе эту картину. Она скажет ему: «Я жду ребенка». Именно так, а не «я беременна», чтобы он не вздумал предложить ей денег на аборт. А вдруг он обрадуется? Вдруг бережно снимет с нее пальто, и, крепко держась за руки, они пройдут в комнату, сядут на диван, тесно прижавшись друг к другу, и примутся обсуждать свою дальнейшую совместную жизнь?

Видение было таким упоительным, что Катя скрипела зубами.

Но если Ян ни разу не подошел к ней после их единственной ночи, значит, он не хочет видеть ее рядом с собой. А его досадливо беспомощный взгляд, когда она хотела подбодрить его после тяжелой операции, сказал ей о том же. Она не нужна ему, это понятно.

Любить – не значит обладать, и если Катя захочет загнать его в клетку долга, это будет недостойно ее и ее любви.

Ян Александрович снял халат и аккуратно повесил его на плечики. Он собирался гордо уйти домой один, но в последний момент передумал и все-таки позвонил в кабинет Вере.

– Ты собираешься? – спросил нейтральным тоном.

– Да, скоро пойду. Нас с Клавдией Ивановной Светочка подвезет.

Колдунов мысленно выругался. С появлением «Светочки» Вера предпочла экстремальные гонки по городским улицам неспешным прогулкам в его обществе.

– Сделай мне кофе! – приказал он холодно. – Через две минуты я у тебя.

Вера, как всегда, осталась глуха к его тону.

– Ладно, двигай, – сказала она мирно.

Ян хотел добавить, что если она каждый день будет ездить со Светкой, то разжиреет окончательно, но тут к нему в кабинет вошел заведующий приемного отделения, и Колдунов повесил трубку.

– Что? – обернулся он к вошедшему.

– Подпиши консилиум. – Тот протянул ему лист бумаги.

Форма консилиума не была даже заполнена.

– В чем проблема?

– Производственная травма. Пострадавший в шоке, без сознания, а там явная ампутация. Сам знаешь, в таких случаях нужно, чтобы три хирурга высшей категории подписали консилиум. Я, Михаил Соломонович, он дежурит, и ты последний остался.

Колдунов с тяжелым вздохом потянулся за халатом.

– Ты куда? – спросил Юрий Иванович. – Смотреть там не на что, каша вместо ноги. Подпиши – и свободен.

– Нет, Юрий Иванович, я уж гляну одним глазом для спокойствия. Вдруг что-нибудь удастся сделать? Отрубленные конечности заново не отрастают.

– Да брось! Ты что, нам не доверяешь?

– Доверяю, конечно. Но схожу посмотрю.

– Можно попробовать сохранить, – сказал Колдунов, осмотрев ногу, – если вместе с травматологами. Сошьем сосуды и нервы, удалим размозженные ткани, а там как бог положит. В крайнем случае, если нога омертвевает, ее всегда можно отрезать. Вы, кстати, проверили, он по ноге в шоке или еще что повредил?

Юрий Иванович поморщился.

– Ян, ну что ты утопиями занимаешься? Сам подумай, это многочасовая операция, ты займешь мне операционную, и где я буду работать с другими больными?

– У тебя есть второй блок. В крайнем случае развернешь резервную, ту, что законсервирована на случай массовых поступлений. Почему человек должен становиться инвалидом только оттого, что у нас негде оперировать?

– Поверь мне, он все равно станет инвалидом! Не оживет нога, Ян, я-то уж знаю. Сколько там прошло времени с момента травмы? Уже начался распад тканей, ты включишь кровоток, весь этот трупный яд попадет в почки, и больной вообще помрет! Я не говорю уже о том, что лечение в такую сумму встанет!.. Тут же нужны будут антибиотики хорошие, витамины, ну да ты сам знаешь. Вбухаем в него кучу бабок, а нога потом все равно отвалится. А так сделаем ампутацию, он через пару дней уже бегать будет.

– Вот уж что-что, а бегать он тогда точно не будет, – буркнул Ян.

– Ладно, не придирайся к словам. Ты же понимаешь, что я прав.

– Слушай, Юрий Иванович, а ты, если, не дай Бог, для себя то же самое решил бы? Сказал бы, ну ее на фиг, эту ногу, да? Еще одна есть, в конце концов!

Заведующий приемного отделения мелко перекрестился:

– Иди к черту!

– Короче, я не подпишу консилиум. Или давай мне операционную, я попробую ногу отремонтировать, или ищи себе другого хирурга высшей категории. А я греха на душу не возьму.

– Крутой ты, Ян Александрович, как обрыв, – поджал губы Юрий Иванович. – Знаешь же, черт, что все хирурги высшей категории уже дома чай с баранками пьют. Ладно, бери больного в операционную, только я тебе помощника не дам. У меня все дежурные хирурги наперечет.

– Травматолог нужен.

– А больше тебе ничего не нужно? – завопил Юрий Иванович.

– В конце концов, ты сам меня позвал, – миролюбиво напомнил Ян и, убедившись, что больного повезли в операционную, пошел к себе надевать операционные штаны и звать Цырлина или Светку в ассистенты.

Те, оба уже в пальто, ждали лифта.

– Успел! – обрадовался Колдунов. – Эрнст Михайлович, прошу вас, помогите мне на экстренной операции!

Светка надулась, обиделась, что Ян выбрал не ее.

– Что за операция? – неспешно спросил Цырлин. Ян знал: пока Эрик не получит все необходимые ему разъяснения, с места не двинется. Поэтому пришлось излагать проблему. Но Цырлина она не взволновала.

– С какой это стати я должен жертвовать своим свободным временем? – поинтересовался он. – Почему должен идти навстречу администрации при таком ее к нам отношении?

– Эрнст Михайлович, но сейчас не время...

– А когда время? Именно такая бесхребетная ваша позиция и позволяет администрации сидеть у нас на шее!..

Больше всего Колдунова взбесило не то, что Цырлин нес откровенную чушь, а то, что он нес ее очень медленно. Ян махнул рукой и пошел переодеваться.

Цырлин отправился за ним, продолжая зудеть:

– Мы, чуть что, бросаемся на помощь по первому зову, а на все нападки на наше отделение, на экономическую блокаду не реагируем. Вот если бы вы, Ян Александрович, не кинулись сломя голову в приемный покой, а отказались смотреть больного, грамотно мотивировав свой отказ, то администрация бы пересмотрела свои позиции!

– Да сейчас! Ногу бы отрезали больному, и всего делов.

Колдунов снял брюки и услышал залиvistый женский смех.

Оказывается, Светка проникла в кабинет вместе с Цырлиным и теперь с неподдельным интересом разглядывала колдуновские трусы с покемонами.

– Отвернись, бесстыжая.

– Может, я пригожусь? – спросила она, не отворачиваясь. – Часа за три управимся?

– Не обещаю.

– Вы совершаете глупость, – торжественно провозгласил Цырлин, – пресмыкаетесь перед руководством неизвестно зачем, вот и все.

– Да пошли вы! – бросила Светка, царственным движением скидывая пальто.

«Все-таки Вера пойдет домой пешком», – подумал Колдунов и обрадовался.

Операция шла долго и сложно. В общем, Юрий Иванович оказался прав, нога была повреждена сильнее, чем Ян думал сначала. Пришлось не просто ушивать сосуды, а делать сосудистые протезы. Колдунов понимал, что даже если нога и приживется, то все равно уже

не будет такой, как до травмы, и, разумеется, в предложении начальника приемного отделения сделать ампутацию врачебной ошибки не было. А теперь они засели тут часов на шесть, а то и больше.

Светка помогала хорошо, но нервничала, что не успеет забрать детей из школы.

– Я тебя отпущу, – утешал ее Ян, – сейчас основной этап сделаем, и пойдешь.

– Блин, да вы один тут до утра провозитесь.

В операционную заглянула Вера.

– Ваш кофе давно остыл, уважаемый Ян Александрович, – сказала она, подошла к столу и, слегка подвинув Колдунова плечом, устоялась в операционное поле. Вера была опытной сестрой, поэтому Ян всегда прислушивался к ее мнению.

– Авантюра, конечно, – вздохнула она, – хотя мышцы, кажется, приличные.

– Да уж ваш Ян Александрович вечно как замутит... – пожаловалась операционная сестра, с которой Ян часто оперировал, но которую ни разу не видел без маски и поэтому не помнил ее имени. – Как начнет человека из кусочков собирать, будто «Лего»! С ним если встанешь на операцию, считай, на сутки работой обеспечена.

– Ой, блин, не сыпьте соль на сахар, – заныла Светка. – У меня дети чокнутся, если я за ними не приду... Вера Ивановна, может быть, вы позвоните моей знакомой, чтобы она девок забрала?

Она продиктовала Вере телефон и добавила: «Да вы ее знаете, это рыженькая Катя, помните, у нас с бабкой сидела?»

Вера ушла звонить, а Яну вдруг стало хорошо от мысли, что Катя сейчас поедет за Светкиными детьми, и, может быть, он ее сегодня увидит. Колдунов сам удивился, когда понял, что ему приятно будет повидаться с Катей.

– Все в порядке, – через несколько минут крикнула Вера с порога операционной. – Она сказала, что заберет их к себе, а утром отвезет в школу. Еще сказала, чтобы ты ни о чем не беспокоилась.

Светка воздела глаза к небу и шумно выдохнула:

– Блин, какие слова! Я не слышала их уже семь лет.

– Что? – удивился Колдунов.

– Вдумайтесь, Ян Саньч, какая райская музыка заключена в этих словах! Японский бог, я и забыла, что было времечко, когда мой муж каждый день говорил мне: «Малыш, ни о чем не беспокойся». И я, – грустно добавила Светка, – ни о чем не беспокоилась.

Они закончили операцию только в половине одиннадцатого вечера. В принципе Колдунов остался доволен результатами своей работы, но радоваться было рано. Несмотря на восстановленный кровоток, в пострадавшей ноге все равно могла развиваться гангрена. Поэтому Ян решил, прежде чем идти домой, еще пару часов понаблюдать больного, которому в случае осложнения могла потребоваться еще одна операция.

Когда они выползли из операционной, Светка с криками «я первая!» стремительно скрылась за дверью туалета, оставив Яна в коридоре. Мимо как раз проходил Юрий Иванович с кислым видом.

– Ну что? – желчно спросил он у Колдунова. – Доволен?

– Вполне.

– Ладно, не будем. Я-то уж знаю, что вся твоя долботня кончится ампутацией.

– Что ты каркаешь!

– Вот посмотришь, – тоном Кассандры произнес Юрий Иванович. – Кстати, я никаких родственников этого товарища даже близко не видел. А ты?

Колдунов сдержанно сообщил коллеге, что последние пять с половиной часов простоял у операционного стола.

– Вот видишь. А за чей счет он будет антибиотики получать? Сосудистые препараты твои любимые? Переливание крови кто оплатит? Пушкин? А без всего этого твоя прекрасная операция гроша ломаного не стоит.

– Юрий Иванович, но можно же хоть первые сутки обеспечить его за счет больницы? Родственники могут просто не знать, где он и что с ним произошло.

Юрий Иванович фыркнул:

– Хорошо. Назначай ему что душа пожелает, но все затраты будут записаны на счет твоего отделения. Порядки ты знаешь.

Колдунов порядки знал. Парадокс состоял в том, что за сложнейшие операции, продолжавшиеся по многу часов, за

возвращение к жизни почти безнадежных больных он получал голый оклад плюс нарекания за длинный койко-день и затратность лечения. Если бы он сегодня вместо длительной реконструктивной операции быстренько сделал ампутацию, то его бы похвалили и, возможно, дали бы премию за то, что он сэкономил больнице деньги – ведь послеоперационный период после ампутации не стоит почти ничего.

Любой хирург, ампутирующий конечности направо и налево, как какой-нибудь Ларрей в день Бородинского сражения, был в больнице в большем почете, чем Колдунов, всеми силами стремившийся эти конечности сохранить.

Но самым обидным Яну показалось то, что Юрий Иванович сам был прекрасным хирургом, ничуть не хуже, а то и лучше Яна. Однако несколько раз крупно получив по голове за слишком активную хирургическую деятельность, теперь он ни в какие авантюры не лез.

– Что, Светик, опять мы с тобой мимо денег пролетели? – вздохнул Колдунов, когда они устроились пить чай в ординаторской.

Вера, конечно, его не дождалась. Зато она оставила им легкий ужин, состоящий из восхитительных домашних пирожков с мясом и бутербродов.

Колдунов собирался повиниться перед Светкой в том, что он не может обеспечить своим подчиненным надлежащего уровня жизни. Но Светка его не слушала: она сосредоточенно накручивала диск старенького телефона.

– Хай, Катька! – наконец завопила она. – Все пучком? Ничего, что я тебе на хвост упала? А как сама? Девки как? Уже спят? Ну ты меня выручила вообще!

– Передай ей привет от меня, – неожиданно для себя сказал Колдунов.

– Ага, вот тут тебе Ян Саньч привет передает. Ну ладно, спокойной ночи.

– И вам привет, – произнесла Светка, и, повесив трубку, многозначительно посмотрела на Колдунова.

– Я знаю, что ты хочешь сказать. – Нашарив на столе зажигалку, Ян закурил, хотя курение в ординаторской было строжайше запрещено. – Но развивать эту тему мы не будем. Лучше скажи, как ты думаешь домой попасть? Извини, но я не смогу сейчас проводить тебя,

мне нужно еще хотя бы два часа наблюдать за ногой. Давай, я вызову такси?

– Да ну! Вот еще, туда-сюда гонять. Здесь поспим, идет?

Колдунов удивленно посмотрел на Светку. В ординаторской был всего один диван, хоть и двухспальный. Ян некоторое время разглядывал стоящие дыбом волосы, наэлектризовавшиеся от хирургической шапочки, усталую, но веселую мордашу с размазанной косметикой, длинную и тонкую, какую-то детскую шею... А потом подсел поближе и положил руку на Светкино бедро.

– Детский сад ты для меня, Светик, – сказал он, ласково сжимая ее костлявую коленку, – ты мне очень нравишься, девочка, но, прости...

Светка ловким движением сбросила его руку.

– Совсем вы, Ян Саныч, сбрендили. – Она откусила большой кусок пирога и дальше продолжала говорить с набитым ртом: – Мы же с вами уже перетерли эту тему. Забудьте навеки о возможности лечь со мной в одну постель.

– Забудьте, надо же! – возмутился Ян. – А где я, по-твоему, буду спать? В углу на коврик?

– Ладно, ляжем вместе, так и быть, но трахаться не будем.

Колдунов тяжело вздохнул. Цинизм молодого поколения иногда шокировал его.

– Слушайте, Ян Саныч, а вы почему один живете? – внезапно спросила Светка.

– Так жизнь сложилась, – туманно ответил он и зевнул, намекая на неуместность такого откровенного разговора.

– Не, правда. Почему? Вроде вы и человек хороший, и мужчина видный... Алкоголик, конечно, но это сразу не заметно.

При слове «алкоголик» Колдунов встrepенулcя и полез к себе в стол. Там у него была заначена бутылка именно для таких экстренных случаев.

Идти в кабинет за рюмками ему было лень, поэтому они по очереди хлебнули из горлышка. Светка сняла туфли, забросила ноги на стол и тоже закурила.

– Какие у тебя красивые ступни, – сказал Колдунов.

– Не будем отвлекаться на мои ступни. – Светка потянулась к бутылке и сделала глоток. – Так почему вы один?

Колдунов подумал, что она выглядит очень эротично. Но подумал как-то отстраненно, теоретически. Так, наверное, отец мог бы подумать о взрослой дочери.

– Я был женат, Светик. И довольно долго.

– А потом?

– Развелся.

– И чем вам жена не угодила?

Теперь уже Ян припал к бутылке.

– Так чем? – настойчиво переспросила Светка.

– Свет, моя жена хорошая женщина, и, если бы повернулось иначе, я прожил бы с ней всю жизнь. Но ей нужно было от меня то, чего я не мог ей дать. И это было нужно ей больше, чем я сам.

Светка поморщилась:

– Бросьте мне ребусы загадывать. Вы что, хотите сказать, что это она с вами развелась?

– Ну да. Видишь ли, Оля – дочь вице-адмирала. Она была так воспитана, что другой судьбы, кроме как быть женой такого же чина, себе не представляла. И ее мама с детства готовила ее к такой роли. Уже в девятнадцать лет это была настоящая светская дама, что меня, наверное, и пленило. Знаешь, Свет, она очень красивая женщина. – Ян Александрович улыбнулся. Воспоминание о том, как он впервые увидел Олю на танцах в академии, до сих пор оставалось одним из самых счастливых в его жизни, несмотря на все, что произошло потом. – Мы быстро поженились, месяц всего погуляли. Папашка ее сразу навел обо мне справки. Я был человеком без связей, но перспективным курсантом, почти отличником, поэтому он решил, что я смогу вписаться в их семейство, а там он уж сделает из меня генерала.

Света скептически задрала бровь.

– Ты думаешь, что я женился по расчету? – Колдунов усмехнулся. – Впрочем, ты можешь думать все, что угодно.

– Да ничего я не думаю! Дальше-то что было?

– Дальше? Я, дурак, поддался на уговоры друзей, демобилизовался и стал главным врачом одной из городских больниц. Семья жены была, конечно, в шоке, ведь вице-адмирал уже подыскал мне теплое местечко, а я, тридцатипятилетний мужик, вдруг повел себя, как трудный подросток. Я решил доказать всем, что чего-то стою

и без поддержки тестя. Вот и доказал... Я же полгода без работы сидел после того, как меня из главврачей попросили. Короче, папа понял, что поставил не на ту лошадку, и быстренько подогнал дочке настоящего генерала.

– Бывает. А детей у вас что, не было?

Ян покачал головой. Может быть, нужно было проявить твердость и сделать Оле парочку детей. Она бы тогда никуда от него не делась. Но ему никогда не хотелось иметь ребенка, а Оля... Сейчас он уже не помнил, какие аргументы она приводила, призывая его предохраняться. Первые несколько лет их совместной жизни она лечилась от астмы, точнее, от мысли о том, что у нее астма. Вместе с матерью она кочевала из одного санатория в другой, и обе убеждали Яна, что беременность может вызвать обострение болезни. Колдунов не понимал, как может обостриться то, чего нет, но... В принципе он был доволен, что, придя домой после тяжелого операционного дня, может спокойно принять душ, не натываясь на детские пеленки, и выспаться без аккомпанемента детского плача.

Потом наступили тяжелые времена, тяжелые даже для военной элиты. Заводить ребенка при тотальном отсутствии денег и продуктов было безумием. Ну а потом они развелись.

– А вы жалеете, что у вас нет детей? – спросила Светка.

– Нет. Честно, нет. Я даже рад этому. Ты же видишь, я по пятнадцать часов в день торчу на работе, куда мне еще ребенка! И так есть о ком позаботиться.

– Если бы у вас был ребенок, вы б не жалели о том, что он у вас есть.

Колдунов пожал плечами.

– Личная жизнь не сложилась, что теперь поделаешь! – весело сказал он. – Пошли нашего красавца посмотрим.

Катина мама была в бешенстве. Она носилась по комнате, воздевая руки, и если бы у Кати был прибор, показывающий степень человеческого раздражения, то его стрелка достигла бы сейчас высшего значения.

– Как ты могла? – вопрошала мама. – Как ты могла привести сюда этих дурно воспитанных девчонок? Боже мой, они даже не

поздоровались со мной, когда вошли в дом! Ты поступила как последняя эгоистка.

Катя подумала, что Оля с Леной промолчали не от недостатка воспитания. Вполне возможно, что при виде мамы, окатившей их ледяным взглядом и надменно поджавшей губы, у них просто язык присох к горлу.

– Мама, но что мне было делать? Куда их девать? Света не могла уйти, не доделав операцию.

– Света, ха! Сказала бы я тебе, какую операцию она делала! Эта проститутка отправилась развлекаться с мужчинами, уверяю тебя. – Мама уселась на диван и перевела дух. – Она просто использует тебя, превращает в няньку, а ты и рада стараться.

– Мама, да что дурного в том, чтобы выручить человека?

– Катя, ты не понимаешь разницы между взаимовыручкой, которая, безусловно, должна существовать среди интеллигентных людей, и стремлением быдла сесть тебе на шею. Мне очень горько, что я не сумела тебя воспитать должным образом, ведь в том, что ты не видишь этой разницы, есть и моя вина.

Катя подумала, что к интеллигентным людям мама причисляет себя одну, больше никто из их общих знакомых не удостоивался столь лестного отзыва.

– В любом случае, мама, я имею право привести к себе домой кого захочу, – сказала она резко.

– Во-первых, это не твой дом, – немедленно отреагировала мама, – эта квартира моя, если уж на то пошло. Что касается твоих прав, то извини... Мы живем с тобой вместе, и ты обязана была спросить моего разрешения, прежде чем звать гостей. Я тоже имею здесь определенные права, и в первую очередь это право на покой. Я не обязана выслушивать детский гвалт и просыпаться в двенадцатом часу от телефонных звонков только потому, что одной из твоих сомнительных знакомых припала охота шляться по мужикам, извини за грубое выражение.

– Знаешь что, прекрати, – оборвала Катя. Внезапно она начала что-то понимать. Как будто в фотоаппарате настроили резкость. – Дети в любом случае ни в чем не виноваты. Что, нужно было их оставить на улице, чтобы они не помешали тебе выпить утренний кофе в тишине?

– Дело не в этом! Ты знаешь, что я не боюсь неудобств и легко их переношу, если возникает необходимость. – («Да, конечно», – желчно подумала Катя). – Но меня очень тревожит, что ты втягиваешься в близкие отношения с этой Светой. Она же хамка, женщина невысоких нравственных правил и безответственная мать! Ты унижаешь себя этим знакомством!

– Я свободный человек и общаюсь с кем хочу! – огрызнулась Катя.

Они довольно часто скандалили, причем поводом могла послужить любая мелочь. Инициатором всегда бывала мама, обижавшаяся то на Катин невежливый ответ, то на позднее ее возвращение из гостей, то еще на что-нибудь. Мама начинала на повышенных тонах, Катя же пыталась сохранять спокойствие. Но в последние годы она заметила одну закономерность. Маме необходимо было вывести ее из себя. Именно Катина истерика, ее слезы и раскаяние были целью любого скандала. Чем дольше Катя пыталась оставаться если не спокойной, то хотя бы внешне корректной, тем больше бесилась мама. Она принималась рассуждать о том, что Катя никак не может выйти замуж, а то, что никто ее не берет, является прямым результатом ее ужасного характера, от которого мама страдает с тех пор, как Катя появилась на свет. Конечно, мать есть мать, и она стоически, стиснув зубы переносит совместное существование с такой патологической личностью, как Катя, но ни один мужчина, разумеется, делать этого не будет. Катя была эгоистичной, жадной и неблагодарной дрянью, к тому же еще и неумехой, и вообще бесполезным и бездарным существом. Все эти теоретические выкладки мама, как научный работник, иллюстрировала практическими примерами, так что Катя в конце концов начинала верить, что именно так все и обстоит.

Ей становилось плохо, она начинала плакать, кричать, а иногда, когда мама была в особенном ударе, даже биться головой о стену. На этой стадии мать совершенно успокаивалась, говорила: «Прекрати, как тебе не стыдно, истеричка!» – и улыбалась, как вампир после удачной охоты.

Наверное, она действительно подогревалась этой энергией скандала. Но теперь Катя уже не могла тратить свои силы на истерику, теперь она была нужна своему ребенку.

Поэтому она глубоко вздохнула и не стала ни плакать, ни кричать.

– Ты говоришь о свободе? – спросила мама надменно. – Но позволь тебе напомнить известное выражение: «Каждый человек свободен, но его свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». Если бы ты жила одна, то ради бога, приглашай кого хочешь. Но пока мы живем вместе, изволь считаться со мной.

И тут Катя окончательно все поняла. Всю свою жизнь до сегодняшнего дня она считала маму не только умным и интеллигентным человеком, но еще и самоотверженной женщиной, которая живет только ради дочери. Так, во всяком случае, всегда говорила сама мама, а Катя ей верила. Но если посмотреть на вещи непредвзято, вырисовывалась совсем другая картина.

Мама воспитывала ее очень сурово, редко баловала подарками, а из развлечений Кате были доступны только посещения Эрмитажа, филармонии и Мариинского театра. Все остальное мама считала низкопробным. За несанкционированным походом с подружками в кино следовал грандиозный скандал. Вообще скандалы и бойкоты были в Катином детстве частым явлением, но она считала, что это происходит не от плохого маминого характера, а делается ради того, чтобы Катя выросла достойным человеком. Почему мама решила, что, если она по два месяца не будет разговаривать с дочерью, это благотворно скажется на формировании ее личности, было непонятно, но Катя считала, что так и надо.

Стоило Кате подружиться с какой-нибудь девочкой из класса или из музыкальной школы, как тут же подружка объявлялась «девочкой не нашего круга», о ее родителях говорились всякие гадости, и Кате запрещали с ней общаться.

Катя усмехнулась. Это какой же душой надо быть, чтобы дожить до тридцати с лишним лет и не понять, что мамашей руководил обычный эгоизм! Почему она раньше не заметила, что все скандалы разгорались не тогда, когда Катя получала двойки или не хотела посещать музыкальную школу, а тогда, когда она, по маминому мнению, не так на нее смотрела или говорила с ней недостаточно вежливо. Стоило Кате в ответ на предложение немедленно вымыть окна сказать: «Мама, я устала, давай завтра», – как на ее голову обрушивался такой водопад негативной информации о ней самой, что приходилось браться за тряпку.

Почему же Катя раньше не поняла: единственное, что было маме нужно от нее, – чтобы Катя постоянно находилась при ней в качестве прислуги и компаньонки? Именно поэтому, а вовсе не для того, чтобы оберечь Катю от дурного влияния, пресекались все ее контакты с мужчинами и женщинами!

Хотя мама и говорила постоянно, что целью ее жизни является устроить Кате хорошую партию, ей не нужна была дочь, обремененная мужем и детьми. Осознав это, Катя решилась на отпор.

– Ты тоже изволь считаться со мной! – отчеканила она. – У меня скоро будет ребенок, так что имей в виду: меня нельзя волновать.

– Что?!! – взревела мама.

– Что слышала. Я беременна.

– Ты выходишь замуж?

– Нет. Я буду матерью-одиночкой.

Мама тяжело плюхнулась в кресло.

– Принеси мне корвалол.

Катя послушно порысила на кухню. Нужно было, конечно, помягче сообщить эту новость...

Мама залпом выпила лекарство и поставила пустой стакан на ручку кресла.

– Так, докатилась, – произнесла она замогильным голосом. – И кто же виновник торжества?

– Какая разница. Считай, что я сделала искусственное оплодотворение.

Мама вскочила и принялась расхаживать по комнате.

– У нас в семье никогда не было распущенных женщин!

Это было сказано веско, с нажимом и сопровождалось пронзительным взглядом. Но Кате было все равно.

– Значит, я буду первой, – улыбнулась она.

– Ты еще смеешь шутить! Ты опозорила меня, ты хоть понимаешь это или нет? Господи, неужели я дожила до того, что моя дочь прыгает по чужим постелям? А я еще удивлялась, что общего у тебя может быть с этой шлюхой-докторшей!

– Она не шлюха, – возразила Катя.

Мама поджала губы:

– Да уж, в вашем понимании теперь все порядочные женщины. Не ожидала от тебя, Катя. Впрочем, все еще можно поправить. Если отец

ребенка не женится на тебе, придется делать аборт.

– Но я не хочу!

– Мало ли что ты хочешь! – взвизгнула мама. – Это ты своему любовнику будешь говорить: хочу – не хочу! Я не могу допустить, чтобы у моей дочери родился внебрачный ребенок. Я просто не переживу такого позора.

Катя сама удивилась, что сохраняет спокойствие. Ее немного забавляло, как мама играет роль великосветской дамы, но больше никаких эмоций она не испытывала. Забавно: мама даже не подумала о том, что чувствует Катя.

– Что ты ухмыляешься? Знаю, ты будешь только рада, если я умру!

Мама выдержала могучую паузу, во время которой Кате следовало разрыдаться и горячо уверить маму в том, что она ее смерти будет вовсе не рада. Но Катя продолжала молчать.

– Эх, Екатерина, мало я с тобой мучилась, так ты мне еще на старости лет хочешь такое устроить!

«Интересно, почему мама твердо убеждена в том, что я забеременела и решила родить ребенка с одной-единственной целью – испортить ей остаток жизни?» – весело подумала Катя.

– В общем, решай. Или ты избавляешься от этой беременности, или у меня больше нет дочери.

– Я буду рожать, – твердо произнесла Катя.

– Что ж, в таком случае я больше не желаю тебя видеть. Иди к своему любовнику, к своей этой подруге, куда хочешь, но матери у тебя больше нет.

– Ты что, выгоняешь меня из дома, что ли?

– Ты взрослая женщина, Катя, и должна понимать, что за все надо платить. – Мать с гордо поднятой головой прошествовала в свою комнату и плотно закрыла дверь.

Катя хотела сказать, что это уже какое-то средневековье, что она здесь вообще-то прописана, но передумала. Она действительно взрослая женщина. Снимет комнату, в конце концов.

Катя давно никуда не ездила, поэтому у нее не было нормальной дорожной сумки. Она покидала самые необходимые вещи в полиэтиленовые пакеты, оделась и стала причесываться возле зеркала. Она медлила, надеясь, что сейчас мама выйдет из своей комнаты,

обнимет ее и скажет: «Ладно, ничего не поделаешь, как-нибудь проживем», – но за дверью царило гробовое молчание.

На площадке она встретила Юру. Он сидел под фикусом и курил.

– Ты куда это на ночь глядя? – спросил он.

– Сама не знаю. – Катя вздохнула и присела на ручку кресла. Ей тоже хотелось закурить, но ведь никотин мог повредить ребенку.

– Seriously, Катя. Я смотрю, у тебя пакеты тяжелые, в больницу, что ли, опять собралась?

– Нет.

– А куда? – Юра не отставал. – Давай подвезу?

И тут Катя заплакала. Совершенно посторонний человек готов был ради нее изменить свои планы, везти ее куда-то только потому, что у нее тяжелые пакеты. Почему она видит помощь от кого угодно, только не от родной матери?

– Ох, Юра, не спрашивай, почему я плачу, – всхлипнула она. – От тебя можно позвонить?

– Слушай, у меня бардак такой... Звони с мобильного.

Не сразу разобравшись в кнопках, Катя набрала Светкин номер. В ответ на просьбу переночевать у нее Светка завопила: «Подгребай скорее».

Пока шли переговоры, Юра надел куртку и кроссовки.

– Куда едем? – спросил деловито, позвякивая ключами от машины.

Глава 4

– Нет, Ян Александрович, вы не должны как руководитель занимать столь пассивную позицию, – говорил Цырлин в очередном припадке занудства. – В значительной степени вы сами виноваты, что к нашему отделению сформировалось такое отношение со стороны администрации. Вы безропотно принимаете любые гонения, и это вдохновляет наше руководство на все новые и новые репрессивные меры. Мне иногда кажется, что они создают нам все более и более жесткие условия работы уже из чисто спортивного интереса. Может быть, главврач со своими начмедами заключают пари, когда же у вас кончится терпение.

Колдунову такая трактовка событий показалась забавной. Он усмехнулся.

– И ничего смешного! – возмутился Цырлин. – Вот скажите мне, почему вы со всех ног мчитесь на любую консультацию по больнице? На любую операцию? Почему рентгенолог спокойно отказывает нам в исследовании и с чистой совестью идет домой, а вы готовы оперировать в любое время суток?

– А что я должен делать? Не знаю, как вас, а меня, Эрнст Михайлович, учили в первую очередь соблюдать интересы больного. Или, по-вашему, человеку можно помереть только из-за того, что Ян Александрович Колдунов решил свою крутость показать?

– Не утрируйте. Я не говорю о действительно серьезных ситуациях. Но вот вы на днях оперировали у гинекологов. И что вы за это получили?

– стакан коньяка, – честно ответил Ян, – ну, может быть, полтора.

– Вот видите. Это была плановая операция, и вы вполне могли отказаться. Если бы вы сказали главврачу о том, что нам не дают ни грамма бесплатной донорской крови, что все хирургические инструменты мы вынуждены покупать на свои деньги, что уже несколько лет мы работаем за голый оклад, когда все остальные отделения получают хорошие премии... И что вы свой голый оклад полностью отрабатываете и не обязаны работать на других.

– Неужели вы думаете, что главврач этого не знает?

– Она знает, что вами можно затыкать все дыры и ничего за это не платить. А если приглашать специалиста вашего уровня со стороны, то ему придется платить солидные деньги.

Ян прекрасно понимал, что к чему, все-таки сам побывал главным врачом и кухню знал. Ему было не очень-то приятно, что его держат за лоха, кроме того, он мучился угрызениями совести, что не обеспечивает премии своим подчиненным. Несколько раз он давал себе слово поступать именно так, как рекомендовал Цырлин, и каждый раз это слово нарушал. Слова «Я не обязан вам помогать, разбирайтесь сами» – не шли с его языка. Как бы ему ни хотелось проявить характер, Колдунов не мог отказать в помощи больному. И Светка нравилась ему именно потому, что была такой же. Она могла ненавидеть надоедливых старух, орать на бомжей, поносить докучливых родственников, но, если было нужно, сутками не отходила от больного.

Цырлин все бубнил и останавливаться не собирался, но тут, слава Богу, зазвонил телефон.

– Ян Александрович, зайдите ко мне, – услышал он официальный голос Веры и улыбнулся.

Быстро вскочил из-за стола и встал в дверях.

– Простите, Эрнст Михайлович, я должен идти.

Колдунов влетел к Вере в кабинет, собираясь заключить ее в объятия, но неожиданно обнаружил там Светку. Докторша развалилась в кресле и сосредоточенно жевала пирог с капустой.

– Вы когда-нибудь расстаетесь? – мрачно спросил Ян.

– Свет, доедай быстрее. А вы, дорогой Ян Александрович, присаживайтесь. У меня для вас обеих новости.

Светка запихнула в рот сразу весь остаток пирога, и Вера с Колдуновым уставились на нее. Им было интересно, как она этот кусок проглотит.

– Короче говоря, товарищи, у нас крестики пришли.

Светка пожала плечами:

– Дело житейское.

– На оперированного. – Вера назвала фамилию больного. – Вы не помните, на операции не укололись, нет?

– Так, это что у нас было? Ножевое ранение? – Светка задумалась. – Вот, блин, дебилы! На сифилитика с ножом кидаются. Не понимают, что через кровь заразиться можно. Надо тебе убить такого, так отрави! Или из винтовки с оптическим прицелом шарахни.

– Я уже не говорю о том, что даже зарезать нормально не могут, – добавил Ян. – Я считаю: или убивай как следует, или уж вовсе не берись за это дело.

– Ну может, начинающий убийца был. Типа практикант.

– О чем вы говорите? – оборвала их Вера. – Вы понимаете, что могли заразиться, или нет?

Ян склонил голову и ехидно уставился на нее. «А понимаешь ли ты, Вера, что тоже имеешь шансы заболеть?» – говорил его взгляд.

– Не пугайте, пуганые, – отрезала Светка. – Тут у каждого второго больного гепатит, у каждого третьего – СПИД, так что сифилис для нас – тьфу! Мы его даже не заметим.

– Ага, пока тебе очки будет не на что надевать, – засмеялся Колдунов.

Светка тоже засмеялась. Зато Вера нахмурилась.

– Ребята, вы не понимаете, – сказала она. – Мне звонил санврач и специально предупреждал, что это очень серьезный случай. Цветущий сифилис второй стадии. У больного в крови стада этих бацилл плавают.

– Вера, даже дети в детском саду знают, что сифилис вызывает не бацилла, а спирохета, – назидательно произнес Ян.

– Пусть так, но вам придется сдавать анализы.

Светка сразу помрачнела. Она боялась уколов.

– Ну что ж, нужно провести ускоренный курс химиотерапии, – сказал Ян. – Ставьте чайник, девчонки, а я пошел за лекарством.

После какой-то удачной операции у него образовалась большая бутылка мартини. Ян берег ее на торжественный случай, но, поглядев на Светку, решил, что случай наступил. Притащив бутылку, он помахал ею перед очами дам.

Те облизнулись.

Ян знал, что из всего алкогольного многообразия женщины предпочитают именно этот коварный и, на его вкус, довольно мерзкий напиток. Прекрасная половина вообще любит все сладкое: мартини, шоколадки, пирожные. Может быть, это заменяет им те эмоции,

которые испытывают мужчины, разглядывая женские ножки и другие прелести?

– А можно я не буду сдавать анализ? – спросила Света. – Я же эпидемический тупик.

– Не зарекайся, девочка. Встретишь еще хорошего человека и отменишь свой мораторий.

Светка грустно покачала головой. Колдунов налил ей полный стакан, вздохнул и пожаловался:

– С Цырлиным сейчас общался. Он на меня наехал за то, что я не отстаиваю интересы нашего отделения у главного врача.

– Чего там отстаивать! И так сплошной отстой. – Светка не отрываясь выпила полстакана мартини.

Вера пожала плечами. Отменить страховую медицину они не могли, а все остальное было бесполезным сотрясением воздуха.

– Мне не нравится, что он пытается указывать тебе, как жить. Если человек говорит «вот я бы на твоём месте», это значит, что он на это место имеет виды.

Ян махнул рукой и весело засмеялся:

– Девчонки, нужно совсем сойти с ума, чтобы претендовать на мою должность. Я же враскоряку стою двадцать четыре часа в сутки, а меня имеют все, кому не лень. И главврач, и начальник аптеки, и сантехники, и родственники больных. Мало этого, так еще и Цырлин пытается пристроиться.

– Да, насыщенная у тебя интимная жизнь, – посочувствовала Вера.

– Кстати, помните рыженькую Катю, которая у нас тут окна заклеивала? – сказала Светка, и Ян похолодел. Мало ли что она могла наболтать при Вере!..

– Она пока у меня живет, – невинно заключила докторша, и Колдунов нарочито беззаботно засмеялся.

– Вы что с ней, ориентацию поменяли?

– А откуда вы знаете, какая у нас была ориентация? – противным голосом переспросила Светка, и он предпочел замять тему. Ему было интересно, с какой стати Катя переселилась к ней, но он решил выяснить это без свидетелей.

...Когда он вспоминал о Кате, у него теплело на душе. С ней было так приятно, как с родной. Лет десять назад он потерял бы от нее

голову. Но сейчас...

Элегические раздумья прервал звонок. Колдунова вызывали к главврачу.

Светка выжидательно посмотрела на него:

– Что, пойдешь? Судя по всему, тебя там сегодня ожидает особо утонченный секс.

Вера со Светкой переглянулись и захихикали. Ян разлил остатки мартини по стаканам.

– Ну, давайте на ход ноги. Получу свою клизму в состоянии легкого наркоза.

Секретарша уже ушла, но дверь кабинета Алевтины Васильевны была приоткрыта. Колдунов просунул в щель голову и, получив разрешение, вошел в кабинет. Алевтина Васильевна сидела за столом и читала какие-то бумаги при свете настольной лампы. Верхний свет был выключен, поэтому лицо главврача казалось мягким и сосредоточенным. Алевтина Васильевна предложила Яну сесть и, дождавшись, пока он устроится напротив нее, оторвалась от бумаг и сняла очки. В животе у Яна тут же заныло: он никогда не мог спокойно смотреть, как женщины снимают очки. У них, даже у самых стержовных, сразу становилось такое растерянное лицо... Колдунов отвернулся, ожидая, пока Алевтина Васильевна сфокусирует свой взгляд.

– Как вам работается, Ян Александрович? – доброжелательно спросила она. – Есть ли пожелания, претензии?

Он задумался.

– Так сразу и не скажешь... Вот если бы вы дали мне время подготовиться к этому разговору, другое дело.

Алевтина Васильевна улыбнулась своей фирменной американской улыбкой и встала из-за стола.

– Я сварю кофе, – предложила она и, покачивая бедрами, направилась в глубь кабинета, где у нее был специальный уголок с кофеваркой, изящным сервизом и запасом печенья.

Колдунов разглядывал ее безупречную фигуру. Нет, безусловно, его нельзя упрекать за то, что однажды он переспал с ней. Наверное, даже папа римский не устоял бы.

– Другими словами, вы на меня не в обиде, – сказала она, колдуя над кофейными чашками. – Если бы у вас были серьезные претензии, то вы бы не задумались выложить их мне, правда?

– Правда. Я, Алевтина Васильевна, понимаю, что в условиях страховой медицины работать иначе просто невозможно. Я же сам был главным врачом и понимаю, как вам тяжело.

– Неужели?

– Представьте себе. Я даже понимаю, почему вы нам премий не платите. Если вы начнете отдавать нам деньги, заработанные другими отделениями, вся больница на вас ополчится, а так в оппозиции только мы одни. И это, – вздохнул Ян, – очень слабая оппозиция.

Алевтина Васильевна пригласила его к журнальному столику, на котором она постелила белоснежную крахмальную салфетку, поставила две чашечки с упоительно ароматным кофе, а по центру водрузила графин с коньяком.

– Поухаживайте за мной, – попросила она, ставя на стол специальные коньячные бокалы. Колдунов манерно плеснул на доньшки.

Когда главврач села напротив него, положив голову на скрещенные ладони, Ян немного ошалел. Ему страшно захотелось поцеловать ее – почти как в юности.

– Знаете, вот парадокс, – устало произнесла Алевтина Васильевна, – я держу вас в черном теле, но вы единственный заведующий, который ничего от меня не требует и не качает права.

– А что, есть смысл?

– Смотря чего вы хотите добиться. Если потрепать мне нервы, то есть, а если получить что-то реальное... Ян Александрович, поверьте, я делаю все, что в моих силах! Но эта страховая медицина совершенно меня доконала. Кто ее только придумал! Нет, это же надо было устроить народу такую подлянку! Если есть система обязательного медицинского страхования, если все до единого люди имеют право на медицинскую помощь, то почему средства на их лечение нужно перечислять не в медицинские учреждения, а в страховые компании? Зачем нужны эти посредники? Они там получают зарплаты в два раза больше нашего, а сколько там сотрудников... В каждом районе сидит девочка, которая выдает страховые полисы. Серьезно так выдает, по компьютеру. А теперь объясните, зачем мне нужна эта бумажка, если я

имею право лечиться только в поликлинике по месту жительства? Неужели нельзя обслужить меня по паспорту, там ведь есть отметка о прописке? А здесь что они творят! Приходят страховые врачи, которые никогда в клинике не работали, и решают, правильно мы лечили больного или нет. То есть мы с вами, имея двадцать лет стажа, не знаем, как нужно панкреатит лечить, а они, никогда в жизни не видевшие больного, знают! И если, не дай Бог, им что-то не нравится, они просто не оплачивают историю. Я уже устала с ними ругаться...

– Никогда бы не подумал, Алевтина Васильевна, что у вас уже двадцать лет стажа, – галантно вклинился Ян.

Главврач кокетливо улыбнулась.

– Неужели? Впрочем, давайте пока о деле. – И она ласково накрыла рукой Янову ладонь. Ее глаза ярко блестели в свете настольной лампы.

Ян аккуратно высвободил свою руку и налил еще коньяку.

– Я вот что хотела предложить... Все-таки несправедливо, что лучший хирург больницы оперирует одних бомжей.

– Почему одних бомжей? – возмутился Ян. – Я беру на себя все самые сложные случаи. Иногда вполне приличные люди попадаются.

– Да, но отделение-то у вас непрестижное. В общем, Ян Александрович, пора вам выбираться из сточной канавы. Я планирую открыть коммерческий хирургический блок и предлагаю вам стать его заведующим. Хотите?

Еще бы Ян не хотел! Принятие этого поста означало возвращение в медицинскую элиту. Он сразу становился если не вторым, то третьим человеком в больнице. Да и зарплата у него сразу стала бы на порядок больше.

– За что мне такая честь?

– Господи, кого же еще я могу назначить? Вы доктор наук, врач высшей категории. Это только формальные позиции, а фактически я прекрасно знаю, что вы тянете на себе всю больницу. Вы, Ян Александрович, честный и порядочный человек, и не думайте, что я этого не ценю.

Алевтина Васильевна закинула ногу на ногу и призывно посмотрела на него.

– А мои сотрудники? – спросил он. – Могу я набрать персонал коммерческого блока из своих сотрудников?

Алевтина Васильевна засмеялась:

– Милый мой, все вакансии давно заняты. Да и кого вы считаете хорошим сотрудником? У вас же там не коллектив, а коллекция психопатов. Один ваш Цырлин чего стоит! Главтормоз больницы. Или взять эту девицу, как там ее... Нахалка, и ничего больше. Вот старшая сестра ваша действительно ничего, и если бы я уже не обещала эту должность, то с удовольствием позволила бы вам взять Веру Ивановну с собой.

Ян энергично замотал головой:

– Нет, я без Веры никуда не пойду! Как я ее брошу?

Алевтина Васильевна еле заметно поморщилась.

Она перегнулась через столик, так что ее прекрасное лицо оказалось к Яну совсем близко. Даже сквозь алкогольные пары он уловил ласковый, немного грустный аромат ее духов. Сейчас он должен был взять Алевтину Васильевну за подбородок и запечатлеть на ее губах долгий и страстный поцелуй. Но вместо этого он сидел как истукан, смотрел в сторону и сопел. Когда пауза затянулась до неприличия, он находчиво вытащил из кармана мятую пачку сигарет и попросил разрешения курить.

– Здесь не проходной двор! – раздраженно ответила главврач. Колдунов пожал плечами и убрал сигареты обратно.

– Послушайте, Ян Александрович, что вы мне детский сад устраиваете! Вы думаете, я не найду кандидата на эту должность помимо вас, что пытаетесь мне еще какие-то условия ставить? Это мое предложение вы можете рассматривать исключительно как мою любезность, как желание поощрить вас за хорошую работу. Извините, конечно, но это вы нуждаетесь во мне, а не я в вас, поэтому вам придется принять мои условия.

– Или не принять, – буркнул Колдунов.

– Что, простите?

– Я не могу уйти и бросить своих сотрудников. Они же не бросили меня, хотя каждый из них имел возможность найти себе место получше, где зарплата больше, а работы меньше. Вот вы говорите, что я лучший хирург больницы, но, поверьте, без своих сотрудников я – ничто. Мы – одна команда, как ни высокопарно это звучит.

– Достойный ответ. Но, Ян Александрович, я ничего не могу сделать. Все должности уже обещаны. Думаю, имеет смысл вам

оставить свой подростковый максимализм и со спокойной совестью принять мое предложение. Поверьте моему жизненному опыту: если бы я предложила место на коммерческом отделении любому человеку из вашей команды, он бы немедленно согласился. И его было бы не в чем упрекнуть, как будет не в чем упрекнуть и вас, когда вы примете должность. Дружба и взаимовыручка – это, конечно, хорошо, но карьеры на этом не сделаешь.

Алевтина Васильевна снова положила свою ладонь на руку Яна.

– Перестаньте дурить, дорогой.

Колдунов знал точно: один, без своих, он на новую должность не пойдет. Да Господи, так ли ему было хорошо в сливках медицинского общества, чтобы вновь стремиться туда? В конце концов, сейчас его положение было вовсе не таким ужасным, как он пытался убедить себя. Он был свободен. Для того чтобы удержаться на посту, ему не нужно перед кем-то унижаться и совершать противоправные поступки. Он жил в ладу со своей совестью. А что его ожидало? Взяв хорошую должность путем маленького предательства, он продолжал бы совершать низкие поступки, каждый раз находя оправдание своей подлости. Тут Ян вспомнил, что является принципиальным противником платной медицины. Он всегда настаивал на том, что человеческая жизнь бесценна и что человек должен получать все необходимое для ее сохранения независимо от своего благосостояния. Нельзя дать человеку умереть из-за того, что у него не хватает денег на антибиотики. Хорош же он будет, если после таких деклараций возглавит коммерческое отделение!

Он взял руку Алевтины Васильевны и нежно поцеловал, стараясь не промахнуться мимо цели.

Оба поднялись.

– Не жили богато, не фиг и начинать. – Ян махнул рукой и, слегка покачиваясь, направился к выходу.

...Вера ждала его. Увидев узкую полоску света под ее дверью, он чуть не задохнулся от радости.

* * *

Катя сама не понимала, почему она чувствует себя спокойной, даже почти счастливой, хотя ее выгнали из дома и она ждет незаконного ребенка.

Она продолжала жить в Светкиной квартире, но теперь уже на полных правах. Светины соседи хотели продать комнату, которую Катя снимала. Комната была очень приличная, двадцатиметровая, и, конечно, Катя даже не думала, что осилит такую крупную покупку.

Но Светка рассудила, что в ближайшем будущем Катя, обремененная младенцем, не сможет ни работать в училище, ни давать частные уроки, так что снимать жилье ей будет не по карману. Поэтому, считала Светка, разумнее влезть в долги, продать все, что можно, но комнату купить.

Она предлагала пойти к Катиной маме и потребовать денег у нее. Катя понимала, что юридически имеет полное право на половину квартиры, а после рождения ребенка и на две ее трети, но не хотела унижаться.

Так бы она, наверное, и болталась неприкаянная... Но спасение пришло неожиданно, откуда не ждали.

Двадцать тысяч долларов ей дала Маргарита Матвеевна. Катя продолжала навещать старушку, помогая ей убирать в квартире и закупать продукты. Иногда ее сопровождала Светка, которой нравилось, как Маргарита Матвеевна варит кофе. Так что, пока Катя хозяйничала, молодая докторша дула кофеек, заодно консультируя бывшую пациентку по медицинским вопросам. В одно из таких посещений Светка проболталась об изменениях в жизни Маргаритиной ученицы. Об отцовстве Колдунова она, впрочем, умолчала.

Старая преподавательница немного поахала, а потом сняла со стены две невзрачные картинки и сказала, что денег от их продажи на комнату должно хватить.

Катя сопротивлялась, но Маргарита Матвеевна настояла на подарке, убедив свою ученицу, что это не последние ее ценности.

– Но почему тогда вы лечились у нас? – изумилась Светка. – Ведь могли же на эти деньги хоть в Германию поехать!

Маргарита Матвеевна засмеялась:

– Я, деточка, уже не в том возрасте, чтобы мне было выгодно вкладывать деньги в собственное здоровье. А вот Катеньке помочь –

для меня большая радость и превосходное вложение капитала. Может быть, я за это доброе дело в рай попаду.

«Боже, сколько же вокруг меня хороших людей», – думала Катя, расплачиваясь за комнату. Света, приютившая ее в трудную минуту, Маргарита Матвеевна, которая не моргнув глазом отдала картинку, Юра, который, пользуясь своими милицейскими связями, их продал и обеспечил законность сделки... Список можно было продолжать. Почему она раньше не замечала, сколько вокруг людей, готовых прийти на помощь? «Просто ты поняла, что тебе никто ничего не должен», – сказала Светка, когда Катя поделилась с ней своими восторгами.

Они зажили одной семьей. Катя взяла на себя почти все немудреные домашние хлопоты, кроме стирки и глажки. Утром она отводила детей в школу, а с тем, кто будет их забирать, женщины определялись в течение дня. Ответственными за покупку продуктов были Оля с Леной. В выходной день все вместе ехали на Светкиной машине в супермаркет, запускали девочек в торговый зал, а Катя со Светкой отправлялись в кафе и дожидались их там.

Катя, считая, что девочки недостаточно приобщены к мировым художественным ценностям, взялась таскать их по музеям.

Светка в одиночку побелила потолок и поклеила обои в новой Катиной комнате, отдала ей раскладушку и огромный трехстворчатый шкаф, куда уместились все Катины пожитки – от нот до зимнего пальто.

Когда Катя немного обустроилась, ее обида на маму прошла. Она даже заскучала по ней и однажды вечером набрала телефонный номер своей квартиры.

– Как дела, мама? – спросила она, услышав в трубке раздраженное «да».

– Какие могут быть дела? – с пафосом отчеканила мать. – Моя родная дочь ушла из дому!

Катя повесила трубку. Заехав через некоторое время за вещами в мамино отсутствие, она оставила записку со своим новым номером телефона. Но мама ни разу не позвонила.

А Юра влюбился в Светку. Все началось в тот самый вечер, когда он привез к ней зареванную Катю. Увидев хозяйку в шортиках и облегающей маечке, Юра потерял дар речи и больше уже не реагировал на окружающую действительность. С тех пор он взял за правило навещать нестандартное семейство по несколько раз в неделю. Формально он приходил к бывшей соседке, но когда он возникал на пороге с вином и тортом, всем все становилось понятно.

В Светкином доме все же чувствовалось отсутствие мужской руки. Одну из дверок книжного шкафа следовало не открывать, а отодвигать, а потом аккуратно прилаживать на место. В комнате не было ни одной настенной лампы, и если Светка хотела почитать в кровати, то ставила рядом с собой табуретку, на которую водружала настольную лампу. Электрические розетки работали, только если вилка в них устанавливалась в строго определенном положении. Не говоря уже о том, что из всех кранов капала вода, а в ванной под трубой стояло ведро...

Юра радостно взялся за дело. Починил дверцу, принес дрель и повесил симпатичные бра, а однажды привел приятеля с чемоданом инструментов, и они целый день колдовали в ванной.

Он стал любимцем всей квартиры, ему прощались даже такие тяжкие преступления, как курение на кухне при закрытой форточке и прогулки по общему коридору в грязных ботинках. Любая из соседских семей считала за честь пригласить Юру к себе, если он являлся без звонка и не заставал подруг.

Света же только смеялась над своим поклонником. Нет, в Юрином присутствии она вела себя любезно и вежливо, но когда он уходил, а дети укладывались спать, довольно едко высмеивала его неуклюжие манеры и восторженные взгляды.

– Почему ты не хочешь с ним встречаться? – спрашивала Катя.

– А я должна хотеть?

– Но он хороший парень и любит тебя, это видно невооруженным глазом. Ты хоть попробуй.

– Я уж так доживу.

Катя всеми силами старалась создавать для парочки благоприятные условия. Стоило Юре прийти, как она тут же вспоминала, что обещала сводить близнецов в кино или в планетарий. А если с деньгами было напряженно, уводила их к Маргарите

Матвеевне под тем предлогом, что старушка хочет послушать игру девочек.

– Если ты продолжишь свои своднические замашки, я вломлю тебя Колдунову, уловила? – грозно сказала Светка. – Хотя я и так считаю: он должен знать, что скоро станет папой.

– Римским, – уточнила Катя и задумалась: чем бы таким напугать Светку, чтобы наложить на ее уста печать молчания? – Умоляю, не говори ему ничего. Он же не любит меня и не хочет видеть. Что он может дать мне, кроме денег на аборт, сама посуди!

– А мы тоже поженились по залету, никакой особой страсти тогда у нас не было. Я не собиралась рожать, и Мишка не хотел ребенка, а о том, чтобы пожениться, мы даже не думали. Мишка дал мне денег на аборт, я сходила прицениться в одну клинику, в другую... А на обратном пути зашла на рынок и увидела там свитер редкой красоты. Пушистый такой, с перьями и стразами. Ну, купила. Надела – и в общагу к нему. Мишка, говорю, я деньги потратила, что будем делать? А он мне: раз так, давай поженимся. Знаешь, это вообще глупо: сидеть и ждать неземной любви. Все равно что думать: в один прекрасный день ты проснешься человеком, в совершенстве знающим японский язык. Так и вы с Яном, может, поживете, и все у вас срастется.

Катя покачала головой.

– А что бы ты сказала, если бы тебя заставили выйти замуж за Юру? – спросила она.

– Как это заставили?

– Ну, мало ли рычагов давления! Да хоть бы у него обнаружилась душевная, но парализованная мама или еще что-нибудь в этом духе.

– Уверяю тебя, парализованной маме не на что рассчитывать.

– Нет, ну к тебе бы пришли и сказали, что ты, как порядочный человек, обязана за него пойти. Еще бы добавили пошлую цитату, что ты в ответе за тех, кого приручила. Что бы ты сделала?

– Послала бы на три буквы.

– А Колдунов бы не смог послать, понимаешь?

Катя шумно вздохнула и задумчиво посмотрела в окно.

С крыши весело капало.

– Снег-то тает! – радостно завопила она. – Весна наступила, Светик.

У Колдунова случился день икс. Дело в том, что он, помимо всего прочего, умел делать превосходные стрижки. Этот талант прорезался в нем еще в годы учебы в академии.

Подружка соседа Яна по общаге училась на курсах парикмахеров и оттачивала свое мастерство на курсантских головах. Понаблюдав за ней, Ян тоже взял в руки ножницы, и результаты превзошли самые смелые ожидания. Наверное, он родился уже готовым дамским мастером, такие у него выходили забористые стрижечки. Все знакомые девицы теперь стриглись только у него и заранее договаривались, чтобы попасть к нему «на прием».

Ян никогда не афишировал своего таланта. Закончив академию и остепенившись, он перестал баловаться куафюрами, но, вступив в нынешнюю должность, вспомнил былое.

Раз в месяц у Веры в кабинете разворачивали полевую парикмахерскую. Все женщины отделения могли бесплатно постричься. Вера мыла им головы и делала укладки, а Ян безостановочно щелкал ножницами, так что за вечер они успевали обслужить всех.

Светка, покорно ожидавшая своей очереди, сидела за Вериним столом и непрерывно сокрушалась о том, сколько денег мог бы заработать Ян, если бы послал куда подальше хирургию и открыл салон красоты.

– Я бы администратором к вам нанялась, – мечтала Светка, – или даже маникюршей. А там и липосакцию освоили бы, и подтяжки, и всю остальную мутотень, что по телику рекламируют.

– Да, – заголосили медсестры, – хотя бы липосакцию, Ян Александрович! Давайте вы ее освоите! Целлюлит ведь свирепствует!

Светка фыркнула и закурила. Похоже, целлюлита у нее не было.

– Светик, детка, ты бы не курила пока, – попросила Вера, – мало ли кто придет.

Только она это сказала, только Света потянулась, чтобы загасить сигарету, как открылась дверь и в кабинет зашла главврач. «Как в дурном водевиле получилось», – подумал Ян, продолжая выравнивать челку процедурной медсестре.

– Хотите подстричься? – Более неудачной фразы для начала разговора Вера придумать не могла.

Алевтина Васильевна сладко улыбнулась и с видом королевы Виктории уселась на стул.

– Благодарю, но у меня нет необходимости прибегать к услугам доморощенных парикмахеров, – сказала она. – Девочка так аппетитно курит, может быть, и меня угостит?

Светка с подобострастным видом встала и протянула главврачу свою пачку, а когда та взяла сигарету, немедленно щелкнула зажигалкой.

«Сейчас мы увидим Шэрон Стоун в фильме «Основной инстинкт»», – подумал Ян мрачно, но Алевтина Васильевна презирала штампы. Она выпустила дым без всяких эротических заморочек.

– А вот у моих сотрудниц, к сожалению, есть такая необходимость, – сварливо сказал Колдунов. – Я могу выдавать им премии только таким способом.

– Это делает вам честь. – Главврач была сама любезность. – Вы заботитесь о своем коллективе, я знаю. Только вот не совсем понятно, почему вы устроили парикмахерскую в хирургическом отделении, наплевав на все санитарные нормы. Это же додуматься надо! Хирург высшей категории готов утопить свое отделение в обрезках волос.

– Но я тут постоянно убираю, – возмутилась Вера. – И ноги мы вытираем, видите, тряпка в дверях лежит. Ни один волосок не покинул стены этого кабинета, ручаюсь.

Алевтина Васильевна пожала плечами. «Цырлин, гад, настучал, больше некому», – понял Колдунов. Для того чтобы главный врач без приглашения явилась на отделение, нужен был очень серьезный повод. Определенно она пришла по наводке Цырлина, и теперь уж Ян точно огребет неприятности! Открытие салона красоты в хирургическом отделении – грубейшее нарушение санэпидрежима.

– Разрешите, я закончу с клиентом, – буркнул он, поворачиваясь к недостриженной медсестре.

Алевтина Васильевна продолжала хранить гордое молчание, но и ухаживать не собиралась.

– Между прочим, на заре сосудистой хирургии и офтальмологии микрошвы делали человеческим волосом, – проинформировала Светка, – и неплохо получалось.

– Тут у вас не заря, – огрызнулась Алевтина Васильевна и посмотрела на нее откровенно недоброжелательно. Не иначе решила,

что Колдунов предпочел ей именно эту размалеванную девицу. – Что ж, Ян Александрович, я подожду, пока вы закончите и будете способны меня слушать. Я никуда не тороплюсь.

– Кофейку? – спросила Вера. – У меня есть плюшечки с вишневым вареньем, очень вкусные.

– Нет, благодарю. У меня свои представления о чистоте, и я не могу принимать пищу в помещении, сплошь покрытом обрезками волос. Такой вот дурацкий комплекс. И плюшки я не ем, это вредно для фигуры.

– А мне нравится, когда женщина хорошо ест, – сказал Ян, – особенно сладкие булки. Обычно это свидетельствует о добром и веселом нраве.

– Да, с веселым нравом у вас тут, кажется, все в порядке, – улыбнулась Алевтина, буравя глазами несчастную Светку. – И, откровенно говоря, Ян Александрович, я не расстроюсь, узнав, что не соответствую вашему идеалу женщины. У меня много подчиненных, и я не могу нравиться каждому из них.

Во время этого претендующего на остроумие диалога медсестры потихоньку покидали кабинет, остались только Вера, Светка и та несчастная, которую Ян достригал.

Боевые подруги бросали ему вопросительные взгляды и корчили рожи, сигнализируя, что покинут помещение по первому его знаку, но Ян такого знака не подавал. Это было малодушно, следовало вывести подчиненных из-под огня, но Колдунову крайне не хотелось оставаться с Алевтиной тет-а-тет. Наконец стрижка была закончена, медсестра схватила фен и вылетела из кабинета, как пробка из шампанского.

– Слушаю вас, – сказал Ян, снимая фартук.

– Щадя ваше самолюбие, я предложила бы вам просить ваших сотрудниц покинуть помещение. Я не могу распекать своего подчиненного в присутствии его подчиненных, это противоречит принципам деонтологии.

– Интересно, как я могу просить Веру Ивановну покинуть ее собственный кабинет? Может быть, лучше пойдём ко мне?

– Что? – переспросила Алевтина подозрительно любезным голосом. – Как хотите, я могу говорить и при этих... дамах. – Пауза перед словом «дамах» была очень короткой, но она, без сомнения,

была. – Вы, Ян Александрович, просто хулиган от хирургии. Мало того что устраиваете в отделении то цирюльню, то кабак, то бордель, вы еще пускаетесь в ничем не оправданные авантюры. Эта история со спасением ноги просто чудовищна. Вы же не себя подставляете, вы честь больницы мараете!

– А мне казалось, что хирург, делающий такие сложные операции, только добавляет почета стационару, – невинно произнесла Светка. – Нога-то прижилась, так что победителей не судят.

– Не говори, деточка, того, чего не знаешь. В этот раз все обошлось, а в другой? Кстати, все закончилось благополучно не только и не столько благодаря хирургическому искусству Яна Александровича, а главным образом потому, что пациент получил нормальную, адекватную терапию. Вы согласны со мной, товарищ Колдунов?

– Безусловно.

– Хорошо, тогда рассуждаем дальше. Может быть, вы, сладко подремывая у меня на совещаниях, все же хоть краем уха слышали, что мы не можем себе позволить покупать дорогостоящие препараты? А список предоставляемых нам лекарств так мал, что хватит пальцев одной руки, чтобы их перечесать? Или это обстоятельство ускользнуло от вашего внимания?

– Не ускользнуло.

– Прекрасно! Тогда, скажите на милость, откуда возьмутся препараты, необходимые для эффективности ваших операций? Я что, должна покупать их из средств, выделенных на другие нужды? Мы должны остаться без отопления, или мне закрыть кухню ради того, чтобы вы могли баловаться своими сосудистыми операциями?

– Зачем? Родственники же покупают!

– Покупают. Выкидывают несколько тысяч, а потом все кончается в лучшем случае ампутацией, а в худшем сами знаете чем. Одни поймут, что вы хотели поймать эфемерный шанс, а другие на вас напишут жалобу, что вы с них деньги тянули неизвестно зачем. Поверьте, Ян Александрович, и вы, девушка, эти жалобы бывают очень неприятными. Я же не со зла говорю, вы просто не видели, какая пачка жалоб у меня уже скопилась. А то еще ветераны всякие находятся, пишут в свои организации, я оттуда знаете как больно по голове получаю! Дед напишет депутату, что ему на лечение требуется,

допустим, десять тысяч, а депутат, вместо того чтобы честно сказать: «Дед! Ты не получишь от государства ни копейки, потому что все деньги мы благополучно сперли», – пишет на мое имя гневное письмо, в котором выражает недоумение, почему это я не могу обеспечить деду лечение. Хотя в принципе он должен лучше меня знать, почему я не могу этого сделать. И он дает мне указание вылечить деда бесплатно. А на какие шиши?

– Алевтина Васильевна, дорогая, мы понимаем, как вам тяжело, но что же делать? – душевно произнес Ян.

– Да не сходить с ума, а спокойно работать. У нас тут не республиканский центр, а рядовая городская больница, так что никто не ждет от вас героических и уникальных операций. Делайте себе спокойно обычный объем по экстренной помощи и лечите тем, что в больнице есть. И больных своими знаниями не напрягайте.

– Ничего себе! Это что, я буду знать, что больному поможет такой-то препарат, но не скажу ему об этом из страха, что он на меня пожалуется?

– Примерно так.

– Ну это уже заговор молчания получается, – засмеялась Светка. – Больной ведь и на это может жалобу накатать. Что его плохо лечили.

– Так ведь, Светик, никто не докажет, что ты знала о существовании эффективного, но дорогого лекарства. Спишут на твою некомпетентность, вот и все, – сказал Колдунов.

Алевтина Васильевна ухмыльнулась.

– Надеюсь, Ян Александрович, вы меня поняли, – вполне мирно сказала она, – и ваше, с позволения сказать, молодое дарование тоже пусть спрячет свой юношеский максимализм подальше. Светлана Эдуардовна в принципе компетентный врач, и мне нравится, как она работает, – неожиданно теплым тоном продолжала главврач. – Что греха таить, я ведь специально перевела ее к вам под крылышко, товарищ Колдунов, чтобы вы научили ее всему, что знаете сами. Конечно, Света много потеряла от этой рокировки в финансовом отношении, но ничего в жизни нет ценнее опыта и знаний. Потом это окупится, девочка, поверь мне.

Светка, Ян и Вера переглянулись. Кажется, у всех были одинаково круглые глаза.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», – некстати вспомнилось Колдунову.

– Все-таки я сделаю чай, – бодро произнесла Вера, когда пауза затянулась. – Алевтина Васильевна, я сейчас все уберу, и через три минуты чай будет готов.

– Да, – вскочила Светка и схватила швабру. – Плюшки – это песня! А вы что сидите, Ян Саныч? Несите, что там у вас есть.

Вера хлопотала, достала скатерть, использующуюся только в самых торжественных случаях, вроде приезда городских комиссий, и две фарфоровые чашки, из которых, на памяти Яна, ни разу еще не пили.

– Сейчас все накроем, – суежилась Вера, – угостим на славу.

Алевтина Васильевна засмеялась:

– Да уж, знаю я ваше угощение. Кто мне проверяющего из комитета до полусмерти напоил?

Ян Александрович невольно ухмыльнулся. Дядечка из комитета был стареньким отставником, принадлежавшим к поколению учителей Колдунова. Нужно же было вспомнить и профессора Смирнова, и профессора Лыткина, и многих других! А для освежения памяти пришлось воспользоваться стимуляторами.

– Нет, все было отлично. Только благодаря проявленной вами, Ян Александрович, смекалке мы удостоились самых лестных отзывов в комитете. А лично от вас этот мухомор был просто в восторге и несколько раз упоминал о ваших достоинствах на коллегии главных врачей. Но пожалуй, не стоило все-таки стоять в дверях кабинета и, глядя, как несчастный дед выписывает вензеля по коридору, ржать на всю больницу и кричать: «Хорошо пошел!»

– Да ладно, – пробормотал Ян, с ненавистью наблюдая, как Вера сервирует чай на двоих. Почему ему так больно оттого, что Вера готова оставить его наедине с Алевтиной? Сейчас она все приготовит, оставит ему ключи от кабинета и отвалит в лоно семьи, даже не думая о том, чем они тут занимаются! Наверное, она будет только рада, если Колдунов снова станет Алевтининым любовником... Яну захотелось оказаться где угодно, только подальше от всех этих баб.

Будто услышав его мольбы, зазвонил телефон. Вера взяла трубку, послушала.

– Это вас, из операционной, – сказала, протягивая Колдунову трубку, – Эрнст Михайлович.

– Ян Александрович, вам нужно подойти и оценить ситуацию, – сказал Цырлин глумливым тоном, – сделать, конечно, ничего уже нельзя, но нужно ваше присутствие для протокола.

В другое время Колдунов послал бы своего эрудированного подчиненного куда подальше, но сейчас он воспринял призыв Цырлина как избавление.

– Меня вызывают, – радостно сказал он и в доказательство своих слов помахал перед носом Алевтины телефонной трубкой, – в операционную. Очень сложный случай, так что не знаю, когда освобожусь. Вы тут, дамы, пейте чай, коньяк, ни в чем себе не отказывайте.

Светка увязалась за ним. Круглосуточная операционная находилась в другом здании, так что им пришлось надевать ватники и рысью преодолевать сотню метров плохой дороги, разделяющей корпуса. Шел мелкий дождь, поэтому Ян полой своего ватника, как орел крылом, закрывал Светке голову, а она крепко держалась за его талию, опасаясь поскользнуться в эфемерных босоножках на шпильках. Ян надеялся, что Вера с Алевтиной Васильевной наблюдают, как он в обнимку с молодой сексапильной подчиненной ловко преодолевает колдобины...

Однако, забежав в операционную и осмотрев рану, Ян сразу забыл обо всем. Ассистировать ему взялся молодой парень из военных, по фамилии Жуковец. Колдунов всегда радовался, когда этот субординатор^[3] помогал ему на экстренных операциях, и охотно обучал его хирургической премудрости.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал Цырлин сварливо, – шли на обычную язву, а тут вот что!

– Кранты, – громко сказала Светка, и Ян даже не стал ее одергивать, потому что она была совершенно права.

Вместо желудка у больного была большая кровоточащая опухоль, границы которой даже невозможно было определить.

– Ужас, – подтвердил он и заглянул за занавеску, где скрывалось лицо больного. Сердце заныло: на столе лежала совсем молодая женщина. Он посмотрел на такие же разноцветные, как у Светки, волосы, на губы, обведенные яркой помадой... Руки, безжизненно

лежащие на специальных подставках, были ухоженные, с хорошим маникюром. Женщина была красивой, жила, наверное, в свое удовольствие, не подозревая о том, что смерть уже поселилась в ней. Она строила жизненные планы, не зная, что ни одному из них уже не суждено сбыться. Может быть, она только нашла свою любовь, только собиралась выйти замуж и родить ребенка... А может быть, совсем недавно устроилась на интересную и денежную работу... Или получила наследство и собралась строить загородный дом... Когда она почувствовала резкие боли в животе, то, наверное, испугалась, но вызвала «Скорую» и доверчиво поехала в больницу, зная, что ей помогут и она, пролежав недельку на больничной койке, сможет вернуться к своим обычным занятиям. А когда ей сказали о необходимости операции, она, наверное, расстроилась только оттого, что на животе появится шов... Вряд ли она думала, что больна смертельно. Что ждет ее теперь? Попытки ушить отверстие в распадающейся опухоли вряд ли окажутся успешными, женщина обречена. Неделю, а то и больше она будет мучиться, не понимая, почему ей становится все хуже, а родственники и врачи будут неловко отводить глаза и бормотать всякие глупости в ответ на ее вопросы.

Ян, к сожалению, знал, как это бывает. Словно она будет тонуть в холодной речке и звать на помощь, а они будут проходить мимо, делая вид, что не слышат ее криков...

Колдунов взял историю болезни.

– Тридцать шесть лет, да она моего моложе, – с ужасом сказал он. Когда он курсантом работал в операционной, то видел неизлечимо больных людей такого возраста, но тогда они все казались ему уже пожилыми. Потом, взрослея и старея, он видел умирающих – сначала своих ровесников, а потом и людей намного моложе, и это очень расстраивало его.

– Ну, все это надо убирать, – сказал Колдунов бодро, – давайте, Эрнст Михайлович, и вы, товарищ Жуковец, мобилизуйте желудок потихоньку, а я к вам сию минуту, только помоюсь.

– Да вы с ума, что ли, сошли? – спросил Цырлин. – В условиях начинающегося перитонита мы никаких резекций делать не имеем права. Да Господи, у нее же огромная опухоль, она и так-то

неоперабельна. Посудите сами, нужно убирать все целиком, а это уж такая авантюра, что извините...

– Что же вы собираетесь делать? И зачем тогда вызывали меня, если не хотите делать, как я предлагаю?

– Нужно защитить отверстие по Опелю – Поликарпову, – сказал Эрнст Михайлович, и Колдунова покоробило, что он даже в такую минуту пытается поразить всех своей эрудицией и назвать по авторам давно забытый всеми способ ушивания таких язв.

– Развалится же все на фиг, – вступила в дискуссию Светка.

– Верно, – сказал до сих пор молчавший Жуковец.

Шансов перенести операцию у женщины было очень мало. Ситуация осложнялась еще и тем, что она не была обследована. Ян не знал ни истинной распространенности опухоли, ни общего состояния здоровья женщины (на то, как ее зовут, он, изучая историю болезни, умышленно не смотрел). «Пусть лучше умрет от моей руки сейчас, под наркозом, чем через две недели, приняв муки, которыми даже в аду грешников не мучают», – решил он. И мрачно сказал:

– Работаем. Вы сами меня позвали, Эрнст Михайлович, я вроде как ваш начальник, так что придется теперь делать так, как я говорю.

– Но это будет почти убийство, – возмущенно произнес Цырлин.

– Да что вы говорите! – взвилась Светка, грудью заслоняя Яна. – А вы что, можете ей предложить долгую и счастливую жизнь? Тоже мне, гуманист выискался. С Оппелем своим, блин, Поликарповым! Самый умный, что ли? Череп не жмет?

– Света, тихо. Я пошел мыться. Ты pomoжешь? – спросил Колдунов.

– Естественно.

– Ну а я вам в этом деле не участник, – с достоинством произнес Цырлин. – Это даже не авантюра. Это гораздо хуже! Вы готовы принести в жертву жизнь молодой женщины ради своих амбиций! И главное, вы никому ничего не сможете доказать, поверьте моему опыту. Она умрет самое позднее завтра утром.

Колдунов уже не слушал. Он мрачно намылil руки, привычно удивляясь, почему у них в операционной – самом чистом по идее месте в больнице – из кранов постоянно течет совершенно черная вода; потом, обработав кисти новомодным импортным средством и держа их перед собой, вошел в операционную. Сестра так же молча

надела на него стерильный халат и перчатки. Следом за ним облачили Светку, а Цырлин, едва дождавшись, пока Ян подойдет к столу, сорвал с рук перчатки, бросил их в таз и, сказав, что не желает участвовать в этом безобразии, ушел. Колдунов расставил по местам своих молодых помощников и сделал ревизию. Следовало признать, что Цырлин прав. Шансов на то, что женщина выживет, было очень мало. Однако без большой операции у нее вовсе не было этих шансов.

– Не благое дело мы с вами делаем, – глухо произнес он. – Вы, Жуковец, тоже можете идти, не берите греха на душу.

– Я помогу, – ответил тот.

Операция заняла больше шести часов, но технически у них все получилось. Когда положили последний шов, шел уже первый час ночи. Ян снял простыни, ограничивающие операционное поле, и посмотрел на лицо больной. Женщина была очень бледной, и казалось, что за время операции черты ее лица заострились и истаяли. Анестезиолог не хотел встречаться с Колдуновым взглядом, и это ни о чем хорошем не говорило. Сняв перчатки, Ян провел ладонью по безжизненной щеке, положил руку на темя женщины, представляя, как его жизненные токи вливаются в ее тело.

Он заметил, что Светка тоже держит больную за руку, при этом надувает щеки и как будто морщится.

– Что, в экстрасенсы записалась? – грустно спросил он.

– Да, блин, от себя бы отрезала, если бы в тему оказалось, – сплонула Светка.

Анестезиолог повез больную в реанимацию, а Ян внезапно вспомнил рыженькую Катю, свое мимолетное, но очень приятное приключение. Если бы она была здесь сейчас, с ними... она обязательно сдала бы свою кровь, а кровь у нее была хорошая. Ян скучал по ней больше, чем признавался себе, и уж гораздо больше, чем ему бы хотелось.

Ясное дело, Вера с Алевтиной Васильевной давным-давно ушли по домам, но в двери Вериного кабинета торчала записка. Ян решил, что это ему, и не ошибся. «Ключи от кабинета на посту, – гласило послание, – вода в чайнике, заварка на столе, а пирожки на подоконнике. Кстати, Ян, таких вещей женщины не прощают. Вера».

«Лучше бы она вела себя как собака на сене, – подумал Колдунов, – чем как добрая тетушка, всеми силами стремящаяся

устроить судьбу слабоумного племянника. Она же совсем меня не любит!» При этой мысли колдуновское сердце без всякого огня превращалось в золу и пепел.

Ян плюхнулся в кресло и жадно закурил. Светка и Жуковец засуетились, и через несколько минут перед ним стояла большая чашка, источающая упоительный аромат чая с лимоном. Он же продолжал курить, не говоря ни слова, будто онемел. Жуковец моментально умял два пирожка с мясом, залпом выпил здоровенную кружку горячего чаю и помчался в приемное отделение принимать новых больных. Светка еле успела сунуть ему сверток с плюшками. «Хорошая была бы пара для нее, – по-стариковски подумал Ян. – Мужик толковый, энергичный... Определенно нужно его на наше отделение переманить».

Потом мысли его вернулись к сегодняшней операции. Да уж, Алевтина Васильевна была совершенно права, обзывая его хулиганом от хирургии. Правду говорят, что у каждого врача к концу жизни образуется собственное кладбище. У Яна оно будет, во всяком случае, никак не меньше, чем у коллег.

– А может, выживет? – тихо спросила Светка.

– Вряд ли...

Светка шумно вздохнула. Встала, пошуршала в Вериных шкафах, ничего не обнаружив, закурила.

Так они сидели довольно долго, такие уставшие, что сил не было говорить и двигаться. Оба закинули ноги на Верин письменный стол, чтобы отек стоп, возникший от долгого стояния у операционного стола, немного сошел и можно было бы без мучений надеть уличную обувь. Пятки их почти соприкасались, и это напомнило Яну «бокмару» – вымышленный ритуал, описанный в романе Воннегута «Колыбель для кошки». От Воннегута Колдунов балдел в пору своей юности, но теперь чувства, которые он испытывал тогда, казались ему глупыми и надуманными.

– А поехали к нам, Ян Саныч? – предложила Светка. – Правда, поехали. Катька мясной рулет испекла, пивка по дороге купим...

Боже, как Яну захотелось поехать! Как хорошо было бы сейчас, сидя за столом в теплом кругу света от настольной лампы, есть мясной рулет, есть, пока от сытости невозможно станет уже дышать! А потом, с улыбкой извинившись, расстегнуть пояс штанов и, отхлебнув пива

прямо из горлышка, притянуть упирающуюся Катю к себе на колени и уткнуться носом в рыжие завитки волос возле уха... вдыхать аромат ее тела, не думая о том, что два часа назад своими руками убил человека... И закончить вечер, лежа с ней в постели, закинуть ее ногу себе на живот и заснуть, зная, что проснется в ее нежных объятиях.

Но Ян понимал, что, опустошив ее душу, сам он останется таким же пустым, как был. Он не станет нежным, высосав ее нежность, не познает любви, заставив ее полюбить себя.

И все-таки он хотел ее видеть.

Приняв его молчание за согласие, Светка вскочила:

– Ну чего, погнали?

– Я бы полжизни отдал, чтобы поехать сейчас с тобой, – с чувством сказал Колдунов. – Понимаешь?

Светка вдруг подошла к нему и молча поцеловала в лоб.

...Иногда Катя думала о себе как о другом человеке: «Боже мой, она же рождает одна, без мужа, и всю жизнь будет матерью-одиночкой». Она сочувствовала себе самой, как посочувствовала бы любой женщине, оказавшейся в такой же ситуации, но не испытывала при этом той тоски или ужаса перед будущим, которые, как ей всегда казалось раньше, должна испытывать любая одинокая беременная женщина.

Порой бледная тень этой тоски все-таки проникала в ее душу, как вздохи ночного урагана проникают в уютный, хорошо натопленный дом, и Катя начинала расстраиваться, что больше не увидит Колдунова. О нет, она не жалела о том, что полюбила распутного доктора и носит под сердцем его ребенка, но тосковала оттого, что жизнь ее не сложилась иначе.

В такие моменты ей нестерпимо хотелось, чтобы Светка проболталась Яну Александровичу о его предстоящем отцовстве. И пусть бы он женился на ней «по залету», пусть бы жил с ней, не любя... Лишь бы только видеть его каждый день! Потом это проходило, и, глядя на большую фотографию Колдунова, которая, как икона, висела у нее над кроватью, Катя вновь чувствовала себя счастливой.

Фотографию сделала Светка. Она выпросила у Юры хороший фотоаппарат, притащила его в больницу, где исцелкала целую пленку,

снимая всех подряд, а Колдунова сфотографировала будто случайно, будто он просто под руку попался. Теперь этот снимок был главным Катиным сокровищем.

Чего бы только она не отдала, чтобы Ян был рядом! Чтобы он садился ужинать вместе с ней, со Светкой и детьми! Чтобы спал с ней в одной постели, чтобы говорил ей: «Доброе утро, Рыжик!» Она непрерывно мечтала о том, что наступит день, и он придет и останется с ней навсегда... Мечтала, прекрасно понимая несбыточность своих желаний.

Иногда Катя серьезно думала о том, чтобы спрятать свою гордость и признаться Колдунову во всем, но она боялась, что, если это признание никак его не тронет, у нее вовсе не останется никаких надежд. А потом Светка, заявившись как-то с работы среди ночи, сказала, еле ворочая языком от усталости: «Знаешь, Катька, ты была совершенно права, что запретила мне говорить Яну Саньчу о ребенке», – и Катя побоялась спрашивать, отчего она пришла к такому выводу.

Но были и другие заботы.

Нужны были деньги на предстоящий декретный отпуск. К тому же Катя стала смотреть на Светкиных девчонок, как на своих, и незаметно начала делить с ней все расходы.

Никогда она еще столько не работала, как сейчас, будучи беременной.

Катя хваталась за любые частные уроки, лишь бы платили. Раньше она проводила дополнительные занятия с одаренными учениками бесплатно, а теперь тактично заговаривала о гонораре – правда, только с теми, кто имел состоятельных родителей.

Беременность ее была пока что незаметна, но Катя сообщила о ней Петру Петровичу – ведь ей предстояло как минимум год не работать, и директор должен был об этом знать. Директор краснел, как девушка, внимательно разглядывал свои ботинки, но отнесся к Кате с сочувствием и даже обещал материальную поддержку. Она только рукой махнула. Вряд ли коллектив, состоявший в основном из старых дев и разведенных женщин, готов был с сочувствием отнестись к Катиной проблеме.

Потом Катя перевезла от мамы фортепиано. Сначала она хотела заниматься с учениками в маминой квартире, пока та на работе. Но

мама, узнав, что Катя иногда ощущает боли в животе и опасается выкидыша, порадовала ее соображением, что раз уж Бог наградил Катю внебрачным ребенком, то он не допустит, чтобы она так легко избавилась от него. Нет, ей придется нести свой крест до конца. Тем не менее Катя готова была на примирение, но стоило маме узнать о Катиных планах заработать на жизнь, как тут же разгорелся скандал.

Катя слушала ее вопли и думала: все эти воспитательные порывы, все разговоры об ужасной Катиной натуре имели одну цель – как бы Катя случайно не почувствовала себя самостоятельным и полноценным человеком.

В тот вечер она ушла, но на следующий день наняла бригаду грузчиков, которые перевезли пианино. Для моральной поддержки Катя взяла с собой Светку.

Сначала мама молча сидела в позе Наполеона, скрестив руки на груди, и следила за процессом, а потом замогильным голосом произнесла: «Учти, Екатерина, моя смерть будет на твоей совести!» «А если бы не она, вы что, жили бы вечно?» – немедленно отреагировала Светка. Кате стало смешно. Она ощутила, что родительская власть над ней кончилась.

Из-за нехватки времени Катя почти забросила собственные занятия музыкой, чем вызывала нарекания Маргариты Матвеевны. А уж о чтении говорить вообще не приходилось! Но нынешняя насыщенная и суматошная жизнь нравилась ей. Так приятно было готовить еду для детей, Светки и Юры! Так весело было водить пылесосом по коврику, попутно объясняя девочкам правила умножения. И так уютно было сидеть возле фортепиано, за которым девочки по очереди делали домашние задания по музыке, и поправлять их ошибки, одновременно штопая им колготки! Если бы мама удосужилась узнать, как она живет, то немедленно заявила бы, что Катя унижается перед Светой, что она позволила сделать из себя прислугу. Но, к счастью, мамино мнение Катю больше не волновало.

Глава 5

Юра сделал Светке предложение, та решительно отказала и теперь не называла его иначе, как «брачный аферист». Но Юру это не обескураживало. Он приходил почти каждый вечер и вел себя так естественно, что даже хамоватая Светка не могла указать ему на дверь. Наоборот, когда ужин был уже готов, а Юры еще не было, она говорила Кате: «Давай подождем немного, может, брачный аферист подгребет».

Видя, какими глазами Юра смотрит на Светку, Катя чувствовала уколы зависти. Ах, почему такая сильная мужская влюбленность не досталась ей?! Почему Колдунов не сидит рядом и не смотрит на нее так же ласково?! Катя вспоминала о том, что Юра в свое время был не прочь поухаживать за ней, а она, дура, делала вид, что ничего не замечает! Все могло сложиться иначе, она могла стать Юриной женой и никогда не встретила бы Колдунова, и у них с Юрой были бы дети...

Но все случилось как случилось, и глупо горевать о том, что могло бы быть.

Катя возвращалась домой поздно, в десятом часу. До половины восьмого она проторчала в музыкальной школе, а потом пошла на плановый осмотр в женскую консультацию. Там ей сказали, что пока все идет хорошо и анализы тоже вполне приличные, поэтому настроение у нее было прекрасное. Возле дома ее внимание привлекли две фигуры рядом со Светкиной машиной. Подойдя поближе, она узнала Юру и Светку. Парочка стояла возле раскрытого капота. Юра что-то отвинчивал в глубине, а Светка освещала ему поле деятельности карманным фонариком. Оба были перемазаны то ли машинным маслом, то ли еще какой дрянью.

– Салют! – приветствовали Катю ремонтники.

– Добрый вечер.

Юра вынырнул из-под крышки капота и закурил. Светка последовала его примеру, а Катя только вздохнула. С каким удовольствием она бы сейчас тоже затянулась сигаретой!..

– Что случилось?

– Да вот, лошадь сбросила, – засмеялась Светка. – Я детей уложила, бомбить собралась, а тачка не едет!

Катя хотела спросить, ужинали ли дети, но вовремя сообразила, что такой вопрос прозвучит бестактно, особенно в присутствии официального претендента на Светкину руку и сердце.

– Посиди с нами, погода хорошая, – предложила Светка. – Да посвети, а то у меня грабли устали.

Катя покосилась на «грабли». Даже в тусклом свете фонарика было видно, насколько они грязны.

– Боже, ну и руки! Я надеюсь, у тебя завтра не операционный день? Да любой больной убежит от тебя с криком ужаса, если ты только их ему покажешь!

– Да ладно!

Они с упоением продолжили копаться в моторе, обмениваясь непонятными для Кати словами.

– Тут необходимо стационарное лечение, – констатировал наконец Юра. – Я завтра приеду на своей и отвезу тебя на веревке в сервис, идет? Ты на веревке-то умеешь ездить?

– Юрик, благодаря состоянию своей тачки я столько ездила на веревке, что теперь могу зарабатывать этим на жизнь, – парировала Светка.

Юра стал прощаться, но Катя предложила ему подняться и помыться.

Пока она сводила пятна с Юриной куртки, а Светка поила его чаем, метро закрылось.

Они постелили ему в Катиной комнате, а Катя расположилась на Светкиной раскладушке.

Светка не вернулась в комнату до утра, но за завтраком она была грустной.

– Ничего не было, – отрезала она, хотя Катя ни о чем ее не спрашивала.

– Света, ты свободная женщина и не должна ни в чем оправдываться.

– Да уж, свободная! Но он мне нравится, зараза, и это хуже всего, – зло сказала докторша. – Вот уж не думала, что Бог пошлет мне еще и такое испытание!

Ян Александрович Колдунов скучал на очередном служебном совещании. Все плакаты в конференц-зале были им уже зачитаны до дыр, лист бумаги, на котором следовало записывать руководящие указания, благополучно изрисован, так что заняться было катастрофически нечем. Он стал прислушиваться к тому, что говорит главврач, но это была старая, уже набившая оскомину пластинка. Койко-день, ограничение затрат на лечение, расширение платных услуг... Все это он мог бы повторить слово в слово, даже если бы его разбудили ночью после серьезной пьянки. Наконец главврач замолчала.

– Вопросы? – спросила она с нежной улыбкой, которая почему-то взбесила Колдунова.

– У меня всего один вопрос. – Колдунов встал, отчетливо понимая, что его заносит и что выглядит он глупо. – Почему мы все время говорим о деньгах? Мы же многопрофильный стационар, а не банк! Мы даже не частная медицинская фирма, а разговоры у нас только о рентабельности, о прибыли и коммерческих услугах. Кто-нибудь помнит, чтобы мы сидели тут и обсуждали, как внедрить в больнице новый метод лечения или как улучшить работу экстренной службы, чтобы больные по несколько часов не сидели в приемном отделении? Я лично не помню. Или у нас организация работы уже доведена до совершенства?

– Ян Александрович, я бы попросила вас говорить по существу. Люди устали, так что упражняйтесь в риторике где-нибудь в другом месте, – поморщилась Алевтина Васильевна.

– Я говорю по существу. На практике мы знаем, что у нас за лечение. Парадокс: если поступает шоковый больной, то нам выгоднее всего, чтобы он умер через десять минут пребывания в больнице. Тогда мы получим премию. А вот если он, не дай Бог, благодаря нашим стараниям или вопреки им выживет и пролежит в стационаре месяц, то мы ничего не получим. Разве что по голове за длинный койко-день.

– Послушайте, Ян Александрович, чего вы, в конце концов, хотите? – перебила его Алевтина Васильевна. – Вы говорите так, будто только что прилетели с Луны. Или вы не знаете, что такое система ОМС ^[4]? Мало того что они установили на лечение мизерные расценки, так они еще и жульничают! – Главврач уже почти кричала. – Устраивают пересортицу, будто бананами торгуют. Например, если

больной с панкреатитом прошел без операции, то они нороят оплатить его как терапевтического, а не хирургического больного. Не говоря уже о том, что почти в каждой истории болезни находятся недочеты, за которые они цепляются мертвой хваткой, чтобы вообще не отдавать нам наших законных денег. Я, товарищ Колдунов, признаю справедливость ваших замечаний, но что тут можно поделать? Все эти ваши разговоры за справедливость – это, извините меня, онанизм на поле брани, и ничего больше!

Ян слегка покраснел. Конечно, он выступил глупо, но зачем было унижать его?

– Как быстро мы находим себе оправдание, – сказал он. – Да, страховые компании такие сволочи, что пробы негде ставить, но мы, вместо того чтобы хоть как-то противостоять им, радостно становимся такими же. Раз они сволочи, то и мы хотим! Они воруют, а нам что, нельзя? Почему-то чужая подлость и низость становится для нас не предостережением, а положительным примером, стопроцентным оправданием собственной подлости и низости.

– Перестаньте кликушествовать. Если у вас есть факты, ознакомьте меня с ними, а если нет, то избавьте от зрелища вашей истерики.

«Ах ты, стерва!» – почти ласково подумал Ян.

– Ну, что хорошего тебе сказали? – поинтересовалась Вера, наливая ему чай.

– Все то же, что и обычно, – вздохнул Колдунов. – Я пытался намекнуть, чтобы нам хоть немного бабок подбросили, а Алевтина меня онанистом обозвала.

– С такой зарплатой что вам еще, Ян Саньч, остается? Ведь ни поклубить телку не сможете, ни в кабак сводить. А за так кто с вами пойдет, старый вы уже, – голосом невинной пионерки произнесла Светка из своего кресла.

– Отсутствие премии удручает меня еще и потому, что я не могу тебя ее лишить за хамское обращение с начальником.

Вера ласково погладила Яна по голове.

– Свинья ты какая, Света, – беззлобно сказала она.

– Да я чё, наоборот, хочу, чтобы он взбодрился, а то сидит как неродной. Блин, Ян Саньч, да забейте вы на эти премии. Хрен-то с

ними, мы лучше чернячка наварим.

Колдунов пожал плечами:

– Наваривай, кто тебе мешает.

– Я вот чем вас обрадую. У крестницы нашей кишечные швы зажили, я на рентгене проверила, пока вы там парились.

– Да ну?! – Ян сразу забыл про Алевтину и ее инсинуации. Речь шла о молодой женщине, которую они со Светкой оперировали по дежурству. Откровенно говоря, Колдунов был уверен, что она не доживет до утра. Но женщина выжила и, похоже, начала поправляться. Убедившись, что непосредственной угрозы ее жизни нет, Ян стал переживать за те швы, которые он наложил между пищеводом и тонкой кишкой. Швы могли прорезаться, и развился бы перитонит. Но прошла уже неделя, рентгенологически швы представлялись герметичными, так что Ян имел право считать, что операция прошла успешно.

Как бы там ни было, а несколько месяцев жизни он этой женщине подарил.

Прошло еще несколько дней, и пациентка выписалась домой. Она зашла проститься в ординаторскую и сунула Яну в карман конверт. Там обнаружилось пятьсот долларов, Ян чуть со стула не свалился, когда пересчитал деньги.

– Светка, смотри, – позвал он. – Полюбуйся на чудо.

– Не слабо!

– Значит, так, триста я Вере отдам, пусть раздаст сестрам или на ремонт отложит, а остальное – твое по праву.

– А вы, Ян Саныч? Вы же оперировали!

– Перебьюсь. Тем более мне баб теперь клубить не надо...

Светка засмеялась.

– Нет, это правда мне? По-честному?

– Такими вещами не шутят. Забирай.

В конце марта Юра повез женщин и детей на два дня в свой ментовский санаторий. Он говорил, что ему бесплатно дали номер, но Катя подозревала, что он за него заплатил. Поехали, несмотря на Светкины протесты, на его машине, и Катя, сидя на заднем сиденье между девочками, разглядывая голые, но уже начинающие зеленеть

деревья, чувствовала какую-то сладкую тоску. Ее беременности шел уже четвертый месяц, и она думала, как быстро пролетит время до родов. Как быстро наступила весна, растаял снег и проросла трава, так же быстро появится у нее ребенок. А потом распустятся зеленые листья, распустятся, пожелтеют и увянут, снова будут торчать голые черные ветки, пока не выпадет снег... Потом сойдет, вырастет новая листва и опадет, и ее ребенку исполнится год... И все это время она будет жить без Яна. Она вдруг вспомнила, как Ян ласкал ее, и ощутила острую радость от того, что носит под сердцем его дитя, и поняла, что Бог благословил их в тот момент, когда они были вместе. Она сможет пережить свое одиночество, поняла Катя.

В санатории для них был готов двухкомнатный номер, и Катя сразу принялась гадать, как же они разместятся, с учетом того, что Светка пока то ли не вступала в интимные отношения с Юрой, то ли тщательно скрывала этот факт.

Глядя на мягкие диваны, чистейшую сантехнику и хороший телевизор, Кате сразу захотелось улечься в кровать и валяться там все два дня безвылазно, одним глазом уставясь в телевизор, а другим в захватывающий детективчик. Боже, как давно она не позволяла себе подобного разврата!

Но стоило ей только заикнуться о своем желании, Светка безапелляционно заявила, что беременным необходимо много гулять, и сразу после распаковки вещей и освежающей чашки кофе вся компания отправилась на улицу.

Юра пробовал ныть, что там холодно и мокро и вообще скоро может пойти дождь, но покорно плелся за всеми.

Сначала Катя в душе проклинала подругу, что та заставляет ее шляться по каким-то никому не нужным окрестностям, где и посмотреть-то не на что, но потом ей неожиданно понравилось гулять. Дети носились взад и вперед, надолго застревая возле каждой лужи, и к концу прогулки были покрыты ровным слоем грязи, но Катя со Светкой взирали на это благодушно. В конце концов, у них был Юра, а у Юры была автоматическая стиральная машина.

Они гуляли около двух часов и, возвращаясь, заметили в конце аллеи фигуру крупного мужчины. Тот, неловко загребая ногой, быстро приближался к ним.

– Здорово, Юрасик, – завопил он громогласно, – мне как сказали, что ты здесь, сразу тебя искать помчался.

На женщин дядька даже не взглянул и вообще произвел на Катю неприятное впечатление. Он был не просто толст, а огромен, такой ходячий куб, увенчанный идеально круглой головой.

– Я не один приехал, – сказал Юра, – знакомьтесь, Катя, Света, Андрей.

– С девчонками? Так ладно, пошли вместе, за встречу тяпнем, уважуха! А это чего, дети? Ну?! Твои, что ли, Юрок?!

– Наши, – дипломатично ответил Юра, а Светка встала к нему поближе и угрожающе выпятила челюсть, видимо, усмотрев в Андрее угрозу своим девочкам.

– Так, ладно! Ну ты даешь вообще, Юрок, я не знал, что ты женат. И когда успел? Ну чего, хорошо! Тут игровая комната есть, детей туда, а мы в бар.

Сопротивляться этому огромному чудовищу с громовым голосом было невозможно. Он вел их к цели, как овчарка – отару овец. Катя пыталась увильнуть от посещения бара, но он заорал: «Да ты чего, коза, не уважаешь меня?» Даже неустрашимая Светка растерялась: как, скажите на милость, хамить человеку, который тебя просто не слышит? Женщины скорбно переглянулись. Милый умиротворяющий день перерастал в кошмарный вечер, и с этим уже невозможно было ничего сделать. А главное, Юра, кажется, не слишком огорчился появлению этого ужасного типа.

В баре компания заняла отдельный столик, мужчины заказали пиво, Светка – мартини, а Кате пришлось довольствоваться томатным соком. Андрей долго не хотел верить, что Катя отказывается от спиртного не из стремления унизить его, поэтому пришлось признаться, что она ждет ребенка.

– Видишь, как меня раскурочило? – орал Андрей на весь бар. – Круто, да?

– Да ничего, – бормотал Юра, – почти и незаметно.

– А что случилось? – с профессиональным интересом спросила Светка.

– Да чего? Пулю в чайник словил. Полгода, блин, говорить не мог, мычал. И рукой-ногой не двигал. Никто и не верил, что я встану. Две штуки баксов на таблетки ухлопал, вот и сейчас жру. – В

доказательство Андрей достал из кармана стеклянную баночку и потряс ею. – Вот завтрак, обед и ужин. Особенно вот эта, смотрите, какая здоровенная, зараза! И не проглотишь. Я, главное, только ходить начал, пацаны звонят: Андрюхин, помоги, нужно тут с конкурентами разобраться. А я чего, впадлу же сказать, что инвалид! Ну взял в одну руку нож, в другую битую бейсбольную и погнал. Еду, а сам думаю: не боец я сейчас. Меня же пальцем ткни – я с копыт долой. Ладно, думаю, как-нибудь, свои же пацаны, в обиду не дадут. Знаешь, слава Богу, в пробке застрял. Прибыл на точку, говорю: «Простите, пацаны, в пробке застрял», а они, мол, ничего, Андрюхин, мы их уже положили. У меня прямо отлегло!

– Так ты в отпуске по ранению еще?

– Ну! Вот кисну тут. Месяц почти. Задолбало все.

Так и продолжался этот вечер...

Посидев для приличия, Светка и Катя забрали детей из игровой комнаты и пошли на ужин, а потом сразу поднялись в номер.

Юра пришел часов в одиннадцать, когда дети уже спали.

– Где ты его откопал? – накинулась на него Светка. – Ну и тип!

– Этот тип вынес меня из-под огня, – буркнул Юра.

Катя очень переживала, что будет помехой для Светки с Юрой, поэтому быстро пожелала им спокойной ночи и отправилась спать в комнату к девочкам. Она думала, что до утра никто ее не потревожит, но буквально через час к ней в постель залезла Светка, обняла ее и горько заплакала. Катя ничего не спрашивала и тем более ничего не пыталась советовать подруге – просто лежала рядом, уставясь в потолок и не зная, о чем стоит поплакать.

Глава 6

У Колдунова случился внезапный припадок любви к науке, и он поехал на «круглый стол» в Институт скорой помощи. Светка долго издевалась над ним: «Да зачем вам «круглый стол», вы что, король Артур?» – но согласилась остаться в «лавке» и приглядеть за всем, пока заведующий пополняет свой интеллектуальный багаж в области лечения острого панкреатита. Колдунов в очередной раз поймал на себе ревнивый взгляд Цырлина: конечно, тот считал, что в отсутствие завотделения именно он должен исполнять его обязанности.

Как ни странно, Ян Александрович остался «круглым столом» доволен. Доклады были интересными, и он сам даже пару раз выступил в прениях, призывая коллег активнее оперировать больных с тяжелыми формами панкреатита.

Время после перерыва было отдано фармкомпаниям, которым предстояло убеждать докторов, что их немерено дорогие лекарства являются буквально панацеей. Колдунов ушел.

В вестибюле он столкнулся с двумя пожилыми профессорами, коллегами по службе в академии. Александр Юрьевич Стогов и Алексей Николаевич Кузнецов были скорее колдуновскими учителями, чем сослуживцами, но, кажется, оба искренне ему обрадовались.

– Смотри, какой красавец! – закричал Стогов, хватая Яна за плечи и поворачивая во все стороны.

– Уже уходишь? Не хочешь слушать про чудодейственные препараты стоимостью пять тысяч рублей? – ехидно поинтересовался Кузнецов.

– А на курс так и все десять выходит. Я бы сдох за такие деньги, ей-богу! – Жизнерадостный Стогов засмеялся. – Знал бы ты, негодяй, как я рад тебя видеть!

Колдунов смутился. Демобилизовавшись, он редко виделся с людьми, которые сделали из него хирурга. Пока был главным врачом, просто не имел на это времени, а потом не хотелось выслушивать слова утешения.

– Пойдем, Колдунов, поднимемся ко мне, – сказал Алексей Николаевич, – выпьем за встречу.

В кабинете профессор небрежно сдвинул наваленные по всему столу бумаги, поставил на освободившееся место бутылку превосходного коньяка и снял телефонную трубку.

– Сделай нам кофейку на троих и закусь что-нибудь...

Ровно через пять минут вошла симпатичная молодая женщина, улыбаясь, постелила на стол крахмальную салфетку, расставила чашки и тарелку с бутербродами, потом принесла кипящий чайник и исчезла.

Глядя на нее, Колдунов завистливо вздохнул.

Они со Стоговым достали сигареты, а Кузнецов, который всегда был немного пижоном, достал из ящика стола трубку, набил ее табаком из яркой железной баночки и раскурил. По кабинету поплыл приятный аромат то ли ванили, то ли еще чего-то изысканного.

– Вот что вы курите?! – сказал Кузнецов, принохаясь. – Какая гадость! Мало того что воняет, как я не знаю что, так еще и рак легких можно через сигареты заработать. Переходите, ребята, на трубку – и запах приятный, и для здоровья безопаснее.

– Этот гражданин, – произнес Стогов, показывая в его сторону сигаретой, – всего месяц как курит трубку, а уже с таким презрением отзывается о нас. Можно подумать, что трубочный табак не вызывает рака легких.

– Представь себе, не вызывает.

– Зато если долго курить трубку, – встрял Ян, – то лет через двадцать может развиться рак губы.

– Ну, я надеюсь, у меня через двадцать лет не будет рака губы, – захохотал Кузнецов и открутил пробку.

– Ох, Ян, как мы жалели, когда ты ушел! – сказал Стогов, когда они выпили по первой. – Но мы думали, что тебе будет лучше на новом месте, и радовались за тебя, а вот как все повернулось. Как ты теперь?

Яну не хотелось заводить заезженную пластинку об ужасах страховой медицины, поэтому он ответил сдержанно:

– Нормально. Больные интересные, коллектив хороший.

– Ну дай Бог. А то возвращайся на кафедру, если захочешь. Ты же у нас еще призывной. Серьезно, Ян, приходи! Ставка доцента для тебя найдется.

После бутылки коньяка, выпитой в компании учителей, Колдунов затосковал по Вере и, надеясь, что она еще не ушла, отправился в

больницу. Он брел, не разбирая дороги, и постоянно попадал в лужи. Вскоре Ян чихнул, потом закашлял и в результате почувствовал себя совершенно простуженным и несчастным.

Слава Богу, Вера оказалась на месте. Через минуту Колдунов ужепил горячий чай, а его носки и ботинки сушились на батарее.

– Опять нализался! – с досадой говорила Вера. – Везде ты находишь, даже на научном совещании, горе мое.

– Не шуми. – Ян потянулся, поймал ее за руку и притянул к себе. – Кто может осудить меня за то, что я встретил своих наставников и пропустил с ними по маленькой рюмочке коньяка? Кстати, они меня, оказывается, любят и ждут. Предлагают ставку доцента, не конь начихал.

Вера прижалась к нему.

– А ты?

– Ну куда же я от вас денусь?

– А мне кажется, что это прекрасный вариант. У тебя перспективы появятся, а с нами ты до пенсии в этой должности куковать будешь. А ты ведь большего достоин, это я тебе как специалист говорю.

– Веруша, а ты как же? Отпустишь, что ли, меня? Тебе в ту систему не вписаться.

– Отпущу, дорогой. Я, честно говоря, давно об этом хотела говорить, но боялась. Тебе из-за меня жизни нет.

– Ты с ума сошла?

– Нет. Я же жизнь тебе заедаю. Как ты мне раньше, так я тебе теперь.

– Вера, что ты несешь! – строго сказал Колдунов. – Это ты пьяная, а не я.

Вера шумно вздохнула и прижалась к нему сильнее. Помолчали. Они так давно были вместе, что обсуждать свои чувства было для них все равно что выяснять, почему небо голубое, а день сменяется ночью. Ян поцеловал Веру и положил руку ей на затылок – словно в надежде прощупать, какие еще дурные мысли копошатся в ее голове.

– Нам лучше расстаться, – после долгой паузы сказала Вера. – Тогда ты сможешь проститься с этой иллюзией любви, с этой игрой, в которую мы играем много лет, и создать нормальную семью. Ты же еще молод. И поверь, ты забудешь меня раньше, чем я тебя.

– Ты «мыла» мексиканского обсмотрелась, что ли? – прикрикнул Ян. – Чем тебя не устраивает наша жизнь? Тебе мало спокойствия и любви? Страстей захотелось неземных?

Он уже открыл рот, чтобы высказать соображения насчет климакса и его губительного влияния на женский мозг, но увидел Верино несчастное лицо и замолчал.

– Не надо, Ян... – тихо сказала она. – Я давно уже думала о том, как нам разойтись... Ты перейдешь на новое место, а я вообще уйду с работы и стану домохозяйкой. Ты не представляешь, как давно я мечтаю побездельничать.

Колдунов грустно покачал головой.

– А отделение, значит, побоку?

– Ну, Светка же останется. Она тут порядки наведет, хорошей заведующей будет, не хуже тебя. Я помогу ей на первых порах, а потом вырастим мне замену. Это очень хорошо, что тебе предложили вернуться на кафедру.

– Как быстро ты во всем разобралась, – огрызнулся Колдунов. – Просто наступит для всех рай на земле, если я вас покину.

...Потом они долго ласкали друг друга, но каждый уже знал, что в этих объятиях не найдет утешения.

Шло время, но ничего не менялось. Колдунов работал в больнице. Ни Кузнецов, ни Стогов о себе не напоминали, а он тоже им не звонил, сочтя предложение о службе на кафедре обычным трепом. Ян по-прежнему радовался при виде Веры, но ни разу больше не оставался с ней наедине, не вполне понимая, получается это случайно или Вера сознательно избегает таких встреч.

В один прекрасный день он с удивлением осознал, что давным-давно не был с женщиной и почему-то совершенно не страдает от этого. Нет, он с удовольствием разглядывал юных девиц и при случае был всегда готов прихватить какую-нибудь из них за попу, но острого желания завлечь девчонку к себе и оттянуться с ней по полной программе у него не возникало.

Колдунов грустил и постоянно ошивался в Веринем кабинете, надеясь, что она оценит его безупречное поведение.

А сейчас Вера сама зашла в операционную.

– Вы скоро заканчиваете, Ян Александрович? – осведомилась она официальным тоном.

– Да минут через пять. Уже зашиваю.

– Мне позвонили от главного врача. Она ждет вас у себя, как только вы закончите операцию.

Ян скривился: чего еще эта стерва от него хочет?

Действительность превзошла самые худшие ожидания.

В кабинете Алевтина Васильевна была не одна. За столом для посетителей сидел невыразительный дядечка лет тридцати пяти. Глаза его были серыми и тусклыми, как алюминиевые ложки, а костюм выглядел на дядечке как форма. Выражение лица Алевтины было растерянным.

– Присаживайтесь, Ян Александрович, – сухо сказала она, и Ян подумал, что, как бы дело ни повернулось, соблазнять его сегодня точно не будут.

Алевтина представила гостя как Валентина Сергеевича.

– Можно курить? – спросил этот самый Валентин Сергеевич, и главврач не только кивнула, но и поставила перед ним пепельницу. Колдунов достал сигареты, отметив, что они с чекистом – а род занятий Валентина Сергеевича уже почти не вызывал сомнений – курят одну марку.

– К вам, товарищ Колдунов, есть вопросы. – Гость глубоко и со вкусом затянулся. – К вам, да и к Алевтине Васильевне. Учтите, я желаю вам только добра, иначе мы бы разговаривали уже не здесь.

Валентин Сергеевич многозначительно замолчал. Ян тоже молчал, полагая, что его берут на понт. В чем он мог провиниться перед родиной? Даже смешно!

– Поступил сигнал, что вы, товарищ Колдунов, взятки берете, – наконец сообщил Валентин Сергеевич.

– А вы докажете, – посоветовал Ян равнодушно.

– Мы докажем, не волнуйтесь. Собственно, я делаю вам огромное одолжение, что беседую с вами тут в частном порядке, хотя должен был бы поступить совершенно иначе.

Прислал бы вам своего сотрудника под видом пациента. Он бы вам конвертик в карман сунул, неужели стали бы отказываться?

«Не стал бы», – подумал Ян и поежился.

– А в конвертике денежки, и на каждой денежке надпись светящаяся... И за понятиями у нас бы не застоялось, уж поверьте мне.

Колдунов поверил, но решил сохранить лицо.

– Слышал я о контрольных закупках, но вот о контрольных ампутациях как-то не приходилось... – протянул он.

Валентин Сергеевич вежливо улыбнулся, давая понять, что юмор оценил, и продолжил:

– Конечно, мы бы нашли способ поймать вас за руку. Но мы понимаем, что уголовное дело на заведующего хирургическим отделением не украсит репутацию больницы. Из уважения к Алевтине Васильевне я решил выехать на место и разобраться, что к чему. И что я обнаружил?

– Что вы обнаружили?

– Что, оказывается, вас уже ловили на вымогательстве.

Колдунов поморщился. Ему всегда казалось очевидным, что врач имеет право получить гонорар за свой труд, не только требующий огромного нервного напряжения, но в последние годы из-за распространения вирусов гепатита и СПИДа связанный с риском для жизни. Казалось бы, понятно, что на голую докторскую зарплату не проживешь. Но теперь, когда Валентин Сергеевич назвал вещи своими именами, Колдунов сам стал казаться себе хапугой и взяточником.

– Вот, например, заявление на имя главного врача от гражданки Богдановой. Знакомо вам это имя?

Ян признался, что это имя ему совершенно не знакомо.

– Тем не менее вы требовали с нее гонорар за операцию по удалению желудка, а также заставили приобретать дорогостоящие препараты.

– Не может того быть, – убежденно сказал Колдунов. – Удаление желудка – сложная операция, я делаю ее не каждый день и прекрасно помню, что среди моих пациентов никакой Богдановой не было.

– Правильно. Богданова – это ученица Розановой, одинокой пожилой пенсионерки. Хоть бы с этой категории лиц постеснялись деньги брать!

«Так это же Катя!» – понял Ян и совсем расстроился. Он никак не предполагал, что рыженькая способна накатать на него телегу.

– Вот такую имеем милую картинку, – развеселился Валентин Сергеевич. – Заведующий не желает выполнять свои обязанности,

злоупотребляет служебным положением, а администрация его покрывает.

При этих словах Алевтина позеленела. Валентин Сергеевич посмотрел на нее с удовлетворением и продолжал:

– Между прочим, эту жалобу администрация получила почти полгода назад, но до сих пор никак на нее не отреагировала. Ни разбора на служебном совещании, ни выговора, ничего. А Розанова наверняка была не единственной пациенткой, с которой вы требовали мзду. Да и пункт о том, что вы, доктор, настаивали на приобретении дорогостоящих лекарств, требует уточнения. Разве администрация больницы не может обеспечить лечение? Системы страхования еще никто, кажется, не отменял?

Зря он это упомянул. При слове «страхование» Алевтина Васильевна взбодрилась, как боевой конь при звуках трубы.

– Вы не понимаете, о чем говорите! – заявила она. – Все талдычат «ОМС, ОМС», а что нам реально дает это ОМС, никто не знает и знать не хочет. Думать, что по ОМС можно лечить тяжелое заболевание, так же наивно, как считать, что можно прокормить ребенка на детское пособие. Ничего, кроме пенициллина и анальгина, нам ОМС не оплачивает. И Колдунов здесь не виноват.

– Я просто хотел, чтобы бабушка поправилась, – вздохнул Ян, ужасно расстроенный Катиным предательством. – А что касается остального, то Алевтина Васильевна провела со мной частную беседу, в которой запретила брать взятки. И больше я не брал. И это я упросил Алевтину Васильевну не позорить меня на всю больницу, я все-таки не мальчик уже.

– Товарищ Колдунов, вы приглашены сюда не в качестве адвоката Алевтины Васильевны. Кроме того, у вас нет нужды защищать ее, мы ее уважаем и ценим. Да и вас, Ян Александрович, мы вовсе не считаем вымогателем, напротив. В вашей судьбе произошло досадное недоразумение, и мы прекрасно это понимаем.

«Вот блин», – с тоской подумал Ян, внезапно осознав, что вляпался в какие-то аппаратные игры и от него хотят чего-то добиться. Чего? Скорее всего художественного стука, ведь больше ничем скромным заводским отделением не мог порадовать органы государственной безопасности. А может, всплыла история со снятием его с должности главврача? И теперь Колдунова представят в роли жертвы, чтобы

запасть компроматом на его тогдашних обидчиков? Но Катя какова, змея рыжая!!!

– Не будем, наверное, назначать пока служебного расследования? – спросил Валентин Сергеевич у Алевтины, как бы советуясь с ней. – Я слышал, что Ян Александрович превосходный хирург, и, кажется, он осознает свою ошибку. Где мы могли бы побеседовать наедине?

– Нигде, – буркнул Ян, поднимаясь. – Я с вами наедине не буду разговаривать. Все, что вы хотите от меня узнать, вы можете узнать в присутствии главного врача. А секретов общих у нас с вами нет и быть не может.

– Да? Вы хорошо подумали?

– Вполне.

– И вы не хотите узнать, о чем я с вами собирался беседовать?

– Нет.

– Ну что ж, – ласково сказал Валентин Сергеевич, – не смею задерживать.

Последствия не заставили себя долго ждать. На ближайшей общебольничной конференции главврач назвала Колдунова взяточником и зачитала приказ об отстранении его от должности. Ян был переведен в рядовые врачи, а исполняющим обязанности заведующего отделением до выяснения обстоятельств назначался Цырлин.

– Ну и фиг с ним, – сказал Колдунов пригорюнившимся Вере и Светке. – Можно, я не буду давать пресс-конференцию по этому поводу? Да и что, в конце концов, произошло? Меня не арестовали, не уволили, даже выговора пока не вкатили. Я отделался легким испугом.

– Выпить хочешь? – Вера встала, принялась собирать на стол, но вдруг резко повернулась к Колдунову. – Нет, ну какая гнида! – с чувством сказала она.

– Ты о ком?

– Да об этой рыжей Кате! Она казалась мне порядочной женщиной, и на тебе! Жалоба на ровном месте!

– А ты откуда знаешь, по чьей жалобе на меня накатили?

– Ха! Чтобы записать то, чего я не знаю о больнице, хватит обертки от сникерса. Все остальное я знаю. Я знаю даже то, что

Алевтина предлагала Свете замещать тебя, но она отказалась.

Ян вытаращился на Светку. Та внезапно густо покраснела.

– Зачем же ты отказалась? – укоризненно произнес Колдунов. – Нужно было прежде посоветоваться со мной. Ты стала бы превосходным заведующим, а теперь мы все вынуждены будем терпеть Цырлина, пока нам что-нибудь попримечнее не подберут. Правда, Света, я бы несколько на тебя не обиделся.

Но все же ему было приятно, что Светка отказалась от его должности.

– Неужели это правда Катя настрочила? – спросила она. – Нет, что-то здесь не так.

– Все так. – Вера достала из шкафа рюмки и бутылку со стратегическим запасом спирта. – Светик, принеси из процедурного кабинета мерный флакон, я разведу.

Светка пошла было, но в дверях остановилась.

– Нет, не могу поверить. Это какая-то туфта.

– Да уж, мы ведь ее ничем не обидели, – кивнула Вера.

Колдунов со Светкой переглянулись. Они-то оба знали, что Ян как раз обидел гражданку Богданову. «Значит, она хотела от меня чего-то большего», – подумал он, и эта мысль неожиданно оказалась приятной. До этого момента Колдунов был уверен, что для Кати их свидание значило не больше, чем для него самого. Когда они расставались, Катя вела себя сдержанно, поэтому Ян был уверен, что она не станет его преследовать. А уж того, что она будет мстить ему за пренебрежение, да еще таким жестоким образом, он и представить себе не мог! Нет ярости страшнее, чем ярость отвергнутой женщины, это уж точно. Но если Катя возненавидела его настолько, что написала жалобу, значит, она, возможно, была в него влюблена...

А вот за это он готов был простить ей эту несчастную жалобу!.. Колдунов усмехнулся.

– Ну давай иди уже за флаконом, – поторопил он Светку.

Потом они дружно напились.

Колдунов начал было плотоядно улыбаться и делать намеки на секс, но Светка быстро остудила его, отвесив подзатыльник и прикрикнув: «Хватит! И так уже на бабах погорели!»

Ян вынужден был признать ее правоту. Действительно, отношения с женщинами у него не складывались. Он принялся жалеть себя, но тут разревелась Светка – оказывается, ей тяжело было осознать, что ее лучшая подруга оказалась такой скотиной.

– Что мне делать? – всхлипывала она. – Приду я домой, что ей скажу? Не морду же ей бить!

Чтобы привести Светку в чувство, Ян выволок ее на лестницу, где было попрохладнее. Вера проводила их благосклонным взглядом. Кажется, она не оставляла надежд поженить эту парочку.

«Вот она точно не стала бы писать на меня телегу, если бы я ее бросил, – с неожиданной злостью подумал Ян про Веру. – Потому что она вообще никогда меня не любила!»

На лестнице он пугнул вышедших покурить больных, открыл окно и подставил Светкино лицо под струи относительно свежего вечернего воздуха.

– Успокойся. Тебе не нужно ругаться с Катей. Я не сержусь на нее. Если бы не она, на меня накопили бы что-нибудь похуже. К тому же ей есть за что мне мстить.

– Даже больше, чем вы думаете, – загадочно высказалась Светка и закрыла глаза.

– Осторожно, не выпади из окна.

– Тогда уж точно вашей карьере придет окончательный и непоправимый звездеч!

Такого выражения на Светкином лице Катя еще никогда не видела! Светка без приглашения ворвалась к ней в комнату и яростно захлопнула за собой дверь.

– Что случилось? – Катя села в постели, лихорадочно соображая, чем могла так разозлить подругу... Потом заметила ее излишне резкие движения. – Светик, где же ты так напилась?

– Не твое дело!

– Пойдем, я тебя уложу.

– Пойдем знаешь куда! Хватит прикидываться! Зачем ты цветочек из себя строила, понять не могу! Испортила мужику жизнь! Или ты решила, раз так, то на, получи, фашист, гранату от советского солдата!

– У тебя что, белая горячка? – растерянно улыбнулась Катя.

Но Светка ее не слушала.

– Прежде чем катать на него донос, могла хотя бы сказать ему, что беременна. Может, он и женился бы!

– Ты с ума сошла, какой донос... – начала Катя и вдруг осеклась. – О Господи!

Как она могла забыть об «информационном письме», которое от ее имени настрочила мама! Но она была уверена, что главврач сразу отправил его в мусорную корзину – ведь за все время пребывания Маргариты Матвеевны в больнице никакой реакции на него не последовало. Господи, что теперь думает о ней Ян!

– Света, расскажи, что они сделали с Колдуновым?

– Что-что! От должности отстранили.

Катя заплакала. Никогда, ни при каких обстоятельствах она не желала ему зла. Она знала, что работа – главное в его жизни, и получилось, что она ударила по самому больному. Что толку теперь что-то объяснять? Кому нужны ее оправдания? Мама подложила ей мину замедленного действия. Но она сама тоже хороша! Как она могла подписать эту бумагу, даже не прочитав толком, что в ней написано?!

Ей было плохо как никогда в жизни. Она почувствовала, что ее любовь грубо осквернена, и осквернена ею же самой.

Почти до утра она, всхлипывая, излагала это пьяной Светке, которая годилась скорее на роль диванной подушки, чем внимательного слушателя.

– Короче, – сказала Светка в ответ на Катины откровения, – думать надо, что мы можем исправить, а не сопли размазывать.

На следующее утро Катя, проводив девочек в школу, поехала в больницу. Светка сидела дома с головной болью: проснувшись и оценив свое состояние, она позвонила на работу и долго рассказывала кому-то, какая у нее высокая температура и как ей невыносимо больно глотать.

Катя принесла ей чаю и список телефонов, по которым Светка должна была звонить и рассказывать теперь уже о Катиной болезни, сообщая, что сегодня урока не будет.

Катя знала, что главврач больницы – женщина, но к тому, что это женщина такой изумительной красоты, она оказалась не готова.

Она представила, насколько по сравнению с Алевтиной Васильевной ее лицо выглядит простеньким, фигура нескладной, а

одежда безвкусной...

– Садитесь, – любезно пригласила главврач, – я вас слушаю.

Катя села на стул и стала нервно теребить ремень от сумки.

– Так в чем дело? – спросила Алевтина любезно, но уже с ноткой нетерпения.

– Видите ли, я узнала, что от моего имени была написана жалоба на заведующего хирургией Колдунова. А я ее не писала и вообще не имею никаких претензий к этому доктору.

– Не писали? Откуда же тогда она взялась?

– Не знаю, – храбро соврала Катя. Она не хотела вмешивать маму в эту историю. Ведь если мама вдруг нарисуетя среди действующих лиц, то Яна не то что сместят с должности, а, может быть, вообще расстреляют.

– Очень интересно.

– Да, мне тоже интересно, кто воспользовался моим именем и возвел напраслину на прекрасного врача, – сказала Катя нагло.

– И вы ради этого ко мне пришли? – Главврач подняла бровь. – А откуда вы вообще знаете об этой жалобе, если вы ее не писали?

– Маргарита Матвеевна поддерживает связь с вашей больницей, – туманно ответила Катя. – У нее же онкологическое заболевание, и ей надо постоянно наблюдаться.

– И что вы хотите от меня?

– Хочу, чтобы вы поняли, что эта жалоба ложная. Ян Александрович и его сотрудники прекрасно лечили Маргариту Матвеевну, они очень компетентные, внимательные и вежливые специалисты. И они ни копейки не взяли с меня за лечение. – Это была почти правда – с Колдуновым расплачивался Петр Петрович.

– Интересно, с какой стати вы так рьяно защищаете Колдунова? – усмехнулась Алевтина и с ненавистью посмотрела на Катю.

Катя подумала, что все не так просто. С какой стати жалобу выкопали через черт знает сколько времени? Уж не связан ли Ян с главврачом более крепкими узами, чем положено по штатному расписанию? Вряд ли он мог остаться равнодушным к такой роскошной женщине. Что между ними было и что происходит теперь? Почему Алевтина так смотрит на нее? Чувствует соперницу? Но разве Катя ей соперница?

«Они любят друг друга, Ян и эта неправдоподобно красивая женщина», – решила она. Конечно, когда мужчина находится в подчинении у любовницы, то у них должны временами возникать трудности в отношениях. Именно в один из таких моментов Ян и переспал с Катей. А потом у них все наладилось...

– Я не хочу, чтобы человек страдал зря, – сказала Катя мягко. – И мне неприятно, что я оказалась замешана в эту историю.

– Тут столько всего замешано уже, – раздраженно произнесла Алевтина Васильевна, – что я просто не знаю, что делать. Впрочем, оставьте свой телефон. Я сообщу о вашем визите, и если мы сочтем нужным, то вызовем вас для беседы. Придете?

– Разумеется, приду. Я где угодно могу рассказать, что Ян Александрович честный и порядочный человек...

– Где угодно не надо, – с усмешкой перебила главный врач.

– Может быть, я напишу заявление? Чтобы у вас был документ? Или хотя бы благодарность официальную?

– Заявления не нужно, а как писать благодарности, вы можете узнать у секретаря. Всего хорошего.

Катя вышла из приемной главврача озираясь. Где-то поблизости был Ян, и она не понимала, хочет ли встречи с ним. Она боялась, что, увидев ее, он догадается о ее беременности. Правда, Колдунов вряд ли подумает, что ребенок от него... А эта история с жалобой! Ведь вполне возможно, что Катя стала причиной крушения его последних профессиональных надежд! Стараясь стать как можно более незаметной, Катя поспешила к выходу.

– Рыжик, – вдруг услышала она и вздрогнула. Колдунов стоял у гардероба с газетой в руках и ласково улыбался ей – так же ласково, как раньше. – Что ты здесь делаешь? Надеюсь, ты здорова?

– Я пришла по поводу своей жалобы, – сказала Катя, чувствуя, как у нее подгибаются ноги.

– Что, хочешь добавить пару пунктов? – Он весело засмеялся. – А ты очень похорошела, Рыжик. Пополнела, тебе идет. – Колдунов отступил на пару шагов и стал бесцеремонно разглядывать Катю. – Что-то еще в тебе изменилось... Пстой-ка... Волосы отпустила, что ли?

Катя растерянно кивнула. Светка сказала, что стричь волосы во время беременности – плохая примета.

– Ян, послушай, я понимаю, что очень виновата перед тобой и не имеет значения, почему я так поступила... Тебе наплевать, из-за каких моих выкрутасов тебя лишили работы, я понимаю, но послушай меня...

Внезапно он положил руку на ее плечо.

– Мне не все равно, Катя. Но я нисколько не сержусь на тебя, наоборот... Впрочем, что мы стоим на дороге? Пойдем, я угощу тебя кофе.

В подвале оказалось вполне уютное кафе для сотрудников, и Катя села за столик, стараясь не думать, что по всем признакам где-то рядом должен располагаться морг.

Ян принес ей капучино, тарелку с каким-то экзотическим пирожным, а себе – черный кофе.

– Ну, как ты живешь? – спросил он, усевшись напротив. – Светка говорила, вы теперь с ней вместе обитаете?

– Да, я купила комнату в ее квартире. Точнее, Маргарита Матвеевна купила ее для меня. Мне сложно стало ужиться с мамой... Впрочем, это неинтересно. Я была у главного врача и сказала ей, что никакой жалобы на тебя не писала. Хотя на самом деле я ее писала... В общем, я сказала, что ты не брал у меня ни копейки.

– Спасибо.

– Я говорю это, чтобы в случае чего у нас не было расхождений в показаниях. Не знаю только, что лучше сказать насчет дорогих лекарств. Сегодня главврач ничего не спросила, но она обещала, что меня вызовут. Что мне про лекарства-то говорить?

– Вряд ли тебя вызовут. Они добились чего хотели, и теперь эта история не имеет никакого значения. Твоя жалоба была только предлогом, не было бы ее, нашлось бы что-нибудь другое.

– Ян, раз уж мы встретились с тобой, я хочу, чтобы ты знал. Я написала эту жалобу не для того, чтобы отомстить тебе. Я вообще написала ее задолго до того, как мы с тобой ну... встретились.

Колдунов молча пил кофе, а Катя ковыряла ложкой пирожное. Она сказала все, что хотела, он великодушно простил ее, чего же еще? Нужно встать и уйти. Но никакая сила не могла бы сейчас оторвать Катю от стула.

– Но чем же все-таки я тебе не угодил? – раздраженно спросил Ян после долгой паузы.

– Понимаешь, все так глупо получилось... Я же была просто сиделкой, а всем руководил Петр Петрович, наш директор. Он рассказал мне расклад, я рассказала маме, потом она побывала здесь... Ну и написала письмо от моего имени. А я, идиотка, его подписала. Не разобравшись в ситуации, даже письма не прочитав. Я действительно думала, что ты взяточник, прости.

– А я и есть взяточник.

– Ну зачем ты так?!

– Я говорю правду. Так что не терзайся, ничего плохого ты не сделала. Я просил у тебя деньги? Просил. Ну и все!

– Ян, пожалуйста, не говори так! Я ведь тоже зарабатываю на жизнь левыми уроками музыки... – горячо заговорила Катя, но Ян ее не слушал:

– Я брал взятки, а ты как честный человек с активной гражданской позицией дала об этом знать куда следует. Так что все в порядке.

Кате стало горше горького.

– Ох, Ян, зачем ты издеваешься надо мной?

– Ну что ты, Рыжик! Я очень хорошо к тебе отношусь, правда. Если вдруг будет нужна моя помощь, я с удовольствием сделаю для тебя все, что попросишь. И прости, если я чем-то тебя обидел.

– Ничем ты меня не обидел, – зло сказала она, поднимаясь. – Если не трудно, проводи меня к выходу, а то я заблужусь.

Колдунов галантно подал ей руку, и целую минуту, пока они выбирались из подвала, Катя блаженно ощущала его тепло. Потом он помог ей надеть куртку и, прощаясь, ласково улыбнулся. Катю немедленно затопила волна восторга, она почувствовала себя такой счастливой, что даже остановилась на лестнице. Как ей повезло, что она любит такого красивого и благородного человека и носит под сердцем его ребенка! Ребенка, у которого будут такие же синие глаза и такая же ласковая улыбка...

– Ну? – спросила Светка. Она по-прежнему лежала на диване с влажным полотенцем на лбу. – Свет не включай.

Катя опустилась в кресло и отчиталась о визите в больницу.

– Может быть, ему вернут должность?

– Дай Бог, конечно... – пробормотала Светка. – Хотя я сильно сомневаюсь.

– Слушай, – осторожно начала Катя, – мне показалось, что Ян нравится вашей этой... главврачихе. Может, она использует мой отказ от жалобы, чтобы помочь ему?

Светка издевательски присвистнула.

– Слухи о них, конечно, ходят... Но неизвестно, насколько они достоверны. Я лично свечку над ними не держала. Я вообще теперь думаю, что не ты всю эту кашу заварила. Наверное, это Цырлин стучал на Яна, чтобы его должность получить. – Светка отбросила полотенце, перевернулась на живот и весело сказала: – Что ж это меня так скрутило-то не по-детски? Вроде я пить привыкшая... А ты не расстраивайся, Катя. Ну даже если спит он с ней, ему же хуже. Главврач, и не смогла любовника своего отмазать! Вот кто она после этого? Не ревнуй ты к ней!

– Я не ревную. Просто я слишком поздно поняла: если человек тебя не любит, то он ни в чем перед тобой не виноват.

Все лето у Кати прошло без отрыва от фортепиано. Светка отправила девочек на дачу к Вере, поэтому зажили они совсем холостячки. Убирали раз в неделю, а питались исключительно готовыми продуктами. Поскольку известно, что беременная женщина нуждается в витаминах, в меню ежедневно присутствовал овощной салат. Остальными составными частями рациона были пельмени и мороженое.

Впрочем, Катя была так занята, что думать о еде у нее не оставалось времени. В школе начались каникулы, и, освободившись от основной нагрузки, она нахватала чуть ли не сотню учеников, чтобы готовить их к поступлению в училище и консерваторию. Педагогом она считалась очень хорошим, поэтому от желающих заниматься у нее не было отбоя.

С удивлением Катя поняла, что, оказывается, любит деньги. Мама всегда внушала ей, что желание иметь много денег – низкое и пошлое,

а интеллигентные люди работают не ради заработка, а для морального удовлетворения, для того чтобы приносить пользу обществу. До недавнего времени Катя и сама так считала.

Теперь она занималась с учениками с десяти утра до десяти вечера, не обращая внимания на головокружение и тошноту, которые в последнее время стали ее беспокоить.

Светка уговаривала ее побережься, но Катя говорила: «Это только до августа, в августе все поступят, и я смогу отдохнуть». По вечерам она раскладывала заработанные за день деньги по разным конвертикам: на коляску, на кроватку, на приданое, на жизнь.

По поводу жалобы ее так никуда и не вызвали. От Светки Катя знала, что Ян работает в должности рядового врача, но по существу продолжает контролировать весь лечебный процесс, поскольку от нового заведующего толку мало.

Июнь и июль пролетели быстро, и наконец Катя освободилась от репетиторства. Все ее ученики поступили, и это наполняло ее законной гордостью. Она собралась отдыхать, но тут в женской консультации начали цепляться к ее состоянию здоровья: то она много прибавляет в весе, то низкий гемоглобин, то еще что-нибудь. Катя не знала, как быть: махнуть рукой на врачей или действительно начать принимать все многочисленные таблетки, которые ей выписали.

Но тут Светка взяла дело в свои руки и отправила Катю к Вере на дачу – сидеть с пятью детьми, тремя Вериными и двумя Светкиными. Вообще-то Светка собиралась делать это сама, но, чувствуя непреодолимое отвращение к дачной жизни, бросила на танк беременную подругу.

Хлопот с таким количеством детей было много, и сначала Катя растерялась, но потом быстро втянулась и даже забыла о своем плохом самочувствии.

Тридцать первого августа приехали на двух машинах Светка с Юрой, чтобы всех перевезти в город. Катя возвращалась в превосходном настроении: завтра первое сентября, а ей, впервые за много-много лет, не нужно выходить на работу! Приняв Катины подарки, врач женской консультации выписала ей декретный отпуск именно с первого сентября, чтобы каникулы не съели этих оплачиваемых недель.

Поскольку срок был уже большой, теперь Светка занималась домашним хозяйством сама, оставив Кате только готовку. Несмотря на высшее медицинское образование, Светка оказалась человеком суеверным и категорически запретила Кате, например, развешивать белье. «Если поднимать руки выше головы, это может привести к обвитию пуповины», – заявляла она. Стирать и гладить тоже было по каким-то соображениям нельзя, а вето на пылесос было наложено на вполне научной основе: если Катя будет дышать пылесосным воздухом, то ребеночек может родиться аллергиком.

Впрочем, и по поводу уборки у Светки была своя примета: она считала, что подметать пол после захода солнца крайне опасно в плане навлечения всевозможных бедствий и ударов судьбы.

Обычно, приходя домой, Светка садилась в кресло, бросала взгляд в окно и восклицала: «Ну вот! Солнце уже село! Опять не успела».

Катя смеялась: в начале осени в седьмом часу по питерским меркам еще день, но на всякий случай не возражала.

Камнем преткновения между суеверной Светкой и прагматичной Катей стал вопрос о приданом малыша.

Света была твердо убеждена, что заранее ничего покупать нельзя, поскольку среди великого множества плохих примет хуже этой просто нет! Она обещала, что все купит, пока Катя с малышом будет в родильном доме. Катя же хотела выбрать приданое по своему вкусу, да и вообще сомневалась, что Светка справится с такой сложной задачей. Ведь вполне возможно, что именно в ту неделю, которую Катя проведет в роддоме, ежедневно будут поступать сложные пациенты, и у Светки просто не останется времени на покупки. Поэтому она ходила по магазинам сама и с удовольствием выбирала фланель и ситец для пеленок, покупала чепчики и распашонки. За кроваткой и ванночкой они съездили вместе с Юрой, а покупку коляски Катя, уступив Светке, отложила на потом. Продавцы принимали Юру за Катиного мужа, и она вдруг остро пожалела, что это не так. Ах, если бы ее жизнь сложилась иначе! Она ничем не хуже других женщин, почему же счастье всю жизнь так упорно обходило ее стороной? Почему она никому не оказалась нужна?

Вернувшись домой, Катя упала на диван и горько заплакала.

– Ну, что случилось? – спросила Светка. – Валерьяночки принести?

– Только не говори, что в нашем доме есть валерьянка, – всхлипнула Катя. – У нас в аптечке одна зеленка, и та просрочена.

– Тогда давай зеленкой намажу! А ревешь ты потому, что жидкость лишняя должна выходить, почки-то не справляются уже.

– Господи, как тяжело одной! Ты не представляешь, как я переживаю, оттого что не замужем!

«Малыш, а как же я? Чем я хуже собаки?» – процитировала Светка любимую близнецами книгу, и Катя не смогла не улыбнуться.

– Да уж, зачем мне собака, когда у меня есть ты?

– Вот и чудненько, – обрадовалась Светка.

– Свет, а что, если я умру родами? Ты не бросишь малыша? – Катя, конечно, не верила, что умрет, но сегодня ее душа требовала мелодрамы.

Светка скорчила рожу.

– Не брошу! Но с тремя детьми у меня крыша слетит, в натуре. Так что ты уж живи, пожалуйста.

Большой Катин живот не ускользнул, естественно, от внимания девочек, но деликатную миссию объяснить, откуда берутся дети, Катя предоставила Светке.

– У Кати в животе ребеночек, – сказала та. – Будете хорошо себя вести, и она даст вам потрогать, как он ворочается.

С тех пор к Катиному животу постоянно тянулись детские ладошки. Закрывая глаза от усердия, девочки пытались почувствовать движения малыша. Потом они задумались над проблемой, как он появится на свет, и предположили, что Кате «разрежут животик», и заплакали от жалости к ней.

– Ну, я надеюсь, что до этого дело не дойдет, – успокоила их Светка. – Как-нибудь он найдет себе дорогу. – Она достала учебник анатомии, объяснила девочкам, что к чему, и добавила: – А заводятся дети оттого, что их мама с папой любят друг друга. Мы с вашим папой так сильно друг друга любили, что вас сразу две получилось.

– А где папа Катиного малыша? – спросила Лена. – Он что, умер, как наш?

Светка стала подмигивать Кате, чтобы та подтвердила версию, но Катя, обычно чуждая суевериям, отказалась заживо хоронить Колдунова.

– Нет, он жив. Просто очень занят...

– Он уехал надолго, – сказала Светка, – и неизвестно, когда вернется.

– Но раз они с Катей так любят друг друга, что у них завелся ребенок, то он вернется, – убежденно сказала Лена.

И Катя подумала: а вдруг вернется...

Между тем Юра не терял надежды на взаимность, хотя Светка высказалась в том смысле, что «тут ему ничего не обломится». По-прежнему он приходил пить чай и помогал чем мог, хотя за полгода уже понял, что тактика «на измор» не проходит. Светка злилась, кричала на него: «Ну что ты все ходишь!» – на что Юра невозмутимо отвечал: «Я не к тебе хожу, а к Кате, ей сейчас одной не справиться», и Светка замолкала.

Прекрасно понимая, что Юра приходит вовсе не ради нее, Катя конфузилась, когда он возил ее в консультацию или передвигал мебель так, чтобы к детской кроватке и пеленальному столу было удобно подходить.

Чувствовала она неловкость и тогда, когда Света не отпускала ее от себя, чтобы не оставаться с Юрой наедине.

– Уж объяснись ты с ним окончательно! – стонала Катя. – Хотя я не понимаю, почему ты не хочешь хотя бы попробовать. Вдруг тебе понравится?

– После стольких лет воздержания мне любой мужик понравится, – мрачно отвечала Светка. – Ну что ты, Катя, грузишь меня? При чем тут вообще секс?

– Света, но он же сделал тебе предложение! Почему бы тебе за него не пойти? Неужели ты хочешь всю жизнь быть одна? А Юра хороший парень и любит тебя. Да и тебе он тоже нравится, ты могла бы полюбить его, я знаю, если бы не вбила себе в голову, что должна всю жизнь быть верной первому мужу.

– Да, блин, он мне нравится! – завопила Светка. Они пили чай в Катиной комнате, дети уже спали или делали вид, что спят, так что можно было беседовать на самые острые темы. – И как мужик, и как человек вообще. Катя, он такое мне говорит, что хоть сериал снимай. И, типа, ничего ему от меня не надо, лишь бы только видеть меня, и что даже секс ему не нужен. Всю жизнь якобы готов провести у моих

ног. И, представь, он сам верит в эту чушь. Эх, Катя, я бы многое отдала, чтобы полюбить его.

– Так люби!

– По заказу не получится. Смешно, но я сейчас Яна Саныча вспомнила. Я его раз позвала к нам, говорю, там Катя вас ждет. А он мне: ах, если бы я только мог! Может, он тоже однолюб вроде меня?

Светке не обязательно было озвучивать это умозаключение. Катя давно решила, что Ян любит другую и никогда не сможет полюбить ее.

Шестого ноября Катя родила мальчика. Схватки начались рано утром, около семи, но Светка, умудренный жизнью человек, сказала, что торопиться в роддом не следует. Пока они доедут, пока то да се, у врачей наступит пересменка. Начнется конференция, передача дежурства, так что Катя будет совершенно лишней. Пусть, решила Светка, Катя полежит часок-другой, а ровно в девять они выйдут из дома. Катя хотела вызвать «Скорую»: она боялась, что у подруги в самый ответственный момент заглохнет машина и они, вместо того чтобы ехать в роддом, будут прыгать на дороге в надежде, что найдется добрый человек и отвезет их на тресе до ближайшего автосервиса.

Однако машина прониклась серьезностью момента и доставила Катю до Снегиревки, ни разу даже не чихнув.

– Только, Катя, ты до часу постарайся родить, – наставляла Светка, – праздник же сегодня! Сама понимаешь, дневная смена в двенадцать свалит, а дежурные за стол сядут. Напьются...

– Света, прекрати, – шипела Катя, – неужели не найдется человека, который окажет мне помощь?

– Я боюсь не того, что про тебя забудут, а того, что они взбодрятся и начнут тебе помогать!

Катю, в общем, роды не особенно пугали. Единственное, что ее пугало, это опасность родить не совсем здорового ребенка, а боль... Физические страдания, считала она, легче переносить, чем душевные.

В принципе она готова была на любые муки, лишь бы только это не повредило ребенку. Но мучиться ей пришлось всего три часа, на зависть соседкам по родильному залу.

Катя ни разу не закричала, не пожаловалась, и врачи все время ставили ее в пример остальным роженицам. Между схватками Катя

объясняла соседкам, что ей не так уж и больно и что никакого героизма тут нет. На самом деле ей, конечно, было больно, но она загадала, что если ни разу не закричит, то Ян в конце концов женится на ней.

Мальчик получился большой, пятьдесят пять сантиметров ростом и три девятьсот весом. У него были густые черные волосы. «Совсем как у папы», – нежно думала Катя, глядя на своего малыша. Она вспомнила, как смеялась над Светкой, которая утверждала, что раз Катю мучает изжога, то ребенок родится волосатым, и подумала: «Может быть, мне тоже стоит поверить в приметы?»

Как это ни странно, но теперь, родив ребенка, Катя была готова поверить, что детей приносят аисты. Страшно было даже предположить, что еще час назад этот чудесный человечек ворочался у нее в животе... Катя не могла поверить, что это ее сын, нет, это было какое-то волшебное существо, посланное ей небом...

А он был так красив! Даже выдавшие виды акушерки и детские сестры взвизгивали от восторга при виде Катиного малыша. Он же, не ведая о своей красоте, безмятежно спал и даже не захотел проснуться, чтобы взять грудь.

Катя лежала в обычном бесплатном отделении. Они со Светкой решили, что тратить тысячу долларов ради того, чтобы неделю пролежать в комфортных условиях, неразумно. Светка сказала, что, конечно, пока она жива, то поделится с Катей и ее ребенком последним куском хлеба, и что, если Катя очень хочет, можно лечь и на платное отделение. «Но подумай, на фиг столько бабла в кассу платить? Ведь врачи, которые реально у тебя будут роды принимать, из этих денег ушки от хрена получают! А в общей палате веселее! Кать, если у тебя все пучком пойдет, то и бесплатный врач тебе поможет, а если, тьфу-тьфу-тьфу, не дай Бог... то никто ничего не поделает. А врачу и акушерке мы в лапу сунем, и они будут к тебе как к королеве относиться». И Катя согласилась со Светкиными доводами.

«В лапу» дежурной смене Светка сунула не скупясь, и Катя не могла пожаловаться на плохое отношение, но у общей палаты обнаружились неожиданные минусы.

Мамы лежали вместе с детьми. Всего рожениц было три, соответственно и младенцев тоже трое. Катин сынок кричал мало, в

основном он спал с важным и сосредоточенным выражением лица, зато двое других орали почти круглые сутки. Катя не могла спать, поэтому неделя в роддоме прошла для нее как в тумане, в странном состоянии между сном и бодрствованием.

Пеленок не хватало, а памперсы они со Светкой решили использовать только в самых крайних случаях, поэтому приходилось застирывать детские пеленки под краном и сушить на батарее. Молока у нее пришло хоть отбавляй, приходилось его сцеживать, так что у Кати почти не было времени и душевных сил думать о том, что никто, кроме Светки, не встретит ее из роддома.

В коридоре был телефон-автомат, и Катя, набравшись сил, позвонила маме, чтобы сообщить о рождении внука.

– И что ты теперь от меня хочешь? – спросила мама голосом, которым можно было бы замораживать пельмени в промышленных масштабах. – Ты уже наигралась в самостоятельность и хочешь, чтобы я взяла на себя заботы об этом ребенке? Ты наконец поняла, что не сможешь одна воспитывать его?

«Ну почему все наши разговоры сводились всегда к тому, что я ни на что не способна?» – грустно подумала Катя. Когда она собиралась поступать в музыкальную школу, мама говорила: «Да, тяжело тебе будет, у тебя же нет абсолютного слуха». Как выяснилось позже, абсолютный слух у Кати был, и, слава Богу, нашелся добрый человек, который сказал ей об этом. Если Катя хотела пойти в танцевальный кружок, мама вздыхала: «Как же ты будешь танцевать, ты такая неуклюжая». И так было всегда. Если она сидела дома, мама упрекала ее в том, что она неспортивная. Если, наоборот, бежала кататься на лыжах, маме не нравилось, что Катя не сидит целыми днями за уроками.

Ну а когда Катя вошла в возраст, мама по три раза на дню повторяла с сочувствующим видом, что Катя несовременная, слишком возвышенная и ей будет практически невозможно найти подходящего молодого человека. Когда эти прогнозы оправдались, мама сменила пластинку и начала упрекать дочь в том, что она никак не может выйти замуж. Сейчас Катя поняла наконец, что единственное, в чем она была действительно виновата, так это в том, что до тридцати лет воспринимала мать всерьез и искренне верила в то, что она говорит. Как можно было оставаться такой идиоткой и не понимать, что все эти

разговоры велись не для того, чтобы помочь ей преуспеть в жизни, а, наоборот, для того, чтобы убедить ее в собственной никчемности и покрепче привязать к себе?!

Так что сейчас в ответ на мамины слова Катя только усмехнулась. Наверняка мама рассчитывала, что Катя, всегда принимавшая ее слова за чистую монету, поверит ей и на этот раз и приползет к ней, несчастная и пришибленная. Тогда можно будет разыграть роль самоотверженной матери, готовой взять на себя заботы о дочкином внебрачном ребенке. Но заботы будут заключаться в том, что мама нагрянет к ней с инспекцией, отчитает за неправильное пеленание и неправильный режим кормления, назовет неряхой и неумехой, а затем, вернувшись к себе домой, будет рассказывать своей подруге, как она надорвалась, ухаживая за нагулянным младенцем и как дочь не ценит ее самоотверженной помощи.

Удержавшись от обсуждения подобных тем, Катя сказала, что звонит по одной-единственной причине – спросить, не хочет ли мама навестить ее и посмотреть на внука.

– Я у тебя этого ребенка не просила, – ответила та и положила трубку.

Теперь Кате оставалось только молиться, чтобы самой не стать такой же матерью для своего ребенка, а наоборот – быть доброй и понимающей, чтобы сыночек мог всегда доверять ей.

Этими бессонными из-за детского крика ночами Катя иногда вставала с кровати и подходила к окну, с тоской вглядываясь в окружающий роддом сад. Чего бы она только не отдала, чтобы увидеть на дорожке сада силуэт Яна! Желание становилось подчас таким сильным, что она готова была подбежать к телефону, разбудить Светку и заорать: «Почему ты молчишь! Почему не скажешь ему, что у него родился сын?»

Но Катя знала, что никогда не унижится до этого, а Светка свято сохранит тайну. «Боже, ну почему мне попалась именно та единственная женщина из миллиона, которая умеет хранить чужие секреты?» – горько думала Катя.

Почему бы не сказать ему? Пусть он любит не ее, а какую-то другую женщину, но ребенка-то ему родила она!

Хотя подумаешь, ребенок! Не похоже, чтобы он был одержим идеей продолжения рода, и то, что он стал биологическим отцом, для него не значит ровным счетом ничего.

Катя могла предъявлять ему претензии на таких же основаниях, как клиентка банка спермы, которой по случайности достался генетический материал доктора Колдунова.

«Ну хорошо, – думала она, стоя у окна. – Допустим, я сама позвоню ему на работу, и, допустим, он поверит, что я родила ребенка от него. Ну придет он в роддом. Ну скажет, что нужно было сразу поставить его в известность, и он устроил бы меня на аборт в хорошее место. Ну ладно, скажет он, раз уж так вышло, то вот тебе, Катя, деньги, и делай что хочешь».

Нет, такого унижения она не перенесет. Вот если бы Светка по секрету шепнула ему... «А может быть, и шепнула», – сказал ледяной голос внутри ее. А Колдунов ответил: «Знаешь, Света, я люблю другую женщину, а эта придурочная Катя, которая даже предохраняться не умеет, совершенно не вписывается в мое представление о будущем. Давай, Света, ты будто мне ничего не говорила, а я периодически буду деньжат подкидывать сколько смогу».

Да, так все наверняка и было. Забывшись, Катя начала выстукивать пальцами по стеклу «Лунную сонату», но тут же опустила руку – впервые за дни ее лежания в роддоме все трое малышей спокойно спали, и разбудить их было нельзя ни в коем случае.

...Господи, ну как она сразу не догадалась! Конечно, Ян прекрасно все знает. Недаром Светка время от времени притаскивала то по тысяче, то по две и распихивала их по детским конвертам. Говорила, что с гонораров, но, видимо, врала.

Но неужели у него ничего не дрогнуло, когда они встретились в больнице? Что же он, зная, что она беременна его ребенком, старательно делал вид, что не замечает ее беременности? «Пополнела, тебе идет!» Неужели человек, которого она любит, такой подлый и холодный?

Нет, не подлый и холодный, просто хотел избавить и ее, и себя от неприятного объяснения.

Так что не видать ей Колдунова на этой садовой дорожке, хоть даже она все глаза себе проглядит. Человек может все: покорять Эверест, прыгать с парашютом, терпеть боль, голодать, убивать – все,

что угодно. Не может он только одного – заставить полюбить себя. И в этом никто не виноват – ни любящий, ни любимый.

...Ее сын проснулся, но не завопил, а закричал. Показал, обрадовалась Катя, вынула малыша из кроватки и понесла мыть-пеленать, стараясь не разбудить соседей по палате. Высокие материи сразу выветрились у нее из головы.

* * *

За ней приехали Юра со Светкой, на двух машинах. «На случай, если одна сломается», – поняла Катя. Они привезли гору цветов, причем Юра держался как Катин муж, а она стеснялась сказать, что ей совсем не нужна эта показуха.

Светка очень хотела поддержать ребенка, но Катя боялась выпускать из рук свое сокровище.

Дома все было вылизано до блеска, Светка даже окна вымыла и заклеила и занавески постирала.

В своей комнате Светка собрала стол, причем не так, как обычно делала на праздник – из готовых продуктов, нет, на этот раз она не поленилась покрошить настоящий оливье и приготовить селедку под шубой. Катя перевела взгляд на комод, где виселось блюдо с пирогами.

– Это не я, – поспешно сказала Светка. – Это Вера Ивановна по спецзаказу.

– Слава Богу, а то я уже стала опасаться за твое здоровье, – улыбнулась Катя. – А где Оля с Леной? Могли бы и пропустить сегодня уроки, они ведь так ждали появления ребеночка на свет.

– Ой, Катя, да я не знаю даже... Может, им лучше пока не подходить к малышу? Мало ли какую заразу из школы принесут!

– Ну, салатиков-то поесть они могли бы!

– Поедят, у меня для них заначено. Ну что, идем пеленать молодца?

Когда Катя гордо развернула ребенка, Светка завопила не своим голосом. Катя уже успела немного привыкнуть к восторгам по поводу выдающейся красоты малыша, но все же ей было очень приятно.

– Ой, Катя, ты и постаралась! – сказала Светка, успокоившись. – Ты же ксерокопию папаши его родила. Это же Ян Саныч в чистом виде, только колпака и маски не хватает.

Катя подумала, что в колпаке и маске на Яна Александровича будет похож любой ребенок, но, внимательно взглядевшись в своего сыночка, поняла, что Светка права. Как ни странно, но Катя плохо помнила лицо Колдунова, вместо него всегда представлялось какое-то светлое пятно с ярко-голубыми глазами. А теперь, переводя взгляд с фотографии отца на сына, Катя видела, что они просто фантастически похожи! И дело тут было даже не в ярко-голубых глазах (у многих малышей этот цвет сохраняется до полугода), и не в носике, способном украсить любое «лицо кавказской национальности».

Просто этот ребенок был Колдуновым, сыном Колдунова.

– Как назовем? – спросила Светка.

Катя потупилась:

– Я хотела в честь отца.

– Ян Яныч? Нет, нам тут не нужны китайские мотивы.

– Но он же не будет Яновичем! Или ты предлагаешь стащить у Колдунова паспорт и тайно зарегистрировать ребенка на него?

– Неплохая идея, но, к сожалению, не прокатит. Если он признает себя отцом, то должен будет лично подписать бумаги в загсе. Придется или поить его до коматозного состояния, или мне под него гримироваться...

– Ну вот. Тогда пойдем и запишем Яном Александровичем Богдановым.

– Нет уж! Насколько мне известно, когда вы делали этого красавца, никаких Александров там и близко не было. Или были?

Катя засмеялась.

– Короче, мы запишем в метрике все чин по чину, – говорила Светка, – и фамилию Колдунов дадим, только нам выдадут справку, что это фиктивный отец. Хотя на самом деле он не фиктивный, а эффективный. Так что давай соображай, какое имя сочетается с отчеством Янович. О чем только думали его родители, когда называли его Яном? Или они надеялись, что у него не будет детей?

– Ты еще скажи, что он живет бездетным, потому что не хочет плодить людей с таким отчеством! – Катя оторвала взгляд от своего пока еще неизвестно кого Яновича и посмотрела на Юру. Тот молча

сидел в углу и мужественно терпел, пока женщины любовались малышом. – Может быть, Юра? – сказала она нерешительно.

– Юрий Янович! – с отвращением произнесла Света, и предполагаемый Юрий тут же заревел. Катя взяла его на руки и приложила к груди.

– Не звучит, – донеслось из угла. Посмотрели по святцам, но ни одно из имен не вдохновило. Светка предлагала тянуть жребий. Катя ждала какого-нибудь знамения свыше.

– Слушайте, девчонки, а ведь вашего-то наверняка неспроста Яном назвали, – сказал Юра. – В честь деда, наверное, так во многих семьях делают. Александр Янович – Ян Александрович, и так далее. Так что пусть он будет Санькой.

– Саня... – позвала Светка. Ребенок мгновенно описал Кате платье. – Ну вот, слава Богу, нашли имя.

* * *

После перевода в рядовые врачи в жизни Колдунова произошло не так уж много перемен. Раньше, имея собственный кабинет, он почти не пользовался им, потому что работал в ординаторской, а чай пил у Веры. Консультировать сложные случаи его и теперь вызывали ничуть не реже, чем раньше, да и на отделении он участвовал в лечении практически всех больных. Цырлин, заняв место Колдунова, занимался в основном тем, что, по выражению Светки, «торговал рожей». Он с умным видом ходил на обходы, выступал на общепольничных конференциях, так что всем становилось понятно, что Ян Александрович, вояка неотесанный, мало того что взятки брал, так еще и зажимал такого грамотного специалиста. Иногда, слушая гладкую, немного старомодную речь Цырлина, Колдунов и сам думал, что был не вполне к нему справедлив. Но Светку Цырлин тиранил нещадно.

– За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, Светлана Эдуардовна, – поучал он. – Невозможно и детей воспитывать, и в хирургии преуспевать. Вы на конференции опаздываете...

– Мне детей в школу надо!

– ...на конференции опаздываете, с работы раньше времени уходите. А до ваших детей какое мне дело, простите? Я должен лечебный процесс обеспечивать, а не всеобщее образование. Идите работать в поликлинику...

– Сами идите... знаете куда! – огрызалась Светка.

– Послушайте, Эрнст Михайлович! – не выдержал услышавший конец разговора Колдунов. – Когда я заведовал отделением, Светлана Эдуардовна справлялась с работой ничуть не хуже вас. Она успевала и служебные обязанности выполнять, и детей воспитывать.

– Вот чего я не успевала, так это стучать, – сказала Светка.

– Да как вы смеете меня так оскорблять! – моментально вышел из себя Цырлин, чем окончательно убедил Яна со Светкой, что без его сигналов не обошлось.

В конце концов на отделении сложились чисто формальные отношения. Цырлин внимательно следил, чтобы все приходили на работу вовремя, а от заболевших в обязательном порядке требовался бюллетень, чего при Колдунове не водилось. Столь же скрупулезно Цырлин выполнял и те распоряжения начальства, отчета о выполнении которых никто и никогда не просил.

Так, например, ни на одном отделении не велся журнал консультаций. Смысла в нем не было никакого, а времени на его заполнение уходило бы много. Поэтому по молчаливому соглашению врачи его не вели, а администрация не проверяла.

Цырлину же этот журнал зачем-то понадобился. Как и журнал учета рабочего времени, которого тоже на отделении сроду не водилось.

Правда, в условиях тотальной нехватки денег в педантичности Цырлина были и положительные моменты: теперь на отделении не расходовалось ни метра пленки, ни грана медикаментов сверх положенного. Колдунов боялся, что такой голодный паек отрицательно скажется на качестве лечения, но нет – после бесед с Цырлиным больные сразу находили средства на необходимые лекарства.

«Может быть, он действительно лучший заведующий, чем я, – думал Колдунов, – может быть, я не создан для административной работы?»

У него вообще началось тоскливое время. Вера вдруг взяла да и ушла из больницы, заявив: «Зачем же мы будем тут тонуть все втроем,

когда можем выплыть поодиночке? Я хочу стать домохозяйкой, Ян только свистнет, ему сразу же место в академии дадут, ну а Светка... Да Господи, неужели молодому перспективному хирургу места себе не найти? Цырлин-то по-любому нам жизни не даст». Никакие колдуновские уговоры не помогли.

Сам он всегда считал, что любит Веру скорее как человека, чем как женщину, что секс – не главное в их отношениях, а просто раз уж они любовники, то им полагается заниматься любовью. Он наивно думал, что больше всего ценит Веру за ласковые руки и вкусные пирожки, а грешить ему гораздо приятнее будет с молодой упругой девочкой.

Но в один из одиноких вечеров он, затащив к себе такую молодую упругую девочку, долго тискал ее, но в результате ничего не почувствовал и ничего не смог.

С Верой же все получалось само собой...

Колдунов очень тосковал по ней, но делать было нечего. Раньше он даже завидовал Вере, у которой дома под боком всегда был муж, а на работе – любовник, и считал, что она довольна таким комплектом. И только после разрыва он понял, что все это время Вера была вынуждена скрывать их связь и жила в постоянном страхе, что о ней узнает муж...

Почему-то в голову стали лезть мысли о самоубийстве. Не то чтобы он хотел проститься с жизнью по-настоящему, но периодически, просыпаясь ночью, он представлял себе, как идет в ванную, вывинчивает лезвие из бритвенного станка... Для того чтобы обнажить и перерезать бедренную артерию, ему, хирургу, хватит полутора минут. Нужно только открыть входную дверь, чтобы его труп не гнил в запертой квартире слишком долго...

Понимая, что эти мысли могут быть признаком начинающегося безумия, Ян гнал их от себя, но безуспешно. Он снова и снова просыпался по ночам, вставал, пил чай, курил, смотрел в окно, а в голове крутилось, крутилось, крутилось... В конце концов он чертыхался, обзывал себя истеричкой и хватался за какую-нибудь необременительную книгу в надежде уснуть. Снотворное он не пил, опасаясь, что, оглушенный таблетками, не сможет нормально оперировать.

За это время Ян несколько раз звонил Вере, говорил, как ему плохо без нее, умолял о встрече, но Вера категорически отказывалась. Он думал: так она расплачивается с ним за те времена, когда он был женат и проповедовал такие прогрессивные идеи, как «брак убивает любовь» и «чем меньше люди зависят друг от друга, тем крепче их чувства».

Наверное, он получил сполна за свое тогдашнее поведение, хотя... как знать... На каких весах можно это измерить?

Ян был близок к нервному срыву, и Цырлин, не подозревая об этом, ходил по лезвию ножа. Когда он ругал Яна за небрежное оформление историй болезни, тот готов был вместо извинений заехать ему кулаком в нос.

Так жить было нельзя. Необходимо было что-то изменить, иначе, Колдунов понимал, он сойдет с ума по-настоящему.

Кончилось тем, что он сосватал Светку гражданским работником на свою кафедру, а сам отправился в военкомат и подписал контракт на полгода.

Когда он уже ходил с «бегунком», старшая сестра, заменившая Веру, передала ему, что главный врач хочет его видеть у себя в половине шестого. Ян мысленно выругался. О чем с ней говорить? «Если Алевтина будет просить прощения, так мне еще придется уговаривать ее, что все в порядке», – мрачно думал он. На этот случай пришлось сбегать к метро и купить три розы.

Главврач с ласковой улыбкой приняла цветы и поставила в вазу. Судя по всему, она пребывала в некоторой растерянности, что необычайно ей шло.

Зная, что это его последний визит к Алевтине, Колдунов особенно внимательно разглядывал сегодня ее кабинет. Окна были занавешены не пыльными тяжелыми шторами, а хрустящими белоснежными занавесками, на подоконниках цвели разнообразные цветы, а в углу разрослась и сверкала влажными, явно недавно протертыми листьями монстера. Странно, раньше он ничего этого не замечал. Интересно, замужем ли Алевтина? И вдруг она вовсе не стерва? Вдруг она, придя домой, становится нежной женой, заботливой матерью и радушной хозяйкой?

– Вы уходите от нас, – то ли спросила, то ли сообщила главврач, закончив с розами. – Жаль.

– Послушайте...

– Нет, не надо, я все понимаю. Работать под руководством такого долдона, как ваш теперешний заведованием, невозможно. Да и вообще... Очень многие коллеги завидовали вам, а теперь будут злорадствовать, глядя на ваше падение. Знаете, у вас даже прозвище появилось – Падший Ангел.

Колдунов усмехнулся.

– Я думаю, что Люцифер создал ад именно для того, чтобы не встречаться с коллегами-ангелами, знавшими о его былом могуществе... Но, Алевтина Васильевна, я бывал в такой ситуации и раньше, помните? И ничего, справился. Как говорится, если вы утонете и ко дну прилипнете, полежите часа два, а потом привыкнете. Нет, я уйду не из-за этого. Просто пока я заведовал отделением, я мог делать именно то, что умею и люблю делать, а сейчас – увы, нет. Кроме того, если меня приглашали на сложные случаи и я принимал ответственные решения, то статус позволял мне настаивать на них и претворять их в жизнь. А сейчас?

Алевтина Васильевна вздохнула.

– Я не буду уговаривать вас остаться. Но мне жаль, – повторила она. – На ваше отделение направляли самых тяжелых больных, потому что все знали: вы сделаете для их спасения все, что возможно. А теперь отделение развалится.

Колдунов промолчал.

– Но, Ян Александрович, поступить иначе я не могла. Скажу вам по секрету, что тут соединилось сразу несколько факторов. От меня давно требовали показательного процесса, а то врачи совсем распоясались. А тут Цырлин со своим заявлением в соответствующую организацию...

Алевтина взяла сигарету из лежавшей на столе колдуновской пачки и нервно затянулась.

– Нет, я с себя вины не снимаю! Но я могла бы лишиться места, если бы стала вас защищать. А так Цырлин у меня долго не прозаведует, обещаю. Он каждый день предоставляет мне достаточно поводов, чтобы поставить вопрос о служебном несоответствии.

– Да пусть работает сколько ему влезет, – миролюбиво протянул Ян. И решил сменить тему: – Алевтина Васильевна, а вы замужем?

– Да, – растерянно ответила она.

Колдунов вздохнул. Что ж? Так даже и лучше...

Он подошел к Алевтине, наклонился над ней и задышал в нежную шею.

– Отпустите секретаршу, – попросил он.

Светка взяла три дня отпуска, чтобы на первых порах помочь Кате с ребенком. Все эти дни Катя только и делала, что спала, просыпаясь лишь на кормление, купание и гуляние. В ответ на горячие слова благодарности Светка только смеялась.

Катя больше не думала ни о музыке, ни о своей работе, ни даже о хлебе насущном, зная, что при разумной экономии сумеет продержаться до конца декретного отпуска. А Колдунов стал для нее существом из другого мира, кем-то вроде Олега Янковского, в которого она была влюблена в детстве. Катя даже перестала связывать проведенную с ним ночь и появление на свет сына, будто малыш зародился сам по себе.

Однако известие о том, что Колдунов отправился в Чечню, стало для нее страшным ударом. Она ужасно боялась за него и считала дни до его возвращения с войны так, будто он должен был вернуться к ней. Каждый вечер она молилась за него как умела, глядя на его же фотографию.

А днем ей некогда было думать о Яне. Теперь, когда Светка вернулась на работу, ребенок занимал все Катино время. Кормление, купание, гуляние, стирка, глажка, уборка... Но все это было ничто по сравнению с визитами из детской поликлиники! Патронажная сестра и врач в любой момент могли наговорить такого, что после их визитов у Кати все валилось из рук. Особенно доставала невропатолог, написавшая в карточке «пренатальная энцефалопатия» и находившая все новые подтверждения своему диагнозу. «У кого энцефалопатия, это мы еще посмотрим, – утешала Светка. – Нормальный ребенок, ты же сама видишь!» Катя действительно считала, что ее симпатичный сынок улыбается и тянет ручки в соответствии с возрастом, но у невропатолога было другое мнение.

– Мы все травмированы, потому что рождены, – безапелляционно заявляла она на приеме. – Ребенок перенес родовую травму, и для нормализации мыслительных процессов ему необходимы массаж и витамины...

Светка, сопровождавшая Катю в поликлинику, глядела на врача весьма ядовито. У нее, вырастившей двоих детей, к этой поликлинике были свои счеты.

– Но, доктор, у меня были легкие роды, и ребенок родился без травм.

– Это вы так считаете. Опасны не только затяжные, но и быстрые роды!

– На вас не угодишь, – не удержалась Светка.

В итоге ребенку прописали двадцать сеансов массажа по двести рублей за сеанс.

– Четыре тысячи! – восклицала Катя на обратном пути. – Свет, я месяц собиралась жить на эти деньги!

– Да кому этот массаж долбаный нужен? Мы с тобой, Кать, без массажа выросли, и ничего.

Но Катя не могла так легкомысленно отнестись к мнению врача. С одной стороны, было жаль четырех тысяч, к тому же вдруг массаж повредит ребенку? А с другой... Что, если он действительно жизненно необходим?

Поглядев на ее терзания, Светка решила, что Катино душевное спокойствие дороже всего, и устроила малышу консультацию у известного детского профессора, на которую сама же Катю и отвезла. Профессор оказался достаточно молодым мужиком, ему, наверное, не было и сорока. Внимательно осмотрев ребенка, он сказал взволнованной Кате: «Кормите грудью как можно дольше и пускайте ползать, вот и все лечение».

В результате Катя и профессор расстались довольные друг другом.

Работа на кафедре Светке нравилась. Зарплата была, конечно, небольшой, но она не теряла надежды на левые доходы. «Нужно сначала обустроиться на новом месте, а потом уж борзеть», – говорила Светка.

Военный образ жизни неожиданно пришелся ей по вкусу, тем более что остальные сотрудники кафедры, поголовно мужчины, сочувствовали вдовьей доле и закрывали глаза на мелкие Светкины грешки. Ей дали понять, что, если она хочет и дальше работать на кафедре, следует заняться наукой и написать кандидатскую диссертацию.

Светка сначала испугалась, а потом, пролистав несколько авторефератов, валявшихся на кафедре, сказала: «Это же с какой фигней люди защищаются! Такую мутотень и я сляпать смогу», – и засучила рукава.

Катя подшучивала над новоиспеченным научным работником, а Юра предложил Светке начать доклад на ученом совете следующими словами: «Хай, перцы! Со всеми этими отстойными методами лечения язвы пора завязывать! В натуре!»

Когда Саше исполнился месяц, Катя снова взяла на себя почти все хлопоты по дому, так что Светка могла спокойно штурмовать вершины науки.

Вскоре возобновились и музыкальные занятия для Светкиных близнецов. Сашу, уложенного в соседней комнате, звуки пианино не будили. Но когда обе девочки написали фамилию гениального композитора как *Бетховин*, объяснив это тем, что многие русские фамилии заканчиваются на «ин», Катя поняла, что с их культурным уровнем надо что-то делать.

За это взялась Маргарита Матвеевна, которая, значительно окрепнув после операции, принимала теперь живое участие в жизни всего семейства. Именно она настояла на том, чтобы окрестить Сашу, и сама захотела стать его крестной матерью.

Кате казалось, что если уж крестить, то роль крестной матери должна достаться Светке, сделавшей для нее и ее ребенка больше всех на свете. Но Светка, покрутив пальцем у виска, прошипела: «Ты соображаешь, какое в случае чего твоему ребенку обломится наследство? Родственников у бабульки нет, и даже если квартира отойдет государству, там антиквариата полно!» В своей прошлой жизни Катя содрогнулась бы, услышав такое заявление, но сейчас просто признала его справедливость. Се ля ви...

Крестили в Никольском. Маргарита Матвеевна все организовала сама, даже договорилась, что Сашу будут крестить не в общем потоке, а индивидуально. Накануне таинства Светка с Олей и Леной весь вечер провели на кухне: что-то жарили, варили, пекли, и по квартире распространялись упоительные запахи. Катя сосредоточенно перетирала хрусталь и другую посуду, ведь приглашены были не только Маргарита Матвеевна и Юра, но еще и все соседи по квартире. Юра несколько раз посылался в магазин, сначала с хорошо

продуманным списком, а потом то за тем, то за другим, чего в списке не оказалось.

Потом позвонила Маргарита Матвеевна, сказала, что приготовила наполеон и что лучше бы кто-нибудь приехал за ним сегодня, поскольку завтра будет не до того. Катя слушала Маргариту Матвеевну, а в ее другое ухо орала Светка: «Да где же эта хреновина?» Катя подумала было, что это просто фигура речи, но оказалось, что Светка так называет сосуд, в котором подается хрен.

Убедившись в том, что Саша крепко спит, Катя отправилась за наполеоном сама. Лучше было, конечно, послать Юру на машине, но она подумала, что, если он останется наедине со Светкой, пребывающей в праздничном настроении, может быть, та сменит гнев на милость.

– Я ненадолго, – сразу предупредила Катя, когда пожилая преподавательница открыла ей дверь. – Вдруг Саша проснется.

– Посиди минуту. Саша же не один. Чаем тебя угостить?

Катя огляделась. В последние месяцы беременности и после родов она редко бывала у Маргариты Матвеевны. Продукты ей теперь привозила Светка, а с уборкой помогали Оля с Леной. Старушка смеялась, что ее квартира превратилась в полигон для экспериментов в домашнем хозяйстве, но девочек хвалила. Действительно, в квартире было чисто. А главное – Маргарита Матвеевна стала веселой и улыбчивой.

В церкви Катя смотрела, как деловито и привычно крестятся женщины в платках, и чувствовала себя здесь лишней. Ей было не по себе, будто она не знала о жизни чего-то очень важного. Передав ребенка Юре, она повязала на голову шарф и неумело перекрестилась.

Сам обряд оказался довольно коротким, и делать Кате ничего особенного не пришлось. Стоя со свечой в руке, она очень боялась, что старенькая Маргарита Матвеевна уронит ребенка, и была почти не в состоянии наблюдать за совершением таинства. Но когда все закончилось, Катя поняла вдруг, что в душе ее воцарился новый, неведомый прежде покой. Она вверила свое дитя заботе Господа и надеялась, что Господь не оставит его.

Дома соседи поздравляли и целовали Катю, дарили подарки малышу, а потом проходили в Светкину комнату, где был накрыт праздничный стол. Катя смотрела, как они едят и пьют и как им всем

радостно и весело. С точки зрения ее мамы, это застолье было таким плебейским, таким неинтеллигентным! И Кате было так хорошо!

Время бежало, и вот уже Сашеньке исполнилось полгода. Он уже садился, играл в кроватке и узнавал Катю и других близких людей. Катя продолжала кормить его грудью – никаких прикормов! Участковый врач хвалила ее, но Катина заслуга здесь была не так уж и велика. Просто ее сын не желал есть ничего другого. Если Катя давала ему сушку или яблоко, он с интересом принимался с ними играть, но в рот не тащил. Он вообще никогда ничего в рот не тащил, и Катю это даже слегка пугало. Оля с Леной подсовывали ему разные вкусности или демонстративно ели их у него на глазах, но пока это ни к каким результатам не привело.

По рекомендации педиатра Катя сварила Саше пюре: сначала потушила четыре вида овощей до состояния полной распаренности, потом дважды протерла их через марлечку – в горячем виде это, между прочим, непросто, потом добавила кусочек масла и снова прокипяттила. Но Саня заревел, как пикирующий бомбардировщик, стоило поднести к его рту ложку этого блюда.

Выбросить продукт было жалко, а съесть самой – невозможно. Пока Катя решала, как быть, в коридоре зазвонил телефон. Она прислушалась, но никто из соседей не вышел, наверное, все на работе. Чертыхнувшись, Катя вытерла руки о передник и побежала к аппарату. «Нужно купить переносную трубку», – подумала она, как всегда в таких случаях.

– Здравствуйте, позовите Свету, будьте добры, – сказал низкий мужской голос. «Интересно, кто это? – подумала Катя с любопытством. – Если бы с работы, то позвали бы Светлану Эдуардовну, да и вообще Светка сейчас сама на работе...»

– Ее нет дома. Что-нибудь передать? – спросила она вежливо.

На другом конце провода помолчали.

– Катя? – прозвучал наконец неуверенный вопрос.

– Да, это я.

– Это Ян Колдунов, помнишь такого?

У Кати немедленно подкосились ноги, а сердце застучало в районе зубов, лишая всякой возможности говорить.

Что с ним? Болен? Ранен? В голове эти короткие мысли вспыхивали, как молнии в грозу.

– Я хотел доложить вам, что вернулся.

– Разве полгода прошло уже? – слабым голосом спросила Катя. Она так привыкла думать, что до приезда Яна еще много-много времени...

– Представь себе, – засмеялся он. – Все в порядке, я жив-здоров. Думал, может быть, вы волнуетесь за меня...

– Мы очень волнуемся. Очень.

– Ну вот, больше можете не волноваться. Светке привет передашь?

– Конечно.

– Ладно, счастливо тебе.

Катя повесила трубку и вернулась на кухню. Она думала, что будет переживать из-за равнодушного тона Колдунова, из-за того, что так глупо разговаривала с ним... но поняла, что не чувствует ничего, кроме радости – ведь Ян вернулся с войны живым и здоровым! На радостях она сбегала в магазин, купила бутылку вина и любимой Светкиной корейской еды, чтобы вечером отметить его возвращение.

– А давай ему позвоним? – предложила Светка, допивая вино. – Позовем...

Катя прилегла на диван. Она тоже позволила себе бокал вина, и этот бокал, первый после длительного перерыва, подействовал на нее сокрушающе.

– Куда же мы его позовем, вино все выпили, – сказала она с досадой.

– Я сгоняю! А вообще он с собой принесет.

«Пусть приносит! – решила Катя. – Ведь мы так ждали его возвращения, что Ибсен со своими образами тоскующих женщин просто отдыхает!»

– Ребенка мы можем ему вообще не показывать, – продолжала развивать свою мысль Светка. – Посидим у меня в комнате, а когда станет совсем поздно, перебазируемся на кухню. А дальше – как пойдет.

Как пойдет! Будто Светка, опытная и циничная женщина, не знает, как пойдет. Разумеется, Ян захочет приласкать Катю, и не надо быть

Нострадамусом, чтобы предсказать такой ход событий. Во-первых, они сами его пригласили. Во-вторых, Ян уже один раз спал с Катей и думает, что она относится к сексу так же, как он сам, то есть убеждена, что постель еще не повод для знакомства. Если они его сейчас позвуют, то он решит, что они просто хотят развлечься. А того, как Катя любит его, он не поймет.

– Знаешь, Свет, я, пожалуй, еще не готова к тому, чтобы зачать второго внебрачного ребенка, – сказала Катя, когда Светка наконец обнаружила под диваном свои тапки и собралась уже идти звонить Колдунову. – Давай лучше Юру позовем.

Светка покрутила пальцем у виска:

– Балда ты, Катя! Если мы его сейчас заманим, считай, что он у нас в руках! Мужик полгода без бабы болтался, в военно-полевых условиях. А тут ты, такая ласковая, глаза от любви горят... Ты же его голыми руками возьмешь!

– И голыми ногами.

– Ну это само собой. Ножки у тебя славные. Короче, сейчас тот самый случай, чтобы загнать его в стойло. Кать, да он и так у тебя в ногах будет валяться, а если ты ему еще после ночи любви готового ребеночка предъявишь, то он понесется в загс быстрее пули.

– Ты, Светик, романтизируешь. Что, в Чечне женщин нет? А даже если и нет? Понимаешь, если бы он любил меня, если бы хоть немного нуждался во мне, то сам бы пришел. Там, где он был, люди быстро начинают отличать главное от второстепенного.

Светка театрально вздохнула и воздела руки к небесам.

– Как, черт возьми, он может тебя полюбить, если не видит тебя? Что, ему должно быть озарение: ах, я полюбил Катю Богданову, женщину, которую видел три раза в жизни и о которой давно забыл!

– Ну и все, – отрезала Катя, – тема закрыта. Я сейчас помою посуду и пойду спать. А ты звони кому хочешь.

Светка покрутила пальцем у виска, давая понять, что у Кати не все дома.

– Спокойной ночи, – ядовито сказала она, – и желаю тебе, чтобы Ян Саныч в виде портрета упал тебе на голову и трахнул тебя хотя бы в переносном смысле!

– В прямом, – весело поправила Катя, – этот смысл слова «трахнуть» – прямой, а тот, что ты думаешь, – переносный.

В превосходном настроении она отправилась мыть посуду. Ничего хорошего бы не вышло из визита Яна, и она радовалась, что удалось устоять перед искушением.

– К берегам твоей любви я обязательно причалю, – напевала Катя модную песню, стоя у раковины.

Светке стало скучно одной в комнате, и она увязалась за Катей. Вытирать тарелки, конечно, не стала, просто сидела у подоконника, задумчиво курила и слушала, как Катя поет.

– Причалишь, никуда не денешься, – вздохнула она наконец. – Правда, Кать, у меня предчувствие.

Колдунов решил не бегать в поисках места и доверил свое трудоустройство военкомату. Он был согласен даже на периферию, лишь бы только это был достаточно сильный госпиталь. А сидеть со степенью доктора наук в медицинском пункте полка и врачевать фурункулы солдатиков, не завершивших период полового созревания, – это определенно вогнало бы его в еще худшую депрессию, чем та, от которой он бежал.

Колдунов не возражал против того, чтобы поехать куда-нибудь на Дальний Восток, но симпатичная дама, которая занималась его трудоустройством, нашла для него ставку старшего ординатора в Военно-морском госпитале. Ян сходил на собеседование, никаких обстоятельств, делающих его службу невозможной, не нашел, восстановился на действительной службе и приступил к работе, когда еще и двух недель не прошло после его возвращения с войны.

Он позвонил Вере, та обрадовалась, что с ним все в порядке, но встретиться не согласилась. Ян сказал, что хочет передать через нее немного денег для Светкиных детей, ведь, насколько он знает обстановку на кафедре, ей не особенно дают там заработать. Но Вера на это не повелась, посоветовав ему или повидаться со Светой лично, или отправить ей почтовый перевод.

С тех пор Ян взял за правило каждый месяц посылать Светке тысячу рублей. Ему приятно было представлять, как Светка с Катей теребят загадочную квитанцию и понять не могут, от кого эти деньги.

Шло время, Колдунов осваивался на новом месте, много работал. Неугомонный Стогов все же добрался до него и практически навязал

полставки доцента кафедры, так что теперь, кроме лечебной работы, Ян должен был вести занятия с курсантами. А еще Стогов навязал ему научное руководство двумя аспирантами – ведь когда они защитят кандидатские диссертации, Колдунов сможет претендовать на профессорскую должность. Правда, Ян быстро понял, что здесь была не столько забота о его карьерном росте, сколько острое желание избавиться от невероятно тупых аспирантов, но отказываться было уже поздно. Ладно, решил он, пусть материал соберут, а потом перепишут на чистовик то, что он на основании этого материала им изложит.

Так за хлопотами прошла весна, а потом и лето, и почти вся осень. Колдунов все мечтал, что во время летних каникул в академии возьмет две недели отпуска, но как только эти самые каникулы наступили, он оказался чуть ли не единственным врачом на весь госпиталь. Другие уже уехали в теплые края или вкалывали на своих шести сотках. Что ж, он решил отдохнуть в сентябре, но тут обнаружилось, что вышедшие из отпуска сотрудники по горло заняты учебным процессом, составляют расписания и учебные планы... В общем, мечта поехать в Турцию и познакомиться там с беспроblemной девахой так и осталась мечтой. Деньги на отпуск были отложены в специальной железной коробке, и Ян уже смирился с мыслью, что они будут лежать там вечно. Какая разница, где он будет сходить с ума: дома или в Турции? От себя не убежишь.

Хоть они со Светкой и были теперь сотрудниками одной кафедры, виделись редко. Ян работал на Садовой, Светка на Боткинской, и встречаться удавалось только на совещаниях – тогда они садились вместе, где-нибудь в задних рядах, и начинали зубоскалить. Потом Светка, на чьей территории происходили совещания, уводила его в комнату дежурного врача и поила чаем. Она не слишком охотно рассказывала о своих домашних делах и односложно отвечала на вопросы о самочувствии девочек и Кати. С гораздо большим энтузиазмом Светка говорила теперь о своей диссертации, которой была очень увлечена.

Колдунов вошел в конференц-зал одним из последних, буквально за минуту до начала совещания. Поискал глазами Светку, но не нашел. «Опаздывает, наверное», – решил он и сел на свое обычное место.

Начальник кафедры уже битый час распространялся о том, что необходимо усилить научную работу, а Светка так и не появилась.

«Мало ли что, может быть, в школе у девочек концерт», – говорил себе Колдунов, но в его душе почему-то поднималась непонятная тревога. Он постоянно смотрел на дверь. Черт, да где же она?

После совещания он пробежался по кафедре – Светки нигде не было. Зашел в дежурку и, попросив разрешения у незнакомого лопухого врача, пившего кофе, сел на продавленный диванчик и достал сигареты. Лопухий неловко дал ему прикурить. Он был очень молод, наверное, вчерашний выпускник академии, а может быть, и вовсе еще курсант, поэтому стеснялся Колдунова, человека, по его понятиям, пожилого и заслуженного.

– А где Светлана Эдуардовна? – спросил Ян после долгой паузы. Почему-то он медлил с этим вопросом, надеясь, что вот-вот откроется дверь и в помещение ворвется сама Светка.

– Она заболела, – ответил лопухий, меланхолично прихлебывая кофе, – гепатит вроде бы.

– О Боже! Она дома или в больнице?

– В Боткинской, где же еще? Наверное, на операции укололась. Хотя, конечно, есть еще надежда, что это пищевой гепатит...

Недослушав, Колдунов решил ехать в Боткинскую больницу. Спустившись в метро, он подумал, что на лечение потребуются деньги, и поехал к себе. Чувство тревоги не отпускало – наоборот, оно многократно усилилось. Он уговаривал себя, что ничего страшного в гепатите нет, что сейчас есть хорошие лекарства, полностью вытравливающие вирус из организма, что при правильном и полноценном лечении заболевание не перейдет в хроническую форму.

Дома он, не раздеваясь, вскипятил чайник, сделал бутерброд с колбасой, но не смог ни доесть, ни допить – схватил «турецкие» деньги и выскочил на улицу. Сначала выругал себя за то, что не переоделся в гражданское, но потом решил, что если приемные часы уже закончились, военная форма поможет ему попасть к Светке.

Однако в гепатитном отделении царили более вольные нравы, чем, например, в отделении кишечных инфекций, и Колдунова пустили внутрь беспрепятственно.

Окна здешних палат выходили не только на улицу, но и в коридор, вход в палаты пролегал через специальный предбанник, где, по нормам санэпидрежима, следовало переодеться в халат и вымыть руки. Ян не стал делать ни того ни другого – он быстро прошел в палату, через окно которой увидел Светку.

Поздоровавшись с обитательницами четырехместной палаты, он осмотрелся. Стены здесь были давным-давно покрашены в бледно-зеленый цвет и изрядно облупились, потолок покрывали разнообразные пятна. Наверное, когда лежишь с капельницей и смотришь подолгу на этот потолок, уродливые пятна складываются в причудливые узоры... Зато, слава Богу, в палате не было наркоманок, соседки производили впечатление приличных женщин.

Ян с размаху уселся на край Светкиной кровати, услышал ее вопль «Осторожно!», но затормозить не успел. Вместо пружинистой панцирной сетки его копчик столкнулся с чем-то твердым.

– Ах ты... – сказал Ян. – Что это, Свет?

Он отогнул край матраса, который оказался не толще капустного листа. Под ним лежали доски.

– Это что, для нервных больных? Привязывать? Или вам заодно и позвоночники лечат?

– Нет, это доски для гроба.

– Прекрати немедленно! Чтобы я больше не слышал таких шуток! Светка засмеялась.

– Просто сетка провисла. Доски можно вынуть, но тогда будешь как в яме лежать, – пояснила она, садясь на своем ложе.

– Я тебе завтра принесу надувной матрас, – пообещал Ян, – у меня на антресолях валяется. Что же ты, паразитка, не позвонила мне?

– А чего звонить-то? Лечат тут хорошо, персонал душевный, подружки – хоть куда! Зачем вас напрягать?

Ян погладил ее по голове. Его тревога слегка отлегла. Светка выглядела неплохо: покрашенная не меньше обычного, в спортивном костюме, она лежала поверх покрывала. При тяжелой форме гепатита ей было бы не до наведения красоты. Ян потрогал Светкин живот: печень не очень увеличилась, выступила из-под реберной дуги всего на сантиметр, и это тоже обрадовало его.

– А УЗИ тебе делали? Вдруг у тебя камни в желчных путях?

– Нет у меня никаких камней! – отмахнулась Светка.

– Тогда говори, что тебе купить.

– Все есть.

– Свет, я серьезно...

Тут дверь палаты открылась и вошла Катя. Колдунов не видел ее уже больше года и вспоминал о ней редко. Иногда злился из-за жалобы, иногда с удовольствием перебирал детали их единственной ночи... Он даже не был уверен, что узнает ее при встрече... Но вот узнал.

– Ну как ты? – с порога спросила она у Светки.

– Здравствуй, Катя.

– Привет, Ян, – бросила та мимоходом. – Я принесла тебе еду... и пару белья, как ты просила.

Про пару белья Катя, покосившись на Колдунова, сказала вполголоса. Такое целомудрие его умилило.

Катя достала из сумки пакет с вещами, банку с паровыми котлетами, еще какие-то склянки... Ян смотрел, как она прибирает в обшарпанной Светкиной тумбочке, раскладывает там продукты, и от быстрых движений ее рук у него закружилась голова. Ему показалось, Катя чем-то рассержена.

– Что сегодня сказал врач?

Светка поднялась с ложа, потянулась и ответила:

– Пойдемте в коридоре посидим. А то мешаем.

В коридоре она начала жаловаться, что у нее нет куртки и что из-за этого она не может выходить на прогулки.

– Завтра принесу, – пообещала Катя. – Но стоит ли тебе гулять?

– Лучше скажи, что нужно из лекарств? – вернулся к прерванной теме Колдунов. – Что прописал врач?

– Нет, ты ей скажи! – неожиданно взорвалась Катя. – Ян, скажи ей! Это не лезет ни в какие ворота! Я пошла на беседу с врачом, сказала, чтобы она прописала нам все самое лучшее. Что мы купим все, что нужно. Врач дала список, я съездила в Озерки, привезла мешок лекарств... Тяжело было, между прочим, там же в основном растворы для капельниц. Короче, устала как собака, и все ради того, чтобы она знаешь что выкинула?

Светка захихикала.

– Она тем же вечером продала всю сумку с лекарствами соседке по палате! – возмущенно заключила Катя. – Она не хочет лечиться.

Она вообще не понимает, что с ней происходит.

– Света, – строго сказал Ян, – не сходи с ума.

– Да на кой нам тратить бабки? – вопрошала Света. – Ведь ежику понятно, что гепатит лечат глюкозой и диетой, и это прекрасно помогает. А от новомодных препаратов никакого проку. Потом, я же продала их по среднегородским ценам, а Катя брала в Озерках. Навару почти тысяча!

Колдунов вздохнул.

– Не ругай ее, Катя. У нее, бедняги, крыша поехала, вот и творит черт знает что.

– У меня все пучком! Это у Катьки крышу сносит. Выложила почти триста баксов на ерунду, а у нас, между прочим, дети.

Ян встал, прошелся по холлу. На стене висел санлисток весьма обнадеживающего содержания. На нем крупным планом были изображены вирусы гепатитов, а также описаны особенности клинического течения разных видов этой болезни. Статья была выдержана в трагическом тоне, и Ян почерпнул из нее следующее: если при заражении вирусами А и В еще есть шансы выжить, то обладателям гепатита С следует оставить всякие надежды на выздоровление. «Вот на фига они это развесили?» – подумал он, прочтя, что «закономерным исходом шприцевых гепатитов является цирроз печени». Ниже была красочно изображена циррозная печень.

Он воровато огляделся и содрал санлисток со стены.

– Вы что, Ян Саныч? Хулиганите? С особым цинизмом? – развеселилась Светка.

– Давай сложим. Я его у себя на чердаке повешу, там наркоманы собираются. А здесь ему не место.

– Ну-ка, что меня ждет... Ага, так-так... Цирроз, кровотечение из вен пищевода, мозговая кома...

Светка засмеялась и аккуратно сложила большой лист ватмана несколько раз.

– Мозговой комы я вам не обещаю, – заявила она, – ей в моей головушке обосноваться не на чем. Как жестоко обломался вирус, попав в мой организм! Он внедрился, радостно потирая ручки, решил: вот я сейчас кайф словлю – и что же он увидел? Проспиртованную печень и пустой череп. Так что скоро он отвалит несолоно хлебавши.

А вот если мы будем его кормить всякими там альбуминами и витаминами, он точно не отстанет.

– Я решу вопрос с лекарствами, – сказал Колдунов. – Все, что надо, в клинике возьму. На халяву, Света, не беспокойся.

Катя погладила Светку по спине.

– Что тебе завтра принести? Из еды или книжку какую-нибудь?

– Принеси, если не трудно, мои записи. Они на столе кучей валяются, ты просто в пакет покидай, ладно? Должна же я привести в порядок свое научное наследие!

– Тьфу на тебя!

– Кать, а Юра знает, где я?

– Нет, он же только сегодня с суток пришел. Спит, наверное, дома.

– Ты ему не говори пока, ладно? Скажи, что я в командировке.

Катя кивнула.

– Светик, я побегу? А то дети там одни, я волнуюсь...

Колдунов хотел выйти вместе с Катей, но она мягко отказалась от его сопровождения.

– Прошу тебя, Ян, посиди со Светой еще. Она же целый день в четырех стенах, ей скучно. Поболтайте!

Он сидел почти до девяти вечера, пока дежурная сестра не выставила его вон. Они со Светкой обсудили все профессиональные дела и перемыли кости всем сослуживцам, но о Кате не было сказано ни слова.

* * *

На следующее утро Колдунов пришел на беседу с лечащим врачом. Та произвела на него хорошее впечатление, а узнав, что он тоже врач, показала ему Светкины анализы. Судя по всему, заболевание протекало в легкой форме, и были все основания считать, что обойдется без осложнений. Узнав о Светкиной выходке с лекарствами, врач покачала головой и дала Яну новый список.

Он все купил, но, подозревая, что Светка продолжит свой доходный бизнес, ничего ей не отдал, а договорился с процедурной сестрой, что та будет хранить препараты у себя и ставить Светке капельницы, не объясняя, откуда что взялось.

...А через два дня Колдунов вез ослепшую от слез Катю домой. В ее сумке лежала справка о Светкиной смерти.

Мучительная тошнота появилась у Светки утром, и Катя, сидевшая в тот момент у нее, попросила сестру вызвать дежурного врача. Тот не нашел ничего угрожающего, и Катя уже собралась домой, но тут открылось носовое кровотечение. Светку отвезли в реанимацию, так что приехавший навестить ее Колдунов обнаружил пустую кровать.

Странно, насколько он разволновался, узнав о том, что Светка заболела гепатитом, настолько был спокоен теперь! Ее относительно здоровый вид и оптимистическое настроение укрепили его в мысли, что со Светкой не может случиться ничего плохого. Даже известие о переводе в реанимацию он – врач! – воспринял всего лишь как помеху на пути к выздоровлению.

Он знал, где в этой больнице находится реанимация, был лично знаком с кем-то из работающих там врачей, поэтому без колебаний отправился прямо туда.

В коридоре перед железной дверью, ведущей в интенсивную терапию, он увидел Катю, которая сидела на деревянной скамье, глядя в стену. Поздоровавшись, Колдунов подсел к ней.

– Ян, хорошо, что ты пришел... Я не знаю, что делать, – растерянно заговорила она. – Как ты думаешь, когда ей станет лучше? У меня дома дети одни...

– Но они же большие уже. – (Катя странно посмотрела на него.) – Не нужно так переживать. – Он взял ее за руку. – Тебе, как человеку неискушенному, кажется, что реанимация – это прямо-таки крайнее средство. Да ничего подобного! Просто врачам удобнее перевести Свету под наблюдение реаниматологов, чем постоянно бегать к ней. А носовое кровотечение при гепатитах бывает у каждого второго. Я сейчас схожу туда, поговорю с врачами...

– Не надо. Я уже поговорила. Не отвлекай их.

– Тогда иди домой. Ну какой смысл здесь высидеть? Завтра утром придешь и все узнаешь.

Катя кивнула и высвободила свою руку. Мимо проехала санитарка с тележкой, посмотрела на них неодобрительно. Медперсонал не

любит, когда возле реанимации или операционной тусуются родственники больных.

– Ян, мне что-то беспокоит. Не знаю почему.

– Перестань об этом думать. Все будет в порядке. А от того, что ты здесь сидишь, Свете лучше не станет.

– Я понимаю...

Катя поднялась. Оба прошли на черную лестницу, и там, возле обугленного подоконника и переполненного помойного ведра, жадно закурили.

– Ты стала такая симпатичная, – сказал Колдунов после долгой паузы.

Но Кате было не до комплиментов. Она кивнула, резко выбросила окурок и пошла обратно.

– Я все-таки попробую пройти. – Ян присмотрелся к кодовому замку на двери: замок был старый, и комбинация цифр просматривалась невооруженным глазом. – Думаю, они скажут, что никакой опасности нет, и ты спокойно пойдешь домой.

Он нажал кнопки и, пропустив мимо ушей крик санитарки «Мужчина, вы куда?», отправился в ординаторскую, где сразу увидел знакомого врача, из военных. Колдунов не помнил его фамилии, поэтому представился сам. Знакомый, улыбнувшись, предложил ему сесть.

– Я пришел узнать насчет одной больной, – начал Ян осторожно, чтобы реаниматолог не обиделся. – Извините, что так нагло к вам ворвался... Но я волнуюсь.

– Что вы, Ян Александрович! – собеседник снова улыбнулся. – Кто вас интересует?

Колдунов сказал, и выражение лица реаниматолога сразу изменилось.

– Очень тяжелая ситуация, – глядя в пол, пробормотал он. – Молниеносная кома...

«Не может быть!» Ян чуть не воскликнул это вслух. Ему ли было не знать, что в таких случаях можно надеяться только на чудо. Врач продолжал говорить, но Колдунов уже почти не слушал его, он и сам тысячи раз говорил такие же ободряющие, но бесполезные слова.

Потом они вдвоем пошли в палату. Увидев Светку, Ян ужаснулся. Она была без сознания, на искусственной вентиляции легких, серая, с

заострившимися чертами лица. На лице были потеки крови, и Ян, намочив под краном свой носовой платок, принялся вытирать их. Ему необходимо было делать хоть что-то, чтобы не думать о том, что происходит со Светкой. Дежурная сестра мрачно смотрела на него, наверное, понимая, что уже ничего нельзя поделать.

– Давление очень низкое, – сказала она, – даже несмотря на гормоны.

Реаниматолог принялся изучать карту назначений, выяснять у сестры, что уже сделано, а что еще нет, но эта суета могла обмануть кого угодно, но только не Колдунова. Он положил руку Светке на лоб и стоял так, пока она не умерла.

Потом Колдунов написал заявление, что отказывается от вскрытия. Морг еще работал, и реаниматолог позвонил туда, чтобы справку о смерти выписали сегодня, а не на следующий день, хотя Ян об этом и не просил. Он, видевший столько смертей, никак не мог осознать, что это случилось со Светкой, происходящее казалось ему каким-то диким розыгрышем...

«Катя! – вдруг подумал он. – Она же так и сидит под дверью, ждет известий. Уже два часа почти». Но как он ей скажет? И где? Может, пригласить ее сюда, в ординаторскую? Но здесь люди работают, зачем их нервировать?

...И почему он думает о всякой ерунде, но не о том, что Светки больше нет?

Выпив полстакана водки, предложенной реаниматологом, Колдунов взял таблетку феназепама, накапал в мензурку корвалол и вышел в коридор.

Катя покорно приняла таблетку и запила корвалолом, стараясь не встречаться с Колдуновым взглядом. Сидя здесь, она давно уже все поняла, но теперь словно приказывала ему молчать... И он молчал. Молча забрал у нее мензурку, сунул в карман. И лишь когда они вышли на лестницу и закурили, Катя, повернувшись к нему спиной, тихо заплакала. Он попытался обнять ее, но она грубо стряхнула его руки и даже поднялась на один пролет вверх.

– Не ходи за мной, – сказала она оттуда, и на пустой лестнице слова прозвучали неожиданно громко.

– Тогда подожди меня, я за справкой. Это пять минут.

Зареванная Катя ждала его все на той же деревянной скамье. Лицо у нее распухло, глаза покраснели, и Ян хотел было дать ей свой носовой платок, но вспомнил, что тот испачкан Светкиной гепатитной кровью.

– Что я скажу девочкам? – спросила Катя.

– Можно не говорить им сразу. Скажешь, что мама... Ну, болеет там или уехала в санаторий. Придумаем что-нибудь.

Катя покачала головой.

– Нужно идти.

Они вышли на улицу, и она опять заплакала – так тихо, что за поднятым воротником пальто это было незаметно. Ян взял ее под руку и повел на Староневский. Нужно было, конечно, взять такси, но у него при себе почти не было рублей, а только «турецкие» доллары, которые он собирался обменять, чтобы купить лекарства.

Когда они остановились на троллейбусной остановке, Ян расстегнул куртку, обнял Катю, вдавив ее голову себе в плечо, и тоже заплакал.

Колдунов взял на службе три дня за свой счет для организации похорон, наврав коллегам, что Светка была его гражданской женой. Сотрудники очень сочувствовали ему, но к сочувствию примешивался еще страх за себя – ведь каждый из оперирующих хирургов имел реальный шанс заболеть гепатитом или даже СПИДом. Все прекрасно это знали, но для душевного спокойствия принято было гнать такие мысли, подбадривая себя разными идеями, вроде той, что доза вируса, попадающего в организм, если уколется иглой, мизерная, заболеть от нее невозможно, а вот иммунитет поднимется. Конечно, подобные рассуждения не выдерживали никакой критики, но если не верить в них и постоянно ждать заражения, то можно и свихнуться.

Светкина же смерть наглядно показала, насколько незащищены врачи, какой опасности подвергаются они ежедневно.

Санврач пытался выйти сухим из воды и робко продвигал идею, что Светка баловалась наркотиками, отчего и заболела. Узнав об этом, Колдунов навестил его и задал один-единственный вопрос: «А в рыло не хочешь?» И санитарный увял.

Немного подумав, Катя, несмотря на глубокую ночь, все-таки позвонила Юре и попросила его приехать – она просто не смогла сообщить ему страшное известие по телефону.

– Тебе надо поспать, – сказал Юра, когда она сбивчиво рассказала ему обо всем. – Завтра предстоит много дел.

Катя постелила ему на своей кровати, а сама легла в комнате с девочками. Она долго слушала, как Юра ходит за стеной, как он вышел в кухню... Потом ей удалось уснуть.

Ян готов был всем заниматься сам, но, когда он утром следующего дня встретился с Катей, чтобы взять у нее свидетельство о смерти Светкиного мужа и другие бумаги, подтверждающие Светкино право быть захороненной к нему в могилу, Катя познакомила его с молчаливым и мрачным мужиком лет тридцати. Мужика звали Юрой, и он сказал, что поедет вместе с Яном. От мысли, что это Катин любовник, Колдунову почему-то стало тошно, но потом он вспомнил, что Светка рассказывала о своем ухажере, который так хочет на ней жениться, что уже больше года не может оставить ее в покое. «Наверное, это он, и теперь он никогда не женится на Светке», – подумал Колдунов.

– Ты что детям сказала? – спросил он, стараясь не смотреть на ужасно выглядевшую Катю.

– Правду, – ответила она. – Они бы все равно не поверили, что мама уехала и оставила их одних.

– Как они?

Катя пожала плечами. Ян и сам понял, что вопрос был глупым.

– Дети переживают все бурно, но это не может продолжаться долго.

– Да, наверное, – согласилась Катя.

И побежала домой, где ее ждали дети.

* * *

Пока Колдунов с Юрой ездили по загсам и кладбищенским конторам, Катя, Вера и Маргарита Матвеевна занимались организацией поминок.

Сначала Кате казалось, что она не сможет ничего делать, но хочешь не хочешь, а делать пришлось. В последний год Светка стала ей лучшей подругой, сестрой, но что значило ее горе по сравнению с горем девочек, оставшихся круглыми сиротами!.. В первую очередь нужно было думать о том, как помочь им пережить потерю матери. Ну а потом, когда их горе немного утихнет, настанет время и Кате погоревать.

Оля с Леной долго плакали, она то носила им валерьянку, то пыталась напоить чаем, но они не отпускали ее от себя, будто боялись, что если она выйдет на кухню, то уже не вернется. В конце концов, обессилив от слез, девочки уснули. Катя кое-как раздела их и уложила в постель. Ее собственный сын давно уже спал в своей кроватке, и его личико выглядело обиженным: мало того что мамы целый день не было дома, так его еще никто не кормил с ложки ужином и не укачивал на ночь – сунули булку и рожок с молоком и бросили, безобразие какое!

– Что делать, Сашунь, если такие дела, – сказала Катя, погладив малыша по голове.

Шел уже третий час ночи, и она спохватилась, что, занятая девочками, не позвонила никому, чтобы сообщить о Светкиной смерти. Нужно было найти Светкину записную книжку, и от этой мысли Катя содрогнулась. Предстояло разбирать Светкины вещи. Хотя зачем? Они могут жить так, будто Света просто уехала. Да у нее и вещей-то особых не было...

Однажды Катя спросила Светку, отчего та так вызывающе одевается, если не хочет никого соблазнить. Светка засмеялась и ответила вопросом на вопрос: «Вот ты, когда смотришь на меня, что обо мне думаешь? – И, видя Катину растерянность, продолжала: – Наверняка думаешь: врач, а нарядилась, как на панель. И не замечаешь при этом, что юбочке этой уже почти сто лет, а кофточка в обтяжку куплена на распродаже за двести рублей. А вот если бы я стала одеваться, например, в классическом стиле, то, на что бы у меня хватило денег, выглядело бы так убого, что смотрели бы на меня не с удивлением, а с презрением».

На следующее утро в квартире появились Вера и Маргарита Матвеевна. Они взяли уборку и готовку в свои руки, оставив на Катю

только детей. Маргарита Матвеевна сразу заговорила о церковном отпевании и засобиралась в Никольский собор договариваться. Предполагалась сначала гражданская панихида в больнице, потом отпевание в соборе и только потом уже – Южное кладбище. Все это нужно было устроить, согласовать по времени и заказать автобус или даже два, поскольку народу ожидалось много.

Дождавшись, пока девочки уедут с Маргаритой Матвеевной в собор – старушка считала, что церковная обстановка благотворно повлияет на детские души, – Катя открыла Светкин шкаф, чтобы решить, в чем ее хоронить.

К ней подошла Вера, и они вместе стали перебирать вытертые джинсы, пару набедренных повязок, которые Светка выдавала за юбки, и кислотных цветов кофточки.

– Да, в такой одежде в рай не пустят, – резюмировала Вера. – Придется в магазин идти.

Но тут зашла соседка и сказала, что у Светочки было очень хорошее свадебное платье, которое хранится в чемодане на антресолях, и хоронить надо именно в нем. Платье достали, рассмотрели, поохали... Но одной проблемой стало меньше.

Накануне похорон в квартире стоял дым коромыслом. Катя с Верой готовились к поминкам: пересчитывали посуду, варили студень, пекли пироги...

Приехавшему Колдунову показалось, что за всеми хлопотами они совсем позабыли о том событии, из-за которого все это затеяно. «Женщины – счастливые люди, – меланхолично думал он, – у них всегда есть чем отвлечься. Кухня, дети... А что остается делать нам? Только пить».

Однако дело нашлось и для него. Кто-то из соседей сказал, что на чердаке хранятся доски, из которых можно сделать временные скамьи. Вместе с соседом Колдунов отправился за досками, потом сооружал скамьи под его руководством, потом они расставляли собранные по всей квартире столы в кухне и коридоре – словом, хлопот было, как и у женщин, достаточно, но они так и не смогли отвлечь его.

«Как же так вышло, что она умерла? – не переставал думать Ян. – Я хотел смерти для себя, а умерла она. Может быть, у судьбы ружье с кривым дулом, и иногда она попадает не туда, куда надо?» Теперь ему

казалось, что это он во всем виноват и что именно он навлек на Светку беду.

...И вот уже позади и панихида, и отпевание... Похороны шли под проливным дождем. На кладбище приехало больше сотни человек, многих из них Колдунов не знал. Во время прощания он стоял рядом со Светкиными дочками, Катей и Юрой. Измученные девочки плакали, уткнувшись Кате под мышки, она обнимала их, ни на секунду не отпуская от себя, и очень старалась не плакать сама. У Юры было каменное лицо.

Зонтики были не у всех, поэтому кто-то прикрывал голову плащом, кто-то – сумкой, и Колдунов чувствовал желание людей поскорее все закончить. И ему было невыносимо стыдно перед Светкой – ведь все они сейчас вернутся в тепло, оставив ее одну.

Он думал, что Катя зря взяла девочек на кладбище, ведь они могут простудиться под дождем... Не говоря уже о том, что, глядя, как гроб с их матерью закапывают в землю, дети получают тяжелейшую душевную травму. Накануне он сказал об этом, но Катя ответила: «Они мне этого не простят».

...Наконец сели в автобусы и поехали домой.

На поминках никто не напился – по-видимому, останавливало присутствие девочек. К тому же за этим строго следили Ян с Юрой. Уже в седьмом часу народ начал расходиться.

Женщины занялись мытьем посуды, а Колдунов и Юра расставили мебель и поехали к Юре домой. Катя собрала им огромный пакет с едой и дала с собой литровую бутылку водки, но мужчины знали, что этого будет мало, и купили по дороге еще одну.

После третьей рюмки у Яна, которому на поминках кусок не лез в горло, закружилась голова.

– Не спеши так, – попросил он.

– Ничего.

На Юру было страшно смотреть. Колдунов вспоминал, как сам он мучился, когда его бросила жена, как пил в одиночку... Он мечтал тогда о ком-то, кто мог бы выслушать его, поэтому сейчас понимал, что Юре, наверное, нужно выговориться, но он стесняется. А Ян не находил слов, чтобы расположить его к себе. Они выпили еще.

– Это я убил ее, – вдруг сказал Юра.

Ян с удивлением на него посмотрел.

– Ты не должен винить себя, даже если ты – носитель вируса гепатита. Наверняка она укололась на операции.

Юра долго молчал.

– О чем ты? – спросил он наконец. – Почему это я носитель?

– А как иначе ты можешь быть виновен?

Юра вскочил и заходил по комнате. Ян, наоборот, закинул ноги на спинку дивана и распустил ремень брюк. Ему сразу захотелось спать.

– Я так ее любил, – безо всяких эмоций сказал Юра. – Мне надо было видеть ее, говорить с ней. Я знал, что она меня не любит и не полюбит никогда, ну и что? И я ни разу не был с ней. Так что даже если бы я и был носителем, то не смог бы заразить ее.

Ян недоверчиво хмыкнул. Что-то ему слабо верилось в долгие платонические отношения. Юра вспыхнул.

– Да, представь себе, я ни разу не был с ней! – раздраженно крикнул он. – Да что я, мужик, бабу себе не найду покувыркаться? Ты не знаешь просто, как я ее люблю! Не понимаешь! А я понимал, что она до сих пор тоскует по мужу! Понимал, еще как! Ведь она любила его так же, как я люблю ее! Поэтому я все понимал!

У Яна опять начала кружиться голова – как кружилась всегда, стоило ему подумать о бесконечности Вселенной. Ни бесконечности Вселенной, ни человеческой любви он себе представить не мог.

– Все, что мне было нужно, – продолжал Юра, – это быть ей полезным. Только видеть ее. Но нет, Бог решил, что я прошу слишком много. – Он ударил кулаком в стену и заплакал. – Да разве я виноват, что она встретила с ним раньше, чем со мной? Господи, я же не мешал ей любить его, пусть бы все оставалось как есть!

Ян протянул руку к бутылке и сделал глоток прямо из горлышка. Он понял, что завидует Юре. Тому, что Юра способен так переживать, так любить...

– Она очень терзалась, что предаст своего мужа, если свяжется со мной! – зло сказал Юра. – Вот Бог и не допустил, чтобы она совершила предательство. Если бы не я, она была бы сейчас жива! Если бы у меня хватило ума объяснить ей, что никаких жертв мне от нее не нужно...

– Юра, ну что ты говоришь? Тысячи вдов выходят замуж, и никакого греха в этом нет. Это просто ужасная случайность, что она укололась, и больше ничего. Ты ни в чем перед ней не виноват.

– А меня ведь даже не было рядом с ней, когда она умерла, – сказал Юра и снова заплакал. – Катя позвонила мне, сказала, что ей стало хуже, но я не мог отлучиться с работы. Никак не мог. Я был уверен, что все образуется, даже мысли такой не допускал, что Света может... умереть. Я в тот день освободился поздно, сначала собрался в больницу, а потом решил, что меня все равно уже не пустят, и пошел домой. Даже Кате не стал перезванивать. Я решил, что раз она сама не звонит, значит, все в порядке.

Потом они вышли покурить. На правах гостя Ян занял кресло, а Юра уселся прямо на пол, привалившись к стенке и широко разбросав ноги.

Не успели они зажечь сигареты, как дверь соседней квартиры отворилась и на лестницу вышла дама средних лет в шелковом халате с драконами. Откуда у Яна взялась аллергия на женщин в халатах с драконами, он сказать не мог, но аллергия точно была. Он даже отвернулся, чтобы не видеть Юрину соседку.

– Что вы себе позволяете? – немедленно завопила та. – Идите к себе и курите там! Вы совсем уже, Юра, с ума сошли, скоро ко мне домой придете пить и курить!

Юра приоткрыл один глаз. Подумал.

– К вам? Нет, ни за что! – И снова погрузился в транс.

– Вы пьяны! Нет, это вообще не лезет ни в какие ворота! Я не желаю жить рядом с деклассированным элементом. Завтра же пойду к участковому милиционеру!

– Я сам милиционер, – пробормотал Юра.

– Ах, простите, я забыла! Раз вы милиционер, то можете делать все, что хотите! Ничего, и на вас управа найдется.

Колдунов решил немного утихомирить женщину:

– Послушайте, извините, но сегодня у нас был тяжелый день...

– Ах, это вы? – вдруг еще громче завопила тетка. – И у вас еще хватает наглости приходить в этот дом!

– Да что я вам сделал?! – удивился Колдунов.

– И вы еще спрашиваете! Вы взяточник, хам и развратник, и я не желаю вас здесь видеть. И разговаривать с вами тоже не желаю!

Ян заметил, что для этого тетке достаточно закрыть дверь с той стороны, но такой легкий способ исполнения желаний ее не устроил.

– Доктор Колдунов, очень мило, – произнесла она ядовито. – И как вам работается? Все еще режете умирающих старушек в надежде на барыш?

Ян молча покрутил пальцем у виска и стал поднимать Юру, чтобы вместе с ним покинуть арену военных действий.

– Будьте вы прокляты! – неожиданно воскликнула соседка. – Пусть Бог накажет вас за все!

Ян поспешно эвакуировал Юру, не забыв, впрочем, плюнуть тетке под ноги, чтобы ее проклятие не подействовало.

– Кто это? – в ужасе спросил он, когда они оказались в Юриной квартире. – Что за ведьма? И меня откуда-то знает...

– Это же Катькина мамаша.

– Не может быть! У такой приятной девчонки...

– Представь себе, – придерживаясь за стенку, Юра направился на кухню. – Всю жизнь девке заела. Катя в отца пошла, он тоже был мужик душевный.

– И что? Умер?

– Нет, свалил к какой-то бабе. Мамаша, конечно, так просто этого оставить не могла, поэтому папаша с новой женой уехал аж во Владивосток.

Колдунов вздохнул. Последняя тень обиды на Катю растаяла. Он понимал, что не подписать жалобу, раз этого хотела такая мамаша, Катя просто не могла. Но почему мамаша до сих пор ненавидит его? За что прокликает? Понятно было бы, если бы Маргарита Матвеевна умерла, но она ведь жива и вполне здорова. Наверное, у мамыши нет никаких настоящих переживаний, вот она себя и накручивает.

Катя старалась держать себя в руках и делать все для троих детей, но чувствовала себя растерянной и разбитой. Ушел единственный человек, которому она полностью доверяла, на которого могла положиться в трудную минуту.

Конечно, Вера и Маргарита Матвеевна помогали ей, но у Веры была своя жизнь, а Маргариту Матвеевну Катя боялась перегружать.

Она вообще старалась никого ни о чем не просить, но люди приходили на помощь сами.

Юре удалось решить непростую проблему с опекуном, и девочки, ужасно боявшиеся, что их заберут в детский дом, немного успокоились.

Вера с Яном собрали на старой и новой Светкиных работах приличные суммы, а Маргарита Матвеевна что-то продала, и все вырученные деньги – десять тысяч долларов – были положены в банк на валютный счет. Они предназначались на образование девочек.

– Им полагается бесплатное образование, – сказала Катя, вспомнив вдруг Светкин рассказ, как та стояла в очереди в школьную кассу и от нечего делать читала список льготников. Оказалось, что круглые сироты обучаются бесплатно. «Да уж, ради этого стоит умереть», – засмеялась тогда Светка, а Катя не обратила внимания на ее слова...

Саше исполнился год, и в принципе Катя могла бы отдать его в ясли, чтобы начать работать хотя бы полдня. Петр Петрович часто звонил ей и говорил, что в музыкальной школе ее ждут.

Но, произведя несложные подсчеты, Катя отдала предпочтение левым урокам. Зарплаты, которую она смогла бы получать в школе, теперь им хватало бы дня на три.

Забот по дому стало намного больше. Раньше они со Светкой постоянно подстраховывали друг друга, теперь надеяться было не на кого.

Девочек Катя жалела. Она требовала от них только выполнения домашних заданий и прилежных занятий музыкой. От помощи по хозяйству Катя отказывалась, разрешая им лишь гулять с Сашей во дворе, и то выдерживала недолго: ей мерещились то маньяки, то пьяные водители, поэтому, понервничав у окна, она обычно сама неслась вниз, делая вид, что ей захотелось подышать воздухом.

Но заботы о пропитании девочек были сущей ерундой по сравнению с проблемой их душевного спокойствия. Первые дни после Светкиной смерти Катя спала с ними в комнате, но потом девочки сказали, что могут спать одни, и она вернулась к себе. Оля с Леной старались не плакать и не рассказывали Кате о своих переживаниях, а она не знала, с чего начать разговор. Как нужно обращаться с ними? Как помочь им пережить горе? Катя постоянно думала об этом, пока не

решила вести себя с девочками так же, как вела себя Светка. Эта манера воспитания, при первом знакомстве подвергнутая Катей резкой критике, теперь казалась ей самой правильной.

Светка никогда не ругала детей и не заставляла их помогать по дому. Она говорила: «Девки, если успеете, подметите пол». И если Оля с Леной не делали этого, никогда не устраивала скандала, так же как не устраивала его из-за двоек.

«В воспитании детей любые проповеди и нотации идут мимо кассы, – обычно говорила она. – А уж если ребенок тебе не доверяет, боится тебя, то он точно пропустит все мимо ушей или, еще хуже, воспримет все наоборот. Если ты хочешь вырастить растение, ты же не будешь говорить ему: «Ах ты, чертова маленькая колючка, кактус увядший! Ты должен вырасти большой раскидистой пальмой, чтобы я могла укрыться под твоими листьями от солнца и пожрать твоих плодов!» Разве так ты поступишь? Нет, ты будешь поливать его, и пересаживать, и все такое, что там еще делают с растениями. К тому же... Вот скажи, Катя, ты знаешь, какая ты? – спрашивала Светка. – Не знаешь или в крайнем случае только думаешь, что знаешь. Думаешь, что ты – неприступная добродетель, пока не подворачивается симпатичный сексапильный мужик. – (Катя покраснела.) – А кто-то думает, что он очень смелый, пока не попадет в зону боевых действий. А кто-то – что он честный и порядочный, пока его не соблазнят реальными бабками. Так какого черта мы, не зная, какие мы сами, знаем, какими быть нашим детям? Может, оставить их в покое и только тепла дать?»

Каждый месяц Юра привозил Кате три тысячи рублей: полторы – от себя и полторы – от Колдунова.

Катя вспоминала свои детские страдания, оттого что у нее не было приличной одежды, и ей очень хотелось, чтобы Оля с Леной избежали хотя бы их. Время летит быстро, скоро они начнут интересоваться мальчиками, наряжаться. А сейчас им так важно, у кого какой портфель, какой пенал и какие карандаши. Поэтому Катя не жалела денег на эти маленькие радости.

На себя она попросту махнула рукой. Косметичку Катя где-то потеряла в день похорон и забыла про нее тут же. Она так и не успела постричься после родов, ее рыжие волосы отросли, и теперь она зачесывала их в хвост и стягивала аптечной резинкой. А обнаружив,

что совсем обносилась, Катя достала из Светкиного шкафа джинсы и оранжевую маечку...

Но избежать крупных трат все-таки не удалось. Юра долго уговаривал и в конце концов уговорил ее пойти на курсы вождения. Ведь возить девочек в школу и ездить за продуктами гораздо удобнее и дешевле на машине. Раз уж она есть...

Теперь времени на душевные терзания не осталось совершенно. Катя по-прежнему любила Яна, но не страдала. Некогда страдать!

Глава 7

Накопив немалую, по ее понятиям, сумму, Катя со всеми детьми поехала за обновками. Она давно присмотрела магазин детской одежды на Большом проспекте и часто заглядывалась на его витрины. Все, что в них было выставлено, ей нравилось. Она собиралась купить девочкам сразу несколько вещей, которые можно было бы сочетать друг с другом.

В магазине Саша отчего-то расплакался, Катя наклонилась к нему, девочки побежали к вешалкам, но вскоре вернулись.

– Кать, а ты на ценники смотрела? – жарко зашептали они.

Она подошла, посмотрела и ужаснулась. Платье, которым она любовалась в витрине, стоило шесть тысяч! Сначала она решила, что это чья-то злая шутка: ну не может детское платье стоить столько же, сколько кожаная куртка для Кати – ее так и не реализованная мечта. Но нет, ценники на остальных вещах были примерно такими же.

– Зачем платить такие бабки за дерьмо? – сказала Лена, и деморализованная Катя даже не одернула ее. – На рынок нужно ехать, в СКК. Давай, Кать, вы с Ольгой поедете, а я с мелким посижу? – героически предложила она. – Мы же с Ольгой одинаковые...

– Хорошо, едем в СКК, но все вместе, – решила Катя. – Заодно в парке Победы погуляем.

На рынке им удалось купить все задуманное и даже немножко больше. Потом гуляли в парке, ели мороженое, катались на каруселях. Когда Катя, пошатываясь от кислородного отравления, заходила домой с сыном на руках и развеселившимися девочками сзади, она подумала, что сегодня – самый счастливый день всей ее жизни.

– Сейчас переодену Санечку и приготовлю ужин, – сказала она девочкам. – Подождите немного.

Едва голова сына коснулась диванной подушки, он моментально заснул. Катя попеняла себе, что нарушила режим и теперь Саша будет спать неизвестно сколько, а к ночи проснется голодный.

Наскоро переодев, она оставила его спать на диване, а сама побежала на кухню разогревать еду. В этот момент позвонили в дверь.

– Кто там? – крикнула она из коридора.

– Сто грамм! – раздался из-за двери бодрый голос Колдунова. – Открывай давай!

Она открыла.

Колдунов переступил порог и сразу сунул ей в руки пакет.

– Вот, это вам с девочками. А это уже нам с тобой. – Он засмеялся и вынул из внутреннего кармана куртки бутылку перцовой водки.

Кате тут же нарисовалась ужасная перспектива выпить в компании Колдунова.

– Ох, Ян, я теперь не могу пить, – пробормотала она. – Я учусь на курсах вождения, и завтра с утра у меня занятие. Я и так-то плохо езжу, так представь, что будет со мной с похмелья.

Колдунов молча пожал плечами и достал из другого кармана конверт.

– Вот еще возьми для детей. Мне сегодня огромный гонорар заплатили.

Катя засмеялась:

– Ты как индийский факир! Знаешь, они все достают и достают из карманов то голубя, то платки. Проходи, пожалуйста, поужинаешь с нами.

Девочки поели очень быстро – им не терпелось начать примерять обновки. Когда они убежали к себе, Ян закурил.

– Знаешь, давай все-таки выпьем, – вдруг решила Катя. – От одной рюмки ведь ничего не будет, правда?

– Конечно, не будет. Наоборот, ты взбодрись и покажешь превосходные результаты, – сказал Ян, отвинчивая пробку. – От выпивки стоит отказываться лишь когда на следующий день тебе предстоит визит к стоматологу или операция под местной анестезией. При похмелье новокаин не берет, это описано в литературе и проверено личным опытом.

– Ну давай, за твоё здоровье!

Они выпили, Ян закурил маринованным огурцом и спросил:

– Как вы вообще живете?

– Нормально. Большое тебе спасибо за деньги. Мы бы без вас с Юрой пропали.

– Ну уж ладно. Не пропали бы. Вон ты как классно выглядишь.

Катя засмеялась:

– Прекрати!

– Девочки как, оправились немного?

– Не знаю. По-моему, от такого удара всю жизнь не оправившись...

Они помолчали. Колдунов встал и выбросил горящий окурок в форточку.

– А вдруг он упадет кому-нибудь на голову? – спросила Катя.

Ян неожиданно засмеялся.

– Что тут смешного? – возмутилась она.

– Извини... Я просто вспомнил, как недавно познакомился с твоей маман. После поминок мы были у Юры. Она вышла и попыталась меня проклясть.

Катя поморщилась. Отсутствие нормальных отношений с мамой, конечно же, беспокоило ее. Она иногда звонила маме, но та разговаривала с ней сквозь зубы. Ясно было, что она примет только полную и безоговорочную Катину капитуляцию: требовалось упасть ей в ноги, зарыдать и просить прощения за все вместе и по каждому пункту в отдельности. Наверное, Катя смогла бы сделать это, но ее удерживали в первую очередь чисто практические соображения: помирившись с дочерью, мать обязательно начнет ездить к ней и устраивать скандалы на ровном месте. А зачем это нужно Катиным детям?

– Как она выглядит?

– Вполне бодрая. Больной человек так не орет.

– Прощу тебя, давай не будем развивать эту тему.

– Я и не собирался. Ну что, еще по одной?

– погоди, я хоть новую банку огурцов достану.

Тут дверь распахнулась, и в кухне, покачиваясь, как матрос, только что сошедший на берег, появился Саша. «Проснулся от голода», – сообразила Катя, краснея. Увидев ее, ребенок радостно крикнул: «Мама, мама!» – и затопал напрямик к ней.

– Кто это? – удивился Колдунов.

Стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушнее, она ответила:

– Это мой сын. Ты не мог бы подержать его на руках, пока я приготовлю сырники? Но предупреждаю, он может тебя описать, я его в памперсах не держу.

Оказавшись на руках у незнакомого человека, Катин сын не испугался. Он с интересом подергал Колдунова за свитер, но,

обнаружив, что на шее у него нет цепочек, а в ушах – серег, интерес утратил и потянулся к банке с огурцами.

– Ой, не давай ему, – всполошилась Катя. – Пусть пока с лошадкой поиграет.

Маленькая игрушечная лошадка стояла на подоконнике. Ян взял ее и стал стучать ею по столу, будто она скачет. Ребенок смотрел зачарованно.

– А почему Светка не говорила мне, что ты родила? – спросил Ян и подумал: «А в самом деле, почему?»

– Ну, я не хотела, чтобы все узнали о моем новом социальном статусе. Я же стала матерью-одиночкой, – пробормотала Катя.

Ян похолодел: он внезапно вспомнил, что Катина мамаша назвала его не только взяточником, но и развратником. Неужели она прокляла его за то, что он испортил жизнь ее дочери?! И тем же объясняется и Светкино молчание?

Значит, этот ребенок – его сын?..

А Катя? Что за глупость, что за идиотизм – ничего ему не сказать!

Каким бы он ни был, он имел право знать, что Катя беременна! Господи, да разве он стал бы уговаривать ее делать аборт? «Еще как стал бы», – ответил его внутренний голос. А теперь он сидел с ребенком на руках и тупо смотрел, как Катя жарит сырники...

Когда они оказались в одной постели, он совсем не знал, что она за человек. Если бы она тогда пришла к нему и заявила о своей беременности, он решил бы, что она просто хочет женить его на себе... Но как же это вышло? Ведь он всегда был очень аккуратен и расслаблялся только с Верой, которая забеременеть не могла. Как же он с Катей-то оплошал?

Но у нее же были месячные! – вдруг вспомнил он. А во время месячных забеременеть невозможно, это медицинский факт.

Катя взяла у него ребенка, посадила на высокий стул и стала кормить.

– Катя, это мой сын? – наконец Колдунов решился задать свой вопрос.

Ложка в ее руке дрогнула.

– Какое это имеет значение? Я взрослый человек, и ты не несешь передо мной никаких обязательств.

Ян подошел к ней и прижал ее голову к своему животу.

– Нет, но это просто чудо! Забеременеть во время месячных – это все равно что непорочное зачатие.

– У меня не было тогда месячных, – пробормотала Катя.

– Что?!

– Перестань кричать! Здесь коммунальная квартира. И вообще, тебе пора домой.

Домой, ха! Ян отпустил Катю и забегал по кухне. Это что же он натворил! Взял девушку, сделал ей ребенка, а сам свалил в кусты. И не нужно теперь кивать на Катю, что она ничего ему не сказала. Если бы он хотел, то давно бы все о ней знал. Он мог бы догадаться, что она переехала в коммуналку неспроста. Впрочем, главная вина его была даже не в этом. Катя любила его, а он не хотел об этом знать. Она нуждалась в нем, а он делал вид, что этого не замечает. Ему же было плохо, так почему он не пошел к ней – человеку, которому он нужен? Зачем стоял перед запертой дверью, вымаливая себе жалкие крохи, когда был дом, где его ждали?

Почему он столько лет руководствовался постулатом, что счастье не в том, чтобы быть любимым, а в том, чтобы любить самому? Какой идиотизм!

– Где мы можем спокойно поговорить? – сипло спросил он.

– У меня. Я попрошу девочек, чтобы они поиграли с Саней.

Когда Катя уносила малыша в комнату девочек, он помахал Яну ручкой и посмотрел на него знакомыми синими глазами. «Как же он похож на меня!» – поразился Ян.

Когда они зашли в комнату, Катя запоздало вспомнила, что над изголовьем ее кровати висит портрет Колдунова. Сам Колдунов, естественно, тут же уставился на свое изображение. Чтобы скрыть волнение, Катя начала собирать по комнате Сашины игрушки. Наконец Колдунов обернулся к ней.

– Прости меня, – сказал он с тяжелым вздохом. – Я и не думал, что нравлюсь тебе.

– А что ты думал? Что я мазохистка и ложусь в постель только с теми людьми, которые мне отвратительны? – раздраженно спросила Катя. Она боялась признаться Яну в том, что любила его и любит до сих пор.

Он улыбнулся и шагнул к ней – совсем как тогда, в первый и единственный раз, когда они были вместе. Катя заметила, что даже свет он выключил тем же самым быстрым движением руки. Теперь все было, как тогда: зимний вечер, темный силуэт Колдунова на фоне окна... Только Катя была другой.

Она сделала шаг назад, включила свет и твердо сказала:

– Перестань, пожалуйста. Если хочешь поговорить, давай поговорим. Только без глупостей!

– Кать, ну чего говорить? У нас с тобой только один выход – пожениться, – мрачно сказал Ян и снова попытался притянуть ее к себе. – Раз у нас дети, то что нам остается?

Господи, два года назад Катя умерла бы от счастья, если бы услышала от него эти слова, пусть даже в такой форме! Но теперь подачки ей были не нужны. Разве затем она столько времени терпела и пыталась жить в мире с собой, чтобы теперь капитулировать по первому зову? Разве она будет счастлива, выпрашивая каждый его ласковый взгляд, как нищенка на паперти?

Он – хороший человек, Катя не только любила его, но и уважала. Она знала, что, если она выйдет за него замуж, Светины девочки не будут ничем обделены. Колдунов станет всем детям заботливым отцом, а ей – хорошим мужем, но он никогда не сможет дать то, что ей нужно.

Просто потому, что в его сердце нет любви. Каждый раз, когда он ласково посмотрит на нее или скажет ей что-нибудь приятное, она будет сомневаться: искренен ли он? А может, просто ведет себя так, чтобы она не почувствовала его равнодушия?

– Почему ты считаешь, что у нас нет другого выхода, кроме как пожениться? Я превосходно справлялась одна, справлюсь и дальше.

Ян устало сел на Катину кровать и растер лицо руками.

– Ты любила меня? – спросил он прямо. Наверное, слишком устал, чтобы изъясняться намеками.

Катя опасливо присела рядом с ним.

– Я и теперь люблю тебя, – вздохнула она. – Именно поэтому я не хочу, чтобы ты на мне женился. Ты же не любишь меня и не будешь со мной счастлив... А я желаю тебе счастья.

Помолчали. Катю почти не интересовало, что сейчас скажет или сделает Ян, ей просто хорошо было сидеть рядом с ним. Когда он

обнял ее за плечи, она доверчиво прислонилась к его теплому жесткому боку.

– Почему ты решила, что я не люблю тебя? – тихо спросил он.

– Ты не хотел меня видеть.

– А если я сам не знал? Катя, если я не знал, что люблю тебя?

– Только не начинай! Не ври мне! Это недостойно тебя.

– Но нам же хорошо вместе, верно?

– Ну и что? Да с любой женщиной, если она сядет рядом и перестанет болтать, тебе будет так же хорошо, как со мной, и даже лучше!

– Нет, ты ошибаешься.

Катя отпрянула от него, встала и принялась ходить по комнате.

– Пойдем покурим? – жалобно попросила она. Ей вдруг стало очень грустно. «Уступи, – вопила ее истерзанная душа, – уступи ему! Поймай его на слове сейчас, когда он огорошен новостью о сыне! Оставь его у себя, положи в свою постель! Свяжи его цепями обязательств! Поверь его словам, пусть ты прекрасно знаешь, что он говорит их только ради того, чтобы исполнить свой долг, но ты поверь!»

«Нет, – строго сказала Катя своей душе, – это не принесет нам с тобой счастья».

Они вернулись в кухню, по пути Катя заглянула к детям. Все троим валялись на диване и смотрели детский журнал. Девочки объясняли Саше, где собачка, где кошечка, а где овечка.

Соседи уже разошлись, в кухне было темно и немного таинственно, и Катя не стала зажигать свет. Она достала сигарету, но не успела прикурить, как Ян обнял ее.

– Катя, – сказал он и тяжело вздохнул, – давай будем вместе. Я буду любить тебя, обещаю.

Она высвободилась из его крепких рук.

– Прекрати. И не говори мне, что ты сразу полюбил Сашу, как только узнал, что он твой. Прости, но ты так ведешь себя потому, что у тебя раньше не было детей. Если бы у тебя была семья, ты бы и ухом не повел, узнав, что ребенок твой.

– Я не понимаю, почему ты отталкиваешь меня!

– Господи, да потому, что ты меня не любишь! Что тут непонятного? – в сердцах закричала Катя, не заботясь о том, что может

потревожить соседей. – Как, ты думаешь, я буду жить с тобой, зная, что ты всего-навсего хочешь исполнить свой долг? Какой долг? Ты мне абсолютно ничего не должен. Мы с тобой просто один разик случайно переспали, и в том, что родился Саша, никакой твоей вины нет.

– Как же нет? Я не проконтролировал рождаемость, – попытался улыбнуться Колдунов.

– Иди домой, Ян. Уже поздно, и мне нужно укладывать детей. Хлопот полон рот. Не до страстей...

Колдунов налил прямо из-под крана воды в чайник, чиркнул спичкой, и в темноте кухни распустился голубой цветок.

– А у меня есть электрочайник, – похвастался он. – Страшно удобная штука. Вот будем жить вместе, и я привезу его сюда.

– А у меня есть привычка ставить электрочайник на газ. Так что не уживемся мы с тобой.

– Катя, что же мне делать? Хорошо, я не буду лгать, что люблю тебя, но в одном ты можешь быть совершенно уверена: мне было хорошо с тобой.

Катя достала пакетики с заваркой. Потом подумала и решила заварить настоящего чаю – с прошлого Восьмого марта у нее хранилась железная банка английского чая, подаренная одной из учениц, и Катя потчевала им самых дорогих гостей. Она ошпарила чайник, потом насыпала в него заварку, подождала, пока вода немного остынет... Она делала все очень медленно, оттягивая момент, когда Ян уйдет, и уйдет навсегда. Она так надеялась, что примирилась со своим одиночеством, что больше никогда Ян не сможет причинить ей боль, но он, спокойно сказав, что не любит ее, будто повернул в ее сердце нож.

– Что же ты молчишь?

– Я сказала тебе все, что хотела. Правда, Ян, иди. Я всегда буду с благодарностью и любовью вспоминать тебя. Вот, пей чай и уходи.

Колдунов схватил ее за руки и встряхнул.

– Как ты не поймешь, балда, что я хочу остаться с тобой! Хочу с тобой спать, держать на руках своего ребенка, хочу, понимаешь? Катя, неужели ты думаешь, что я не сумею быть благодарным за твою любовь? Я просто не могу теперь уйти, ведь еще Сент-Экзюпери сказал, что ты в ответе за тех, кого приручил.

Катя фыркнула. Когда-то она процитировала эти слова Светке. «Да иди ты вместе со своим Экзюпери! – воскликнула та. – Эта фраза, может быть, имеет смысл, если речь идет о животных, или о детях, или о дебилах, но никак не о равных тебе людях. Я вообще кто, чтобы меня приручать? Щенок, что ли?»

– Литература тут ни при чем, – устало сказала Катя Колдунову. И повторила: – Пей чай и уходи.

Он стал яростно размешивать сахар в стакане. Звук, казалось Кате, разносится по всей квартире, но Ян никак не мог остановиться.

– А как же дети? – наконец глухо спросил он. – Тебе с ними тяжело одной. Я уж не говорю о том, что хотел бы видеть, как растет мой сын.

– Ах, теперь ты думаешь о сыне? – взвилась Катя. – Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя виноватой в том, что лишаю его отца? Разве это честно, Ян? Я же не воспользовалась своей беременностью, чтобы добиться от тебя того, чего хотела.

– Но ты же молчала, как партизанка! – Катя впервые услышала, как он повышает голос, и ей стало страшно и весело одновременно. – Если бы я сегодня не зашел к тебе, то мог бы умереть, не зная о том, что у меня есть сын! И разве ты, скрывая от меня правду, считала меня человеком? Нет, ты думала, что я бесчувственный и развратный самец, и упивалась этой мыслью! Но ты просто обязана была предупредить меня о том, что ты девушка...

– Не ори. Ничего я не обязана!

– Нет, обязана!!! – Колдунов уже набрал полную грудь воздуха, чтобы высказаться от души, но Катя перебила его:

– Ну и что бы ты сделал, если бы я тебя предупредила? – спросила она и засмеялась. Ян замолчал.

– Я бы офигел, – наконец честно сказал он. – И конечно, у нас бы ничего не вышло. Знаешь, я никогда в жизни не имел дела с девушками, поэтому ничего и не понял. Катя, ну зачем ты столько врала?

– Это я-то врала? – возмутилась она. – Я просто молчала о том, чего ты не хотел знать!

– Мало ли чего я не хотел! Ну откуда в тебе столько высокомерия?

Катя вырвала у него из рук стакан с недопитым чаем и с грохотом поставила на стол.

– Знаешь, большей ахинеи я еще в жизни не слышала! Уходи немедленно. Чем скорее мы с тобой расстанемся навсегда, тем лучше будет для нас обоих.

Колдунов хищно улыбнулся и пошел прямо на нее. Видимо, он решил, что время разговоров кончилось. Катя пыталась убежать от него, но была грубо схвачена за руку и затиснута в угол. Она пыталась вырваться, но Колдунов был, кажется, сделан из железа. Он запустил пальцы ей в волосы и припал к ее губам. Вторую руку он засунул ей под юбку. Понимая, что сопротивление бесполезно, Катя все же крепко сжала ноги. Она не чувствовала возбуждения, и главной ее мыслью было: а что, если сейчас в кухню войдет кто-то из соседей?..

– Ну, все? – спросила она, когда Ян, тяжело дыша, оторвался от нее. – А теперь убирайся отсюда.

Он кинул на нее ужасный взгляд и пошел к выходу. Не проронив ни единого слова, надел ботинки и куртку. У двери он остановился, надеясь, видимо, что у Кати не выдержат нервы и она попросит его остаться. Но она распахнула дверь и, стараясь, чтобы ее усмешка выглядела как можно более издевательской, произнесла: «Прошу!»

Выходя, Колдунов больно дернул ее за ухо.

– Ты гонишь меня, потому что думаешь, что я вернусь, – зло сказал он. – И я, конечно, вернусь.

Довольная собой, она вошла в комнату девочек и потребовала, чтобы они немедленно ложились спать. В ответ раздались протестующие вопли.

– Хорошо, – сказала она. – Переоденьтесь в ночные рубашки, расстелите кровати, и я буду считать свою миссию выполненной. Дальше можете делать что хотите, но учтите, что завтра вставать в семь часов. – С этими словами она подхватила разомлевшего Саню и ушла.

Наскоро умывая сына и переодевая его в пижамку, она сокрушалась о том, что поездка за покупками и неожиданный визит Колдунова совершенно сбили детский режим. «Наверное, я плохая мать», – терзалась она, укачивая Саню.

«А ведь Ян мог бы сейчас сидеть рядом и смотреть, как засыпает его ребенок», – кольнула ее внезапная мысль.

Ну почему, почему она решила, что сын ему не нужен?

Черт, что же она наделала?!

Положив ребенка в кроватку, она выбежала на кухню и трясущимися руками выхватила сигарету из пачки.

А ведь она поступила, как ее собственная мамаша, которой всегда была нужна только полная и безоговорочная капитуляция! Она прогнала Яна, потому что поняла: теперь он никуда от нее не денется. Она говорила, что он не будет счастлив с ней, но разве он счастлив сейчас? Одиноким разочарованным мужик...

Светка говорила: «Если тебе плохо, иди к людям, которые в тебе нуждаются». Вот он и пришел!

Господи, Ян сделал всем столько хорошего! Благодаря ему у нее есть прекрасный сын. Он простил ее подлость, когда она подписала донос. А когда по ее, Катиной, милости отделение развалилось, он нашел Светке хорошую работу... Когда Светка заболела, он готов был платить за ее лечение, потом помогал на похоронах...

Да, он не любил Катю, однако заботился о ней и детях, передавал деньги... А что сделала она, любя его? Выгнала вон!

«Вот где гены-то проявляются», – зло подумала Катя и заметалась по кухне.

Ей не хватало воздуха, она задыхалась, но вместо того чтобы потушить сигарету и налить валерьянки, она снова жадно затянулась. Ей невыносимо было думать, что эту ночь она проведет одна, как сотни ночей раньше, как тысячи потом! Что она натворила! Отдавая всю себя детям, она решила, что теперь имеет право считать себя почти святой. Она стала считать себя лучше других, вот в чем ужас!

Катя снова полезла в карман, но нашла там только пустую пачку. Она смяла ее, швырнула в ведро и забегала в поисках записок. Увы, поиски не дали никаких результатов. Но если она сейчас не закурит, то просто умрет!

Она сорвала с вешалки куртку, надела сапоги и выбежала из квартиры.

«Вот сейчас треснут меня по дурной голове, и с кем дети останутся?» – мрачно думала она, сбегая по лестнице. Впрочем, вряд ли ее потертый пуховик соблазнит грабителя, и сомнительно, что найдется до такой степени неразборчивый сексуальный маньяк, чтобы напасть на нее.

Возле ларька она решила, что лучше всего ее нервы успокоят сигареты «Парламент». Тридцати рублей было жаль, но Катя мысленно поклялась, что теперь долго не позволит себе ничего лишнего.

Зайдя во двор, она посмотрела на свои окна. В комнате девочек предательски светил телевизор. Не обращая внимания на холод, Катя уселась на скамейку и стала вспоминать прочитанную утром телепрограмму: что же это такое они смотрят в двенадцатом часу ночи? Наиболее вероятным представлялся несанкционированный просмотр фильма «Скала» с Николасом Кейджем и Шоном Коннери. В нем было полно жестокости, но было и чувство: Катя сама с замиранием сердца переживала, спасут ли хорошие парни мир.

Она заплакала. Да, она вырастит детей, стараясь не очень мешать им жить, потом они станут взрослыми, и она останется совсем одна. Да, у нее будет работа, но разве это главное в жизни? До тридцати с лишним лет она прожила как в коконе, уверенная, что ее окружают пошлые недалекие люди, а когда вылезла из этого кокона, оказалось – уже поздно. Она всегда страдала оттого, что одинока, но не понимала причин своего одиночества. Она думала, что ее недооценивают, а на самом деле все было гораздо проще: она ничего не хотела дать людям просто так. Помогая Маргарите Матвеевне, требовала немедленной оплаты за эту помощь в виде восхищения собой, самоотверженной и умелой сиделкой. Ну а полюбив Колдунова, потребовала от него такой же любви...

Как жаль, что она поняла это так поздно! Господи, ей так хотелось быть счастливой! Но как много она думала о счастье для себя и как мало о счастье для других! Что ж, так ей и надо. Теперь уже плачь не плачь, ничего не изменишь. Чуда не будет, а она всю свою жизнь провела в ожидании чуда. Есть ли еще на свете такие дуры?

Она взяла со скамейки немного снега и, стараясь не думать о том, какой он грязный, протерла лицо. Нужно идти домой, где с утра дожидается глажки огромная кипа белья. Хоть расшибись, а погладить нужно сегодня – завтра с утра у нее занятия по вождению, а потом сразу пойдут ученики. Можно, конечно, запихать неглаженое белье в диван в Светкиной комнате, но Катя боялась создать прецедент. Стоит один раз дать себе поблажку – и все. Сначала она перестанет гладить, потом – готовить... Страшно подумать, во что все это выльется.

Пожалуй, сейчас она выкурит спокойно еще одну сигарету, а потом сразу встанет и пойдет гладить.

В этот момент кто-то обхватил ее сзади за талию. От испуга Катя чуть не проглотила сигарету, а ее крик наверняка был слышен во всех соседних дворах.

– Это я, не кричи, – сказал Колдунов, усаживаясь рядом и бесцеремонно вытаскивая из Катиной пачки сигарету, – я же обещал, что вернусь.

Катя замерла на мгновение... потом бросилась ему на шею и заплакала в голос.

Кряхтя, Колдунов посадил ее к себе на колени и крепко прижал к груди.

– Ох, Ян, прости меня... – бормотала она сквозь слезы.

– За что? Ну успокойся, Рыжик...

Но она продолжала горько рыдать, будто задалась целью излить наконец все слезы, накопившиеся в ней за последнее время.

– Да ты совсем замерзла, милая! Руки холодные, и без шапки...
Пойдем домой.

Глава 8

По странной прихоти судьбы Катя оказалась в той же палате, в которой лежала с Сашей. И у нее снова родился мальчик! Очень похожий на Сашу, такой же упитанный, черноволосый и синеглазый.

Колдунов хотел устроить ее к знакомым врачам в хорошую клинику, но пока собирался, у Кати начались схватки, и «Скорая» отвезла ее в ближайший роддом. Ян был, естественно, на работе, девочки – в школе, а Саня – в логопедическом садике, куда его пришлось отдать из-за проблем с шипящими. «Скорая помощь» оказалась действительно скорой, и врач с молоденькой медсестрой очень удивились, когда роженица заявила, что им придется подождать, пока она сделает несколько звонков и устроит, чтобы всех ее детей забрали вовремя. Дозвониться до мужа ей не удалось – он оперировал, но старшая сестра пообещала, что все ему передаст, и просила Катю ни о чем не беспокоиться. Но Катя все же позвонила Маргарите Матвеевне – та с радостью согласилась съездить за Саней.

Не беспокоиться не получилось. Не успела Катя толком рассмотреть новорожденного, как в роддом примчался Колдунов с девочками. Не поинтересовавшись, кого Катя родила, они хором стали орать, что Сани нигде нет.

– Господи, Ян, я же уехала сюда утром... Я просила забрать его Маргариту Матвеевну... Так он у нее! – Катя выхватила из кармана мужа мобильный телефон и набрала номер: – Алло, Саша у вас? Да? Ну слава Богу, а то мои его потеряли.

– Катя, блин, что же ты нам не сказала? – завопил Ян. – Я чуть с ума не сошел, думал...

– Да уж можно было догадаться, что я не оставлю его одного на целый день в квартире, – огрызнулась Катя. – Но я думала, что Маргарита Матвеевна приведет его домой, а она к себе забрала. Просит сейчас, чтобы он пожил у нее, пока я в роддоме. Ты же не будешь с ним сидеть!

– Предупреждать же надо! Ты бы хоть записку оставила...

– А вы бы хоть спросили, как у меня все прошло!

– Мы знаем. Мальчик, три восемьсот, пятьдесят три сантиметра. Оля с Леной с вахты в школе позвонили, пока меня дожидались. Спасибо тебе, Рыжик! – Колдунов обнял ее, расцеловал, не смущаясь ни присутствием девочек, ни тем, что они находились в общем коридоре роддома, и положил руку на Катин живот. – Как хорошо у тебя матка сократилась! – похвалил он.

– Чай, не первый раз, – улыбнулась Катя и обняла сразу и его, и девочек. – А что ты мне поесть принес? Я ужасно голодная, с утра только чаю попить успела.

Ян потупился.

– Ну, ты же понимаешь, нам было не до еды...

– А почему вы вообще Сашку искать ко мне примчались? – запоздало возмутилась Катя. – Я вам что, волшебник Изумрудного города? Вы даже не подумали о том, что я роженица и меня нельзя волновать! Нет бы посидеть, подумать, куда он мог деться.

– Не шуми, лапочка. Скажи, чего тебе хочется, я сбегаяю.

– Да хотя бы булку и йогурт. Ужин разносили, пока я была в родилке, и теперь до утра мне ничего не дадут.

Катя с улыбкой смотрела, как он бежит по коридору. Обняла девочек, которые до сих пор не совсем отошли от испуга за Сашу.

– По дороге купите себе чего-нибудь, – сказала она. – Дома – куриный суп, а котлеты я поджарить не успела, и что-то подсказывает мне, что Ян не будет этого делать. Если хотите, сами попробуйте поджарить. Главное, не включайте сильный газ, жарьте на маленьком огне и не жалейте масла.

– Не волнуйся. Пять дней уж как-нибудь продержимся, – улыбнулась Лена. – Мы поедем в школе, Ян на службе. Утром по яйцу сварим, а вечером чай будем пить с бутербродами. В крайнем случае соседи помогут что-нибудь приготовить.

(Все семейство продолжало жить в коммуналке. Колдуновскую квартиру они сдавали: шесть тысяч в месяц были серьезным подспорьем.)

– Нет, ну как мы Саню потеряли! – сказала Оля. – Ян чуть не описался от ужаса!

– Оля! – Катя укоризненно покачала головой.

Тут вернулся Ян с двумя пакетами еды.

Катя отругала его за расточительность и заставила большую часть покупок забрать домой.

Второй Катин ребенок оказался таким же спокойным, как и Саня, и молока у Кати снова было много. Теперь она была уже опытной матерью и охотно раздавала советы соседкам, учила их сцеживаться и пеленать малышом. Одна из женщин, лежавших в палате, родила без мужа и, судя по всему, очень переживала из-за этого.

Катя ни о чем ее не спрашивала, но однажды вечером рассказала ей собственную историю. После этого соседка немного повеселела.

– Я лежала в этой же палате, – говорила Катя, – и была абсолютно уверена в том, что уже никогда не буду счастлива как женщина. Так же, как и ты, я смотрела ночами в окно, мечтая увидеть на этой дорожке отца своего ребенка. Но тогда он не появился. Он пришел много позже, когда я утратила всякую надежду быть вместе с ним. Нужно потерпеть, и все обязательно получится!

Иногда Катя удивлялась тому, насколько изменилась ее жизнь и как сильно изменилась она сама. Разве могла она подумать, что из старой девы превратится в мать большого семейства? И попав после долгого перерыва на концерт в консерваторию, будет думать не о музыке, а о том, как бы дотянуть до Яновой зарплаты и где бы взять еще учеников. И уж совсем никогда, даже в кошмарном сне, она не могла себе представить, что будет носить мини-юбки!

Теперь она ощущала себя настолько счастливой женщиной, что ей казалось: такое счастье не может быть долгим. «Господи, – молилась тогда Катя, – сделай со мной все, что угодно, пусть у Яны будет другая женщина, пусть я заболею и умру, все, что угодно, только не допусти, чтобы что-то случилось с детьми и Яном!»

То, что за девять месяцев совместной жизни (Катя забеременела сразу) Колдунов ни разу не сказал, что любит ее, теперь радовало Катю. Ведь если бы он, ко всему прочему, еще и полюбил ее, это сделало бы ее счастье невыносимо полным, и тогда за него уж точно пришлось бы сурово расплачиваться!

...Она взяла ребенка на руки и улыбнулась. Как же назвать его? Все почему-то были уверены, что родится девочка и проблемы выбора имени не возникнет. Разумеется, она будет Светой. О мальчике никто

даже не задумывался. Жалко, что у имени Светлана нет мужского варианта. Хотя... Светкиного мужа звали Мишей... Девочкам будет приятно, если малыша назовут в честь их отца. Михаил Янович – да, это звучит!..

Выписывали из роддома обычно с десяти до одиннадцати утра, Колдунов об этом знал, но было уже почти одиннадцать, а он все не появлялся. «Какого черта! – ругалась про себя Катя. – Или он перепутал дни?» Как жаль, что у нее нет мобильного и она не может ему позвонить! Телефон-автомат в коридоре не работал, но, кроме нее, это никого не волновало: у всех остальных мобильники были. Конечно, любая из соседок по палате дала бы ей свой, но соседок давно уже забрали домой.

В одиннадцать пришла нянечка и объявила, что начинает мыть палату. Она согнала Катю с кровати, свернула ее матрас вместе со всей постелью в рулон и унесла. Лечь теперь было не на что, а сидеть она еще не могла – оставалось только ходить из угла в угол и гадать, что случилось. Мишенька, к счастью, спал. Катя не представляла себе, что будет делать, если он проснется и захочет есть. На пол, что ли, ложиться, чтобы покормить его?

Она побежала в сестринскую. Услышав Катину просьбу, пожилая медсестра нахмурилась, но позвонить разрешила. Любезный голос сообщил Кате, что абонент временно не обслуживается. Она набрала домашний номер – трубку никто не взял. И тогда Катя запаниковала всерьез.

Взглянув на ее смертельно бледное лицо, медсестра потянулась за нашатырным спиртом.

– Мало ли из-за чего человек может задержаться, – уговаривала она Катю. – Да наверняка ничего страшного...

«Как бы не так, – думала Катя. – Страшное всегда подкрадывается из-за угла и нападает внезапно».

Сестра уложила ее на диванчик, потом ей принесли проснувшегося малыша. Дежурная смена стала прикидывать, на чем отправить Катю с ребенком домой, но тут позвонили с выписки и сообщили, что за Катей пришли.

Детская сестра с Мишенькой на руках шла уже знакомым Кате маршрутом, и, как в прошлый раз с Санькой, Катя ужасно боялась, что

она споткнется на неровном полу или выщербленной ступеньке и уронит ребенка...

Переодевшись в принесенную из дома одежду, Катя перепеленала малыша, сама взяла его на руки и вышла в вестибюль. К ней бросились зареванные Оля с Леной. Яна с ними не было. У Кати подкосились ноги.

– Что случилось? – непослушным языком произнесла она. – Говорите, ну!

– Ян с утра пошел на работу... – Обе девочки зарыдали. – Он сказал, что только посмотрит больного, и сразу назад...

Почувствовав, что ноги не держат совсем и сейчас она упадет, Катя сунула ребенка Оле.

– Не молчите! Ну!

– А потом он нам позвонил... и сказал, что должен остаться на операцию. Мы ждали-ждали, думали, вдруг он все-таки приедет за нами, а потом собрались и поехали одни.

Катя чуть не выругалась вслух. Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула.

– Он нам не разрешил одним ехать, – продолжали близнецы. – Мы должны были позвонить Юре, но Юры не было...

Катя открыла глаза.

– Ладно, – устало сказала она. – Ждите меня здесь. Я пойду такси ловить. И аккуратнее с малышом!

Шофер такси, подъехав с Катей к роддомовскому садику, при виде Оли с младенцем на руках изменился в лице. «Это что, теперь такие рожают?» – спросил он, и Кате стоило большого труда его успокоить.

Обе комнаты сияли чистотой. В комнате девочек был накрыт праздничный стол.

– Ты, наверное, есть хочешь? – Оля с Леной суеились вокруг дивана, на котором Катя раздевала малыша. – Ой, какой он хорошенький!.. И на Саньку похож!

– Конечно, хорошенький, – с гордостью сказала Катя. – Вот сейчас покормлю его, потом сбегая за Санькой, соберемся все вместе и будем Яна ждать.

– Саньку Маргарита Матвеевна сама приведет. А за стол мы когда сядем?

Катя подумала, что девочки с утра ничего не ели, сама она тоже была ужасно голодной. Но что за праздничный стол без Колдунова?..

– Вот Ян приедет, тогда и сядем, – твердо сказала она. – Вы так красиво все сделали, я хочу, чтобы он тоже полюбовался. А пока давайте чаю попьем.

Она прилегла на диван, чтобы покормить малыша, девочки заботливо укутали ей ноги пледом и побежали готовить чай. Катя вспомнила, как после первых родов за ней ухаживала Светка, и всплакнула.

Колдунов вернулся только в шестом часу. Поцеловав Катю и вручив ей три белые розы, завернутые в целлофан, он тщательно вымыл руки и пошел смотреть на сына. Тот недавно поел и теперь спал, поэтому Яну удалось увидеть только пухлую щечку да прядь черных волос.

– Я хочу назвать его Мишей...

– Хорошее имя. Как же ты добралась, бедная моя? – Ян повернулся к ней и обнял. – Я чуть с ума не сошел, думая о тебе. Я был уже в пальто, когда меня вызвали в приемное. Я им говорю: «Вы что, ребята, я за женой в роддом еду...»

Катя засмеялась:

– Не оправдывайся! Ты же не мог оставить человека без помощи.

– Ну да, – уныло согласился он, – не мог. Хотя мне очень хотелось плюнуть на все и бежать к тебе. Я же люблю тебя!

«Вот он и сказал те слова, которые я уже не надеялась услышать, – подумала Катя. – И ничего не изменилось. Оказывается, слова не меняют ничего».

Салаты, приготовленные девочками, были малосъедобными, но Ян с Катей ели их да нахваливали. Вскоре появилась Маргарита Матвеевна с Сашей, и Катя повела их знакомиться с новым членом семьи.

...Переполненные впечатлениями дня, девочки и старший сын уснули рано. Сегодня их положили в одной комнате. В другой Катя кормила Мишеньку.

Колдунов сидел на кухне, курил и пил чай. Потом он долго принимал душ, потом снова курил на кухне... Не дождавшись мужа, Катя вышла к нему сама:

– Почему ты не идешь спать?

– Катя, я понимаю, что тебе со мной трудно...

Она молча прижалась к нему.

– Очень трудно... – Ян вздохнул. – Я совсем не забочусь о тебе, целый день на работе... Но знаешь... Пусть с первыми двумя не получилось, но уж в третий раз я обязательно встречу тебя из роддома!

---

notes

Примечания

1

ЛКК – лечебно-контрольная комиссия. Это конференция, где обсуждается клинический случай и компетентные специалисты указывают доктору на совершенные им ошибки, но исправить что-либо оказывается, как правило, уже невозможно.

Адъюнктура – то же самое, что аспирантура, только у военных. Адъюнкт (аспирант) в течение трех лет занимается научной работой, пишет диссертацию и после ее защиты становится кандидатом наук.

3

Субординатор – студент шестого курса мединститута.

4

ОМС – обязательное медицинское страхование.